

ОБЕЩАЙ, ЧТО НИКОМУ НЕ СКАЖЕШЬ

*Если я покажу тебе мой секрет,
обещай никому не говорить.
Ты должна поклясться!*

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Annotation

Кейт Сайфер возвращается в город своего детства, чтобы присматривать за пожилой матерью, но сталкивается с неожиданно враждебным отношением местных жителей. Оказывается, недавно в окрестностях была убита девочка, и ее смерть подозрительно похожа на несчастный случай, который произошел много лет назад с Дел Гризуолд, одноклассницей Кейт. Эта история положила начало городской легенде о загадочной Картофельной девочке, которая бродит в одиночестве по лесам. Кейт, конечно, не верит в призраков, но когда Ник, старший брат Дел, приходит к ней и просит связаться с погибшей сестрой, здравый рассудок Кейт подвергается серьезному испытанию.

- [Дженнифер Макмахон](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть 1. Тогда и теперь](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
  - [Часть 2. Последние дни](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
  - [Часть 3](#)

■ [Глава 19](#)

● [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
-

Дженнифер Макмахон

Обещай, что никому не скажешь

Jennifer McMahon
Promise not to Tell

© Савельев К., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Пролог

7 ноября 2002 года

21.30

– После смерти Картофельной Девочки убийца вырезал ее сердце. Он закопал его, но на следующий день она восстала *на том же самом месте*. – Для большей убедительности Райан ткнул палкой в костер, и в ночи рассыпался дождь искр.

Опал незаметно придвинулась к Райану. Ему было пятнадцать лет; красивый паренек, на фермерский манер. Тори говорила, что Райан просто без ума от Опал. Это Тори все устроила. Она сказала, что будет очень весело отправиться в лес и устроить посиделки со старшими ребятами. Опал немного нервничала, она еще никогда не целовалась с мальчишками, но не собиралась никому признаваться в этом, даже своей лучшей подруге.

– Что, прямо как зомби? – спросила Тори.

Опал молчала. Она ненавидела истории о Картофельной Девочке. Ненавидела, поскольку знала, что все это правда, а не выдумка.

– Да, вернулась из мертвых, словно зомби. Это как с картофелиной. Разрежь ее на части и закопай любую, – даже кусок кожуры с глазками, – и вырастет новая картошка. – Райан с треском сломал палку и бросил ее в костер.

Опал поежилась. Она вспомнила о визите, который нанесла сегодня днем. Нет, лучше не думать о таких вещах. И уж точно она не собиралась ничего рассказывать остальным. Еще решат, что она врёт, или сошла с ума, или того и другого понемножку.

– И теперь она бродит по лесу, – добавил Сэм. – Знаете, как можно угадать, когда она рядом? По запаху. Такая вонь, как от гнилой картошки. Вы можете учуять ее за сотню футов.

– Ох, пажа-алуста! – Тори закатила глаза. Сэм был парнем как раз в ее духе.

– Давайте начистоту: вы не верите, что Картофельная Девочка настоящая? – спросил Райан.

– Я знаю, что она когда-то существовала на самом деле. Моя мама ходила вместе с ней в школу. Она была просто бедным ребенком, и ее убили, а вся эта ерунда насчет призрака... называйте, как хотите. Это все местные байки.

– Господи, Тори, ты забыла, что Дэн и Крис видели ее прямо здесь на

прошлой неделе? – вмешалась Опал. – А как насчет Джейни, младшей сестры Бекки Шеридан? Она говорит, что Картофельная Девочка встретила ее на старом поле Гризуолда и заперла в овощном погребе.

«И как насчет меня?» – подумала Опал.

– Вы, ребята, когда-нибудь повзрослеете? Дэн и Крис, как обычно, были под кайфом, а Джейни просто болталась без дела и застряла в погребе. – Тори раскинула руки в победном жесте.

– Ну-ну, – пробурчала Опал. – Дверь была заперта на задвижку снаружи. Интересно, как это ей удалось?

– Я просто говорю, что любую фигню можно объяснить.

– А я говорю, что некоторую фигню объяснить невозможно, – отозвалась Опал.

Она знала, что Тори все еще злится на нее из-за куртки. Раньше, еще до встречи с ребятами, Тори обнаружила, что Опал без спросу взяла ее дорожную куртку. Это само по себе было не очень-то хорошо, но что еще хуже, Опал не сняла куртку, когда укрепляла цепь на своем велосипеде. Тори пришла в ярость, когда увидела жирное пятно от смазки на левом рукаве. Опал пришлось пообещать, что она отдаст куртку в химчистку и заплатит за это из своих карманных денег. А Тори сможет носить ее куртку. Правда, эта куртка тоже не вполне принадлежала ей. Речь шла о самой старой и любимой куртке ее матери, которую Опал одалживала без спросу, что теперь ей даже запретили к ней прикасаться. Куртка из светло-коричневой замши с бахромой на подоле и рукавах. Женская ковбойская куртка для рок-звезды, и Опал приходилось признать, что она куда лучше смотрелась на Тори, которая была немного старше и фигура у нее была хоть куда. Обе девочки носили одинаковую стрижку (они ходили в парикмахерскую Ширли на окраине города), и обе были блондинками, но на этом сходство заканчивалось. Опал знала, что из них двоих именно Тори была хорошенькой – на нее засматривались парни. По правде говоря, большую часть времени ее это не заботило. Она имела куда более веские причины для беспокойства, чем внимание мальчиков.

Опал знала, что ее привычка брать вещи без спросу раздражает людей и что когда-нибудь у нее будут настоящие неприятности из-за этого, но никак не могла удержаться. В половине случаев она даже не сознавала, как у нее это получается, – как в тот вечер, когда она взяла дорожную куртку Тори и почти дошла до дома, прежде чем поняла, что на ней надето. У каждого есть свои недостатки. Некоторые люди курят. Другие грызут ногти. Опал же брала вещи без спросу. На самом деле это не было воровством. Она брала вещи лишь у тех людей, которых хорошо знала,

которые ей нравились и с которыми она ощущала определенную близость. И она старалась возвращать вещи в целостности и сохранности еще до того, как владелец обнаружит пропажу. Когда она носила чужие вещи, это наполняло ее тайным восторгом, придавало ощущение, что она гораздо старше своих лет. Эти вещи были похожи на амулеты или талисманы, каким-то образом наделенные частичкой души других людей.

Ночь была холодной. Четверо ребят сидели рядом с костром, и парни обменивались историями о Картофельной Девочке. Тори в основном молчала, иногда ерошила волосы, фыркала и качала головой, слушая самые нелепые выдумки. Как будто на свете не было других историй! Каждый ребенок в Новом Ханаане с раннего детства слышал о том, как Картофельная Девочка бродит по лесу, где ее убили, ищет убийцу и жестоко мстит каждому, кто оказывается на ее пути.

– Готов поспорить, она остается здесь, потому что убийца не покинул эти места, – сказал Райан. – Она знает, кто он такой, и не успокоится, пока он не умрет.

– Но она взъелась на целый город, – возразил Сэм. – Она прокляла всех.

– Прокляла или не прокляла, но мне нужно в туалет. – Тори встала, кутаясь в замшевую куртку. – Сейчас вернусь.

– Возьми фонарик, – предложил Сэм.

– Луна уже взошла; как-нибудь найду дорогу, – ответила Тори и вышла из круга света возле костра.

– Будь осторожна, – крикнул Сэм ей вслед. – Я чую гнилую картошку!

– Козел! – откликнулась она.

Они слышали шорох сухих листьев и хруст веток под ее ногами, но потом шаги отдалились и стихли. Один раз Тори негромко выругалась, – возможно, запуталась в зарослях кустарника. Огонь ровно потрескивал. Ребята рассказали еще несколько историй.

Примерно через пять минут Опал предложила Сэму поискать Тори. Ребята отмахнулись и сказали, что девчонки всегда долго писают. Они посмеялись над тем, что это занятие может отнимать так много времени.

Через десять минут они стали звать Тори, но она не откликнулась. Парни сказали, что она, должно быть, решила подшутить над ними и хочет напустить на них страху.

– Ну, хорошо, – наконец бросила Опал. – Вы, двое настоящих мужчин, останетесь здесь, а я пойду и найду ее.

Она взяла фонарик у Райана и ушла во тьму.

Райан и Сэм оставались у костра, посмеиваясь над истеричными девочками. Разве не для этого они собрались здесь? Разве они не пришли в зачарованный лес, как делали десятки других парней, в надежде на то, что испуганным девочкам понадобится небольшое утешение? Разве вся эта ерунда насчет злобного призрака не служила предлогом для того, чтобы сходить в лес и от души подурачиться? И разве лес за старым поместьем Гризуолдов не был буквально усеян бутылками и презервативами, призрачными напоминаниями о приходивших сюда молодых парочках, которые видеть не видели призрака замученной девочки?

Пронзительный крик Опал оторвал их от этих мыслей. Парни бросились от костра в темную чащу, заросшую кустарником. Они видели свет фонарика, прыгающий за деревьями, а когда подошли поближе, то услышали рыдания Опал.

Райан на секунду опередил Сэма. Он замер, как вкопанный, и шагнул назад.

– Что за хрень? – выдохнул он.

Тори лежала под большим узловатым кленом, совершенно обнаженная, с обмотанным вокруг шеи проводом. С ее левой груди был аккуратно срезан квадратный кусочек кожи. Ее одежда аккуратно сложена в кучку рядом с ней. Опал стояла, прижав одну руку к щеке и издавая жуткие свербящие звуки. Свет фонарика танцевал на бледной коже Тори.

– Это шутка! – выкрикнул Сэм и разразился визгливым смехом. – Гребаная идиотская шутка! Ну же, давай!

Он пихнул Тори ногой в бок, и ее лицо оказалось освещенным лучом света фонарика. Из посиневших губ высовывался кончик ее языка. Глаза выпучились в глазницах, широко распахнутые и остекленевшие, словно у куклы. Сэм завопил.

Райан первым вышел из ступора. Он взял фонарик у Опал и сказал, что им нужно обратиться за помощью. Ребята побежали и не заметили, как Опал, которая сначала следовала за ними, повернула назад.

Она добралась до поляны, подавила рыдания и направилась к кучке одежды, изо всех сил стараясь не смотреть на мертвую подругу. Аккуратно сложенная замшевая куртка лежала внизу. Опал сдвинула остальную одежду и заметила сверху белые кружевные трусики, тоже заботливо сложенные и блестящие, как крупный мотылек в лунном свете.

Потом она надела куртку, все еще хранившую тепло Тори, отчего к ее горлу подкатил горький комок, и снова посмотрела на тело. Тори была похожа на пластиковый манекен, распростертый на траве. Казалось

невероятным, что это та самая девочка, которая только что злилась на нее за испорченную дорожную куртку. Девочка, которая отказывалась верить в призраков.

Опал почувствовала, что за ней следят, но это были не пустые глаза ее мертвой подруги, а кто-то еще... *что-то* еще. Она медленно и боязливо повернулась.

Именно тогда она заметила силуэт: маленькую бледную фигуру в длинном платье, стоявшую за деревом примерно в двадцати футах. Опал видела, как она отдалается, зигзагами петляя между кленами, и углубляется в темную чащу, а потом и вовсе исчезает из виду.

Опал бежала со всех ног, пока не поравнялась с парнями. Ее сердце бешено стучало в груди, и она прикусила язык, чтобы удержаться от крика. Оставалось лишь уповать на то, что они не заметят, как она надела куртку, которую весь вечер носила Тори. Они и впрямь не заметили. А она не собиралась рассказывать им о том, что видела, когда вернулась на поляну.

Лишь через несколько часов, когда Опал вернулась домой после допроса и коронер отправился забрать тело Тори, она поняла, какую ошибку совершила. Ей не хотелось объяснять, почему ее погибшая подруга носила куртку ее матери, – ту самую куртку, к которой ей запретили прикасаться. Но кому какое дело? И зачем вообще думать о какой-то глупой куртке? Но теперь Опал была причастна к этому делу, и не только потому, что провела тот вечер вместе с подругой. Она взяла ее куртку. Лучше всего было убрать ее в шкаф и никогда не упоминать о ней. Именно этим она и занималась, когда заметила, что кое-чего не хватает.

Звезда. Потускневшая от времени металлическая звезда шерифа, которую она прикрепила сегодня днем, куда-то исчезла.

– Вот дрянь! – пробурчала она, ощупывая два маленьких прокола в замше, куда вставляла крепежную булавку.

Должно быть, звезда упала где-то в лесу. Единственное, что оставалось, – вернуться и найти ее. Нужно было вернуть звезду, прежде чем пропажу обнаружат.

Опал в стотысячный раз повторила себе: «Все, пора с этим кончать. Больше я ничего не буду одалживать». На этот раз она верила, что говорит правду.

17 ноября 2002 года

22.20

Меня зовут Кейт Сайфер, и мне сорок один год.

Сегодня вечером я убила человека.

Я всегда считала, что не способна кого-то убить. Мысли о самоубийстве пару раз посещали меня, но убийство? Нет, никогда. Только не эта белокрылая голубка. Я принимала участие в маршах мира и регулярно жертвовала деньги для «Международной амнистии»^[1]. Ради всего святого: я школьная медсестра, которая рисует веселые рожицы на упаковках бактерицидного лейкопластыря.

Но это не отменяет тот факт, что именно я нажала на спусковой крючок и с почти безупречной точностью проделала дыру в сердце другого человека.

Для того, чтобы как следует объяснить случившееся, мне придется рассказать целую историю. Мне нужно будет вернуться не только к убийству Тори Миллер, произошедшему в лесу десять дней назад, но и к убийству, со дня совершения которого прошло уже больше тридцати лет. Моя история начнется с тех пор, когда я училась в пятом классе с девочкой по имени Дел Гризуолд. Немногие местные жители смогут припомнить это имя, но в городе нет никого, кто не слышал бы о Картофельной Девочке. Судя по всему, она является самой знаменитой уроженкой Нового Ханаана, что довольно странно, поскольку при жизни она была лишь тощим ребенком с грязными исцарапанными коленками, и, судя по ее виду, вы могли бы сказать, что из нее не получится ничего особенного.

Как же сильно мы заблуждались.

Часть 1. Тогда и теперь

Весна 1971 года,

7—16 ноября 2002 года

Раз картошка, два картошка, она здесь жила немножко,

Три картошка, ну и вот: она больше не живет.

Глава 1

Конец апреля 1971 года

– Потрогай ее, – предложила она.

– Ни за что. Жуть какая!

– Что, слабо тебе?

– Ни фига. Боже, что случилось с ее глазами?

– Думаю, их выклевали. Или они просто высохли и выпали наружу.

– Гадость. – Я поежилась, – отчасти от холодного ветра, отчасти от мысли об этих глазах. Была ранняя весна. Земля у нас под ногами представляла собой вязкое грязное месиво и кое-где еще не оттаяла. На прошлой неделе отбушевала последняя метель, и на земле еще оставались пятна снега, таявшего в лужах и ручьях посреди бугристого поля.

– Давай, Кэт, ты должна меня слушаться. Когда я у себя дома, здесь надо играть по моим правилам. Это тебя поймали на нашей территории. Я могла бы сделать так, чтобы тебя арестовали. Или попросить папу прийти сюда с ружьем. Потрогай ее!

– Лучше сама потрогай.

Бледное лицо Дел исказилось в улыбке. Она протянула руку и погладила мертвую птицу пальцами с грязными ногтями с головы и до хвоста. Ее прикосновение выглядело нежным, словно птица была ручной канарейкой: существом, которое она кормила и называла по имени. Птицей, чьи песни она знала наизусть. Ее Крошкой Полли, ее любимой Чирикой.

Гниющая ворона тяжело качалась на проводе. Дел толкнула ее ко мне, раскачав еще сильнее. Мы как будто играли в тошнотворную разновидность тетербола^[2]. Я отскочила назад. Дел засмеялась, откинув голову с жесткими светлыми волосами. Она широко разинула рот, и я заметила, что правый передний зуб был сколот. Не хватало лишь маленького уголка; даже не заметишь, если не смотреть пристально.

Ворона продолжала раскачиваться. Ее левая лапка была обмотана проводом с белой пластиковой изоляцией. Это крепче, чем веревка, объяснила Дел. Птица висела примерно в трех футах от верхушки деревянного столба, вкопанного в центре небольшого поля, где совсем недавно появились неровные ряды побегов зеленого горошка. Маленькие деревянные столбики с приколоченной ржавой железной сеткой стояли между рядами, образуя шпалеры для вьющихся растений.

Дел сказала, что ее брат Ник подстрелил ворону две недели назад. Он

выследил птицу, когда она вылевывала семена горошка из земли, и завалил ее из духового ружья. Потом они с отцом повесили ворону точно так же, как делали это каждый год: мертвая птица должна была отпугивать других ворон, чтобы им неповадно было сюда соваться.

Я протянула руку и потрогала сальные черные перья на растрепанном крыле. Там копошились жучки, прогрызавшие оперение, чтобы впиться в гниющую плоть. Зеленые мухи с металлическим отливом отложили яйца в глазницах маленького трупа. Даже в мертвой птице пульсировала жизнь. Она воняла как старый гамбургер, оставленный на солнце. Какдохлый енот, которого моя мать однажды нашла под крыльцом в Массачусетсе. Он лежал и гнил глубоко под половицами, где никто не мог до него добраться. Мать сыпала известку через щели в половицах, оседавшую на раздутом трупе, как рождественский снег. Несколько недель на крыльце воняло; запах проникал в открытые окна и двери, приставал к нашей одежде, коже и волосам. Ничто не сравнится с запахом смерти. Его ни с чем не перепутаешь.

По дороге домой из школы я каждый день заходила на поле Гризуолдов. Так продолжалось целый месяц, прежде чем Дел поймала меня и отвела посмотреть на ворону. Вообще-то я надеялась увидеть ее, – посмотреть за Дел, – оставаясь незаметной. Может быть, тогда я узнаю, правду ли о ней говорят, будто ее отец на самом деле был ее братом, что она ложилась спать вместе с цыплятами и ела только сырую картошку. И еще такие слухи ходили: у нее есть хромой пони. Некоторые дети утверждали, будто видели, как она ездит на нем совершенно голая в поле за домом.

Я вовсе не собиралась заводить дружбу с девчонкой вроде Делорес Гризуолд. Я жила в Новом Ханаане всего лишь полгода, но этого было достаточно, чтобы знать правила. Правило номер один для выживания в пятом классе гласило, что нельзя водиться с Картофельной Девочкой, если не хочешь, чтобы другие обходили тебя стороной. Дел была изгоем. Ребенком, которого страстно ненавидели другие дети. Она была слишком худой и приходила в школу в поношенной грязной одежде, которая часто доставалась ей от братьев. Она была старше остальных пятиклассников, потому что задержалась в детском саду на год, а потом еще и в четвертом классе. Слой грязи у нее на шее был таким толстым, что казалось, будто ее на самом деле выкопали из земли, как одну из картофелин, которые росли на ферме ее отца. При этом она была настолько бледной, что казалось, будто только что вышла из подземелья. А если вы приближались к ней, то ощущали, как от нее веет сырой землей.

Может быть, если бы тогда у меня были другие подруги и если бы я

водилась с кем-то еще, то я не стала бы срезать путь через эти замерзшие поля в надежде увидеть голую Картофельную Девочку, скачущую на пони. Может быть, тогда я бы вообще не встретила с ней, и она не показала бы мне свой секрет в овощном погребе и не заставила бы прикасаться к мертвой вороне.

Но у меня не было друзей. Как и Дел, я была здесь чужой. Девочкой из Нью-Хоупа, которая приходила в школу с коробкой для ланча, полной тушеных овощей, толстыми ломтями домашнего хлеба из муки грубого помола и сушеными фруктами на десерт. Как мне хотелось стать ученицей, которая приносит с собой белый хлеб и болонскую копченую колбасу! Или даже, подобно Дел, иметь при себе потертые латунные жетоны, которые дети бедняков каждый день обменивали на горячий ланч в кафетерии. Мне нужно было иметь что-то такое, что связывало бы меня с определенной группой, компанией детей, но вместо этого я торчала одна, как больной мизинец, жевала свой «хипповый» завтрак в одиночестве и глупо улыбалась любому, кто проходил мимо моего столика.

Ферма Гризуолдов находилась у подножия холма Буллраш. Плоская вершина холма площадью сто двадцать акров принадлежала духовной общине Нью-Хоуп, куда моя мать вступила предыдущей осенью. В Уорчестере, где она работала секретаршей, а у меня были настоящие друзья, которых я знала всю свою жизнь и думала, что буду знать вечно, не нуждаясь в новых знакомствах, – она познакомилась с мужчиной по прозвищу Ленивый Лось, которого на самом деле звали Марк Любовски. Он заморочил матери голову и уговорил ее отправиться вместе с ним в Новый Ханаан в штате Вермонт, куда он приезжал время от времени в течение последнего года. Он сказал, что некий Гэбриэл затевает нечто большое и совершенно революционное: утопическую общину.

По правде говоря, я была так же очарована Ленивым Лосем и его историями, как и моя мать. У него было доброе лицо с глубокими морщинами вокруг глаз и рта. По-видимому, стесняясь своей ранней лысины, он носил кожаную шляпу с широкими полями и бело-коричневым полосатым пером индейки, заправленным под ленту. Он снимал шляпу лишь перед сном, и даже тогда она обычно лежала в ногах кровати, где иногда спала кошка, принадлежавшая другой супружеской паре. По его словам, перо, которое он нашел в лесу за Нью-Хоупом, было талисманом, объектом магической силы, освобождавшим его дух.

Поэтому мы со свободной душой отправились в путь в его оранжевом «Фольксвагене», ожидая, что вскоре найдем свой рай. Вместо этого мы обнаружили несколько ветхих построек, колодец, из которого качали воду

ржавой ручной помпой, небольшое стадо коз, с дьявольским упорством уничтожавших все вокруг, и большое холщовое типи, которое служило нам домом в последующие годы. Ленивый Лось благоразумно опустил все подробности в своих описаниях Нью-Хоупа, и хотя мы с матерью не могли скрыть первоначального разочарования, но все-таки верили, что сможем создать новую, лучшую жизнь для себя, как и было обещано. Со свойственной ей решимостью моя мать наполнила типи разноцветными плетеными ковриками и чистым постельным бельем. Она отскребла грязь с колпаков масляных ламп и приучила Ленивого Лося снимать заляпанные сапоги перед входом. Хотя наш маленький круглый дом был далек от рая, он, по меньшей мере, был светлым и чистым.

У подножия холма Буллраш, на углу, где наша грунтовая дорога пересекалась с Рейлроуд-стрит, которая уже тогда была заасфальтирована, стояла ферма Гризуолдов. Раньше здесь находилась молочная ферма, но они продали коров за несколько лет до нашего приезда. Тем не менее запах навоза по-прежнему был ощутим, особенно когда шел дождь. От него, как и от запаха смерти, было нелегко отделаться.

Гризуолды жили в покосившемся доме с облупившейся побелкой. На крыше там и сям были заметны проплешины: где черепица съехала, а где попадала. Под застрехами гнездились ласточки. Покосившийся красный амбар со старой жестяной крышей давно обрушился, и мрачные руины служили убежищем для сотни диких кошек и нескольких бродячих собак (одна ковыляла на трех ногах, у другой не хватало одного глаза, а третья была покрыта безобразными шишками). На переднем дворе, где было больше утопанной грязи, чем травы, за большим черным почтовым ящиком с их фамилией, стояла белая вывеска со словами, выведенными от руки крупными красными буквами: «ЯЙЦА. СЕНО. СВИНИНА. КАРТОШКА».

За вывеской, примерно в десяти футах от дороги, примостился навес с ржавой жестяной крышей, открытый с одной стороны. Там на картонках в любой день были разложены три-четыре дюжины яиц, большие корзины с картошкой, бобами, кукурузой и другими сезонными злаками. Цены были написаны на обрывках бумаги, приклеенных к задней стенке, а рядом стояла металлическая банка для денег.

«Не обманывайте и берите сдачу! Спасибо!» – гласила табличка, прибитая над помятой серой банкой. С потолка свисали старые весы, но единственный раз, когда мать попыталась воспользоваться ими, стрелка и не подумала сдвинуться с места, потому что пружина внутри была сломана.

Другая вывеска предлагала обратиться к владельцу фермы насчет

сена, свиней, поросят и даже котят, которых предлагали бесплатно.

До того, как в Нью-Хоупе появились куры, мы ходили покупать яйца у Гризуолдов. Мы редко сталкивались с мистером Гризуолдом, но иногда видели его вдалеке – он работал на тракторе. Как мы узнали, его жена умерла от рака несколько лет назад, и теперь дети были целиком и полностью на его попечении. Часто мы видели одного из сыновей, занятого мелкой работой во дворе или копавшегося под капотом про-ржавевшего автомобиля. Детей было много: восемь человек, включая Дел. Все мальчики, кроме нее.

– Ты живешь вместе с этими хиппи, да? – спросила Дел в тот день, когда мы стояли, глядя друг на друга на грядках зеленого горошка, только-только выпускавшего бледные усики. Между нами висела мертвая ворона.

– Да.

– Значит, ты хиппи?

– Нет.

– Хиппи тупые, – заявила она.

Я не ответила, только пнула ногой комок холодной глины.

– Я сказала, что хиппи тупые! – В ее бледных серо-голубых глазах вспыхнул гнев.

– Само собой. – Я немного отступила, опасаясь, что она может сорваться и ударить меня.

– Что само собой?

– Само собой, хиппи тупые.

Дел улыбнулась, продемонстрировав сколотый зуб.

– Я хочу кое-что тебе показать. Хочешь посмотреть? Это секрет.

– Наверное, – промямлила я, немного обеспокоенная тем, что несколько минут назад она задала мне такой же вопрос, а потом привела меня к гниющей вороне.

Я пошла за Дел через ряды шпалер с побегами зеленого горошка, а потом через огород с грядками шпината, моркови и свеклы. Я знала эти растения, потому что в Нью-Хоупе был свой огород. Наша почва была более темной и не такой комковатой, как у Гризуолдов, и хотя наш огород был меньше, он казался более ухоженным и лучше организованным, со специальными дорожками между грядок, посыпанными опилками. На полях у Гризуолдов было полно камней, ржавых лемехов и мотков колючей проволоки, и мы с трудом пробирались через кривые грядки с молодыми всходами. Стражем этого неприглядного ландшафта, словно побуждавшим все живые существа расти под страхом смерти, была ворона, висевшая вниз

головой на проводе.

Мы с Дел миновали небольшое огороженное пастбище, где стояла крупная серая кобыла, жевавшая сено. Рядом с ней топтался пятнистый пони. Когда он увидел нас, то вздрогнул и побежал за стойло, и я заметила, что он прихрамывает.

– Это твой пони? – спросила я.

– Да. Его зовут Спитфайр^[3], и он кусается.

Сразу за пастбищем начинался загон для свиней, где пять огромных свиноматок примерно с дюжиной поросят валялись в густой серой грязи. Хижина из плавника, похожая на большую собачью конуру, стояла в заднем правом углу хлева. Вдоль передней ограды проходил металлический желоб с водой, а рядом с ним – длинное корыто, полное осклизлых отрубей.

Я остановилась и прислонилась к верхней части ограды, поставив ногу на нижнюю планку и стараясь получше рассмотреть поросят. От аммиачной вони свиных экскрементов у меня запершило в горле. Я заглянула в крошечные глаза свиноматки с набухшими сосками и вспомнила, что где-то слышала, что свиньи очень умные, даже умнее собак. Но тут Дел подкралась сзади и пихнула меня. Это был жесткий тычок, а не игривый хлопок по спине. Я ударилась животом о верхнюю планку, а голова и плечи резко наклонились вперед. Я едва не свалилась через ограду в грязь.

– Осторожно, – язвительно произнесла Дел. – Свиньи съедят тебя. Если упадешь туда, они обгложут тебя до костей.

Я соскочила с ограды и повернулась к Дел, собираясь дать ей сдачи, но она быстро отвлекла меня, и желание исчезло.

– Посмотри на маму-свинью, – сказала Дел и указала на свиноматку, за которой я только что наблюдала. – На прошлой неделе она сожрала трех своих деток. Свиньи такие дикие.

Я разжала кулаки и с шумом выпустила воздух.

Дел отвела меня на задний двор дома на гребне маленького холма и в подробностях описала, как свинья пожирала своих детей.

– У нее зубы, как бритвы, – сказала она. – Когда она покончила с ними, ничего не осталось, только три хвостика.

Мы подошли к деревянной двери погреба, вделанной в склон холма примерно в пятидесяти футах от дома. Она напомнила мне металлическую дверь, которая вела в подвал нашего старого дома в Массачусетсе. Дел наклонилась, откинула засов тяжелой деревянной двери и распахнула ее. Неотесанные деревянные ступени вели в черную яму, где могло находиться что угодно – темница или бомбоубежище.

– Давай, иди первой. Я должна закрыть за нами дверь.

Я начала спускаться по ступеням и поняла, что это овощной погреб: маленькое помещение, возможно, восемь на восемь футов, со стенами из шлакобетона и просевшими деревянными полками, тянувшимися от пола до потолка. На полках стояли ряды консервов и бушельные корзины с проросшей сырой картошкой, мятыми яблоками и вялой морковью. Дел закрыла дверь, и стало совершенно темно. Я гадала, могла ли она остаться снаружи и закрыть засов, оставив меня умирать в этой сырой яме. Вполне возможно, что это была темница, что-то вроде пыточной камеры. Я судорожно вздохнула. Вокруг пахло сырой землей и затхлыми корнеплодами. Это был запах Дел.

– Дел?

– погоди, я зажгу спичку. – Я услышала, как она прошмыгнула мимо и стала ощупывать полки, потом встряхнула коробку спичек, вытащила одну и зажгла ее. В маленьком помещении заиграли оранжевые отблески. Дел сняла с полки старую банку из-под повидла со свечой внутри и зажгла ее. Потом она задула спичку и поднесла огарок свечи к моему лицу, словно изучая меня и не вполне понимая, кем я могу оказаться.

– Ладно. Если я покажу тебе мой секрет, обещаю никому не говорить. Ты должна поклясться. – Ее бледные глаза смотрели прямо на меня и, казалось, проникали в мозг прямо до затылка.

– Хорошо.

– Жизнью клянешься?

– Да, – пробормотала я. Она отодвинула свечу от моего лица и поставила ее на полку рядом с пыльными банками консервированных помидоров.

– Скажи: «Чтоб мне сдохнуть, если я вру».

– Чтоб мне сдохнуть, если я вру, – повторила я.

– У меня есть татуировка, – сообщила Дел. Она начала расстегивать свою грязную желтую рубашку с вышитыми цветными лассо, ковбойскими шляпами и лошадьми.

Я хотела попросить, чтобы она остановилась, что я верю ей на слово и не хочу смотреть, но было уже поздно. Она сняла рубашку. К моему облегчению, под рубашкой оказалась замызганная белая майка с крошечным белым цветком, пристроченным в центре горловины. Дел быстро задрала майку, и я смущенно опустила глаза, думая о том, что, наверное, все истории, которые мы слышали, были правдой. Тем не менее я была здесь, в погребе, вместе с Картофельной Девочкой. О чем я только думала? Если об этом когда-нибудь станет известно в школе... Я

передернула плечами, мучительно стараясь найти предлог, чтобы поскорее уйти отсюда. Запах грязи стал невыносимым.

– Ты будешь смотреть, или как? – спросила она.

Я медленно перевела взгляд с утоптанного земляного пола на обнаженное туловище Дел.

Дел была тощим ребенком; я практически могла пересчитать ее ребра. Она выглядела как человек, лишившийся всех красок, – даже ее соски казались бледными. И там, на ее костлявой грудной клетке, над тем местом, где, по моему мнению, находилось ее сердце, стояла буква «М». Я наклонилась поближе, чтобы лучше видеть, стараясь забыть о том, что смотрю на кожу незнакомой девочки, и не просто на кожу, но на то место, где однажды появится грудь. Я уже замечала очертания будущих грудей: легкие выпуклости, выглядевшие совсем неуместно на ее худом теле. Но мой взгляд был прикован не к ее выпуклостям, отличавшимся от моей собственной плоской груди, а к татуировке.

Это была рукописная заглавная буква «М» с изящно выведенными завитками. Татуировка была наколата черными чернилами довольно недавно, так как кожа вокруг оставалась красной и припухшей. Она выглядела немного воспаленной. Я подумала о том, как это было больно, и попятилась.

Единственной татуировкой, которую я видела в своей жизни, был выцветший якорь на предплечье одного из ухажеров моей матери, который служил на флоте. Морячок Папай тоже носил татуировку, но мультфильмы были не в счет; они ничего не значили в теперешней ситуации.

Я пыталась выглядеть безучастной... но татуировка? У пятиклассницы? Теперь Дел казалась еще более чуждым существом, чем раньше.

– Что значит «М»? – спросила я.

– Этого я не могу сказать. – Она улыбнулась, довольная силой своей тайны.

– А кто сделал тебе татуировку?

– Кто-то особенный.

– Тебе было больно?

– Не очень.

– Кажется, что тебе и сейчас больно.

– Это хорошая боль.

Я не стала спрашивать, какой может быть плохая боль. У меня не было возможности спросить еще о чем-то, поскольку дверь распахнулась, и погреб заполнился светом. Я посмотрела вверх и увидела силуэт

нескладного парня, стоявшего на другом конце лестницы.

– Дел, какого черта ты там делаешь? И кто там с тобой? Господи, вы целуетесь, или еще что? – Голос парня был скрипучим, словно у него болело горло и он не мог говорить громко.

Дел быстро отвернулась и натянула майку.

– Проваливай, Никки! – крикнула она, стоя к нему спиной, и я поняла, что вижу того, кто убил ворону. Я прищурилась от света, бьющего в глаза, и попыталась разглядеть его черты. Мне удалось увидеть растрепанные светлые волосы и несуразно длинные руки, свисавшие по бокам, как у обезьяны. Руки орангутанга. Когда глаза привыкли к свету, я увидела, что паренек был настолько загорелым, насколько Дел была бледной. Темнокожий подросток-обезьяна в рваных джинсах и белой футболке. Тяжелые рабочие ботинки на здоровенных ногах.

– Хорошо, я свалю отсюда, – произнес он скрипучим голосом. – Свалю прямо домой и расскажу папе, что я сейчас видел.

– Ты дерьмо! – Дел плюнула в его сторону.

– Кто твоя подруга? – спросил он, хитро улыбаясь тонкими губами.

– Не твое собачье дело, – отрезала Дел.

Парень рассмеялся, и на его бронзовом лице блеснули белые зубы. Потом он отошел от двери.

– Ну и дела. Не хотел бы я оказаться на твоём месте. Папуля устроит тебе знатную взбучку.

С этими словами он потопал к дому, оставив дверь погреба открытой.

– Тебе лучше уйти, – велела Дел. – А завтра приходи снова. Встретимся в поле после школы. У вороны, ладно?

– Ладно, – отозвалась я.

Она бегом поднялась по лестнице, остановилась наверху и крикнула мне «Увидимся, аллигатор!»^[4], прежде чем помчаться к дому вслед за братом.

Я задула свечу и медленно поднялась по деревянной лестнице, а когда подошла к двери, то внимательно посмотрела направо, а потом налево. Вокруг никого не было, поэтому я устремилась вперед, не осмеливаясь обернуться и посмотреть на дом, в сторону Дел и Ника. Я пробежала мимо свиней с бритвенно-острыми зубами, мимо лошадиного выпаса с хромым пони, через шпинат, морковь и свеклу, а потом через поле зеленого горошка, где мертвая ворона по-прежнему свисала с провода, как сломанная марионетка.

У края поля начинался лес, и я нашла тропинку, которая приведет меня на вершину холма Буллраш, прямо в Нью-Хоуп. До дома было всего-то

пятнадцать минут ходьбы, но после встречи с Дел мне казалось, что он находится в нескольких световых годах отсюда. За один час Дел показала мне целую далекую вселенную со своими правилами и опасностями. Теперь я не могла дождаться, когда вернусь туда.

Глава 2

7 ноября 2002 года

– Я знаю, кто ты такая.

Это были первые слова, которые я услышала от матери, когда вернулась домой и обняла ее на пороге. Ее тело было вялым и безразличным, руки с плотно забинтованными кистями безвольно висели по бокам. Мамины руки. Я преодолела три тысячи миль ради встречи с ней, а она даже не обняла меня в ответ. Я неловко отодвинулась от нее. Мамочка встречается с Девочкой-Роботом. Теперь нам был нужен лишь Лон Чейни или Бела Лугоши^[5], и мы могли бы сниматься в кино.

– Как хорошо снова видеть тебя, ма. – Я выдавила улыбку.

– Я знаю, кто ты такая, – повторила она.

Она стояла передо мной, вся растрепанная, в поношенной фланелевой ночной рубашке. Ее волосы, – длинные, прямые и белые, как березовая кора, – были сальными и спутанными. На ногах – кроссовки с развязанными болтающимися шнурками. На подбородке виднелось что-то вроде засохшего яичного желтка. Я подавила желание спросить: «Да, ты знаешь меня, но, черт возьми, кто *ты* такая?»

Я только что потратила целый час на безрадостное совещание с Рейвен и Гэбриэлом – двумя оставшимися старшими членами общины Нью-Хоуп, не считая моей матери. Третьей была Опал, двенадцатилетняя дочь Рейвен, которая появилась где-то посередине нашей встречи с велосипедной цепью в руках.

– Ребята, вы не видели большой гаечный ключ? – поинтересовалась она, когда торопливо вошла в комнату, по пути опрокинув стул. Цепь, покрытая смазкой, болталась в грязной руке. На ней была натянута задом наперед бейсболка и надета бело-голубая спортивная студенческая куртка с именем другой девочки на нагрудном кармане.

Опал довольно сильно изменилась за последние два года. Она выросла и похудела и, несмотря на развязный вид, выглядела более изящной, чем нескладная девочка, которую я так хорошо помнила.

Когда она повернулась и увидела меня, ее лицо расплылось в широкой улыбке. Она выронила цепь и крепко обняла меня запачканными смазкой руками.

– Я думала, ты приедешь вечером, – сказала она. – Боже, мне нужно сделать миллион дел прямо сейчас: я должна починить велосипед и

встретиться с кое-какими друзьями. Но потом я найду тебя. Завтра, ладно? Завтра я покажу тебе много новых трюков. Я полностью отработала прыжок с амбара и даже делаю сальто на лету! И я достала ту классную книжку про бродячих актеров с отличными картинками. Ты должна ее увидеть!

Опал была худой веснушчатой девочкой, которая с семи лет твердила, что хочет стать акробаткой, исполняющей опасные трюки. Во время моего последнего визита она в двух местах сломала руку, когда спрыгнула со старого сеновала в большом амбаре.

Рейвен уехала в Рутленд по срочному делу, и мне пришлось отвезти Опал в пункт неотложной помощи и сидеть рядом с ней, пока она ждала медицинского осмотра. Она выглядела очень потрясенной, но не из-за падения, а из-за того, что произошло в амбаре перед прыжком. Она утверждала, что на сеновале рядом с ней кто-то был, но когда Гэбриэл пошел проверить, то нашел лишь ржавые вилы, прислоненные к стене, и несколько комков гнилого сена.

– Что ты там видела? – спросила я, но она так и не ответила.

Чтобы отвлечь ее от бесконечного ожидания в больничных очередях, я попросила Опал рассказать мне о ее любимых трюках. Она сказала, что читает о старых бродячих артистах и воздушных акробатах.

– Чарльз Линдберг^[6] начинал с этого, – объяснила она. Потом она перешла к рассказам о женщинах, и ее голос срывался от волнения и восхищения.

– Одна леди по имени Глэдис Ингл стреляла из лука, стоя на верхнем крыле своего «Кертис Дженни».

– На крыле чего?

– «Кертис Дженни». Это биплан. У меня в типе есть его модель. Но больше всего Глэдис Ингл прославилась прыжком с одного самолета на другой, прямо в воздухе. Разве не здорово?

– Действительно здорово, – согласилась я.

– Потом была еще Бесси Колман. Я про нее сделала доклад в школе. Она была первой американской женщиной-пилотом и тоже ходила по крылу самолета. Да, еще Лилиан Бойер по прозвищу «Царица воздуха»: она бросила работу официантки ради исполнения трюков на самолете.

– Ничего себе поворот карьеры!

– А ты слышала о Буффало Билле? Готова поспорить, ты не знаешь о его племяннице Мэйбл Коди. Она была первой женщиной, которая поднялась на самолет со скоростного катера.

К тому времени, когда Опал перешла к изложению завершающей

части эпопеи о воздушных трюках на крыле самолета в 1936 году – именно тогда правительство запретило покидать кабину на высоте ниже 1500 футов, – таинственный незнакомец на сеновале был забыт, а к концу трехчасового ожидания в палате скорой помощи я стала лучшей подругой десятилетней Опал, и она не отходила от меня до конца нашего пребывания в больнице. Она показывала мне рисунки в книгах и модели самолетов, которые она собрала сама. Биплан «Кертис Дженни» висел на рыболовной леске, прикрепленной к столбу у вершины типи. Опал приклеила маленькую пластиковую женщину к верхнему крылу вместе с крошечным луком, который она сделала из прутика и нитки, и стрелами из зубочисток. На другом крыле была прикреплена круглая мишень.

Мне, как постороннему человеку, казалось, что Опал нравится жить в типи, и мое предположение подтвердилось, когда она показала мне свою спальню, отгороженную занавеской, и заставила биплан летать кругами у нас над головой легким толчком пальцев. Я оглядывалась по сторонам со странным ощущением дежавю, и мне пришлось сказать себе, что это не то типи, где жили мы с матерью, а его третья или четвертая инкарнация. Но теперь его тоже предстояло заменить, и все из-за моей матери.

После того, как Опал ушла чинить велосипед, мы с Рейвен и Гэбриэлом вернулись к обсуждению моей матери. Мы сидели за длинным деревянным столом в большом амбаре, который когда-то служил кухней и местом собраний для членов общины. Амбар выглядел пустым и огромным, и наши голоса терялись в этом пространстве.

С годами Нью-Хоуп постепенно приходил в упадок. Видение утопии, созданное Гэбриэлом, утратило свое очарование и обветшало вместе с садами и постройками. Дом моего детства превратился в подобие города-призрака, хрупкую оболочку того, чем он был когда-то, и я была разочарована, но не удивлена. Можете называть меня скептиком, но я всегда считала, что для создания идеального общества требуется нечто большее, чем натуральные овощи и разговоры в кругу единомышленников.

Рейвен родилась на десять лет позже меня, и мы с ней были единственными детьми в общине, пока я жила там. Она родилась на третий день после моего приезда в Нью-Хоуп. Я плохо спала в ту ночь, слушая крики ее матери, доносившиеся из большого амбара, который был превращен в «акушерский центр» со священным кольцом свечей и молодым хиппи по имени Зак, попеременно игравшим на гитаре музыкальные темы «С днем рождения тебя» и «Одинокого рейнджера». Я лежала без сна, гадая о том, почему моя мать привезла меня сюда, ведь

здесь дети даже не рождаются в клиниках.

Когда Рейвен была малышкой, я меняла ей подгузники, а потом научила ее завязывать шнурки. Я поделилась с ней моим наследством – случайными булавочными уколами и историей о том, как превращать непослушный шнурок в зайчика, а потом отправлять зайчика в норку, – но сомневаюсь, что она помнила об этом.

Рейвен стала настоящей красавицей ростом около шести футов, с длинными темными волосами и высокими скулами. Она работала на неполной ставке в офисе городской канцелярии и ходила на вечерние курсы в надежде получить степень по психологии. Когда я уехала в колледж и не вернулась обратно, Рейвен быстро заменила меня для моей матери. Это обстоятельство немного угнетало меня и заставляло испытывать уколы ревности и вины каждый раз, когда мать в последующие годы упоминала ее имя. Не будучи плотью от плоти моей матери, Рейвен была хорошей дочерью. Настоящей дочерью, которая обещала никогда не уезжать из дома и смогла подарить моей матери внучку, которой она так и не дождалась от меня. А я на старых фотографиях, которые мать хранила в типи, выглядела тощим ребенком, и мои веснушки тускнели на каждой следующей фотографии, словно предсказывая, что однажды и я сама исчезну навеки. Невидимая женщина, которая звонила один раз в неделю и рассказывала, как трудно учиться в колледже, а потом в школе медсестер. Супружеская жизнь, одна всепоглощающая работа за другой, – всегда находился какой-то предлог, чтобы не приезжать домой. Но это не имело значения, потому что Рейвен оставалась рядом с моей матерью в своих аккуратно зашнурованных ботинках.

Ее собственная мать Доя умерла от рака поджелудочной железы – одна из тех ужасных историй, когда вы обращаетесь в больницу из-за болей в желудке, а через три недели все заканчивается. Отец Рейвен... ну, никто на самом деле не знал, что с ним стало. Я была виновата в его исчезновении, – по крайней мере, послужила причиной, – но я оставалась единственной, кто знал об этом. Это была еще одна тайна из длинного списка тайн Нового Ханаана, тяжелого и горестного бремени, которое я носила в себе.

Рейвен забеременела Опал в восемнадцать лет, всего лишь через несколько месяцев после безвременной кончины Дои. Тогда я была в Сиэтле и на расстоянии, в еженедельных телефонных разговорах с матерью, сочувствовала ее беременности: утренняя тошнота, успешно вылеченная с помощью миндаля и имбирного чая, часовые поездки на специальные курсы йоги для беременных в Барлингтоне, поиски акушерки, которая согласилась бы принять роды в типи, где не было проточной воды.

Тема отца Опал никогда не упоминалась прямо, хотя я считала, что это был просто какой-то хиппи, недолго проживший в Нью-Хоупе. Если кто-то, включая Опал, был хотя бы в малейшей степени обеспокоен ее «безотцовщиной», то я об этом не слышала.

Гэбриэл в свои восемьдесят два года по-прежнему находился в отличной физической и психической форме. В круглых очках, с белой бородой и в красных подтяжках он выглядел как поджарый и всесезонный Санта-Клаус. Он был патриархом, отцом-основателем Нью-Хоупа. Его гражданская жена Мими умерла три года назад и оставила его одного шаркать по большому амбару, вспоминая более славные времена – те дни, когда нужно было прокормить много ртов и составлять планы мирных революций.

При основании Нью-Хоупа в 1965 году присутствовали только четыре члена: Гэбриэл, Мими и еще одна пара, Брайан и Лиззи. Со временем число жителей увеличилось. Осенью 1969 года, когда мы с матерью приехали в Нью-Хоуп, община насчитывала одиннадцать постоянных членов (больше не было никогда), не считая ребят из колледжа, приезжавших на лето, и путешественников, которые приходили и уходили. Там были Гэбриэл и Мими, Брайан и Лиззи, Шон и Доя, малышка Рейвен, Ленивый Лось, мы с мамой и девятнадцатилетний Зак, единственный одинокий мужчина и неофициальный менестрель общины. Но сколько бы людей ни называло Нью-Хоуп своим домом в любое время, все они смотрели на Гэбриэла как на своего наставника, придающего смысл происходящему и определяющего границы утопии.

Я терпеливо слушала, прихлебывая один из травяных настоев Гэбриэла, на вкус напоминавший лакрицу с илом, пока они с Рейвен по мере сил старались рассказать мне о состоянии матери. У нее выдалась особенно плохая неделя. Пять дней назад здесь случился пожар, который стал последней каплей, переполнившей чашу. Именно поэтому члены общины наконец позвонили мне и сказали, что я должна вернуться и принять решение о долговременной опеке. Они рассказали, как моя мать отбивалась от Гэбриэла, который вытаскивал ее на улицу, и так сильно укусила его за руку, что тому понадобилось наложить швы. (Как я заметила, его рана была закрыта стерильной повязкой, а не вонючим компрессом из водорослей, как во времена Мими.)

Как я ни старалась, но никак не могла совместить образ тихой и миролюбивой матери с той маньячкой, которую описывали члены общины. Я попыталась представить ее с пеной изо рта, извергающей огонь с

кончиков пальцев.

– После пожара ей становилось все хуже и хуже, – объяснил Гэбриэл. – Она просто на всех кидается.

Хо-Хо-Хо.

Когда они завершили описание последних гнетущих подробностей, я рассказала им о своих планах. Я взяла срочный трехнедельный отпуск в начальной школе Лейквью в Сиэтле, где работала школьной медсестрой. Обращаясь к ним как к членам школьного совета, я объяснила, что в следующие две недели я с их помощью оценю состояние матери и составлю план долговременной опеки. С большой вероятностью это означало, что ее придется поместить в дом престарелых (и, возможно, насильственно ограничить двигательную активность, о чем я не стала упоминать). Признаю, что мои слова больше напоминали выступление работника социальной службы, а не дочери, но в определенном смысле так я себя и чувствовала. Это было моей обязанностью, и я собиралась выполнить ее, но на самом деле после отъезда из дома в семнадцать лет я уже не была ничьей дочерью.

Гэбриэл и Рейвен кивали, одобряя мой план и мою рассудительность. Вероятно, они были немного озадачены тем, как хладнокровно я отнеслась к сложившейся ситуации. Но разве это не моя работа? Разве не для этого они позвали меня сюда: сделать то, что необходимо, но что они стеснялись сделать сами? Я должна была принять окончательное решение и запереть свою мать, лишит ее свободы, якобы ради ее же блага. Никто из них не хотел иметь это на своей совести, и кто мог винить их? Эти люди назначили меня плохим парнем, подлой блудной дочерью, и я повелась на это, как будто была рождена для этой роли.

– Говорю тебе, Доя, я не хочу видеть ее здесь. – Моя мать стояла в дверном проеме, – рост пять футов два дюйма, вес девяносто фунтов, – покачиваясь с пяток на носки. Она двигалась взад-вперед, как змея под гипнозом, как будто стараясь стать повыше ростом. Я немного попятилась, ожидая, что она вот-вот зашипит на меня.

Рейвен вздохнула и приложила ладонь ко лбу.

– Меня зову Рейвен, Джин. Я дочь Дои. А это твоя дочь Кейт.

– Я знаю, кто она такая! – выкрикнула моя мать и перевела взгляд с Рейвен на меня. – Я знаю, кто ты такая!

При этих словах она наклонилась вперед, и слюна брызнула мне в лицо. Ее руки свисали по бокам, словно большие белые лапы, нелепые и ненужные. Рейвен и Гэбриэл были правы. Я оказалась совершенно не

готова к этому. В глазах матери пылал огонь, которого я никогда не видела раньше. Я отступила еще на шаг назад.

– Кейт остается. Она останется здесь, в твоём доме.

– Это не мой дом.

Рейвен зашла с другой стороны.

– Джин, где Мэгпай? – Она открыла наплечную сумку и достала банку кошачьих консервов «Старкрайст» с тунцом. Лицо моей матери расслабилось, и она криво улыбнулась.

– Должно быть, где-то внутри. Под шкафом или в кровати. Мэгпай! Сюда, мисс Мэгпай! Завтрак!

Мать повернулась и вошла внутрь, продолжая звать кошку. Рейвен кивнула мне, и мы направились следом.

Я впервые увидела крошечный дом моей матери во время своего последнего визита два года назад. Она как раз наносила финальные штрихи, занималась отделкой и украшением после окончания строительства. Тогда в Нью-Хоупе было немного больше постоянных жителей, и они помогли возвести каркасные стены и крышу. Опал и ее друзья выкопали яму для уборной во дворе. Но в остальном это был проект моей матери. Четырехкомнатный домик был построен ее семидесятилетними руками, в основном из подаренных и собранных материалов. Когда она устроила мне первую экскурсию, это место показалось мне скорее произведением искусства, чем домом. Она с гордостью показывала мне встроенные полки, деревянный пол, сколоченный из досок со старой силосной башни с помощью Рейвен, плоские гранитные плиты, собранные на куче отходов за камнерезной мастерской в Бэрре, которые теперь служили столешницами на кухне.

После многих лет жизни в типи, а потом на чердаке большого общинного амбара моя мать наконец построила собственный дом. Он был расположен примерно в трехстах футах за большим амбаром и граничил сзади с опушкой леса, опускавшегося по склону холма и уходившего в сторону фермерского хозяйства, некогда принадлежавшего семье Гризуолдов.

Оглядываясь на свой предыдущий визит в Нью-Хоуп, я понимаю, что уже тогда в поведении моей матери угадывались признаки болезни. Повсюду можно было найти мелкие подсказки, но ничего такого, что включило бы сигнал тревоги и пробудило к жизни грозные, весомые слова: *слабоумие, болезнь Альцгеймера*. Она казалась немного более рассеянной, более невнимательной. Она повторялась и забывала, о чем я ей говорила.

Она то уходила в себя, то раздражалась по мелочам. Тогда я думала, что постройка дома отняла у нее слишком много сил. В конце концов, ей было семьдесят лет.

Во время визита двухлетней давности я узнала, что она разбила свой автомобиль и решила не покупать новый. Когда я спросила, что случилось, она сказала, что поехала покататься и уснула за рулем. Автомобиль съехал с дороги в кювет. К счастью, она отделалась синяками. Это случилось возле Ланкастера в штате Нью-Гэмпшир.

– Но что ты делала в Ланкастере ночью? – спросила я. Она лишь пожала плечами. Позднее Рейвен рассказала мне, что иногда мать не могла найти обратную дорогу и оказывалась все дальше и дальше от дома. Обычно у нее заканчивался бензин, и она звонила Гэбриэлу или Рейвен, прося о помощи. Она прикрепила телефонные номера жителей Нью-Хоупа к солнцезащитному козырьку своего «Понтиака». Одно это должно было навести на тревожные мысли, но все как-то обошлось, хотя было известно, что мать годами помнила эти номера без всяких бумажек. Физически она была достаточно сильной и здоровой, чтобы построить дом. Но ее разум блуждал, и, должно быть, она чувствовала, как память покидает ее, одно воспоминание за другим, и, возможно, все началось с этих телефонных номеров.

Когда я вслед за Рейвен вошла в гостиную, то увидела, что изнутри дом выглядел так же, как я помнила: тот же диван, заваленный подушками, деревянное кресло-качалка и лоскутный коврик. Слева от двери стояла скамья, на которую садились, чтобы снять обувь, а вдоль стены тянулся ряд крючков для верхней одежды. Там висел непромокаемый плащ, пуховик и ярко-оранжевый жилет для лесных прогулок в охотничий сезон. Никаких сомнений: я вернулась в Вермонт.

Пройдя вперед и повернув на кухню, я увидела белую эмалированную дровяную плиту и круглый деревянный стол, который стоял еще в типичной моей матери. Дверь ее спальни в дальнем конце дома была заперта. Соседняя дверь, ведущая в ее художественную студию, была приоткрыта, и я мельком увидела цветные холсты, раскладную кровать и комод с зеркалом, придвинутые к задней стене. В доме пахло древесным дымом, масляными красками и лавандовым лосьоном, которым пользовалась моя мать. Знакомые запахи, и я невольно находила в них утешение.

Новостью для меня были записки, развешанные повсюду, – белые бумажки с напоминаниями, написанные яркими фломастерами. На обратной стороне входной двери: «Твоя дочь Кейт будет здесь сегодня во второй половине дня». Под ней была прикреплена моя моментальная

фотография, сделанная во время предыдущего визита. На снимке я смотрела прямо вперед с угрюмым видом: настоящий кандидат на доску объявлений «Разыскивается живым или мертвым». Я даже могла представить подпись: «Виновна в том, что бросила мать. Предлагается награда».

Несколько надписей, сделанных красным фломастером, были прикреплены к плите: «СТОЙ! НЕ ЗАЖИГАТЬ!» На всех шкафчиках виднелись надписи с описанием их содержимого: *тарелки, стаканы, крупа*. Рядом с телефоном на стене висел список имен и номеров. Еще там была записка: «НЕ НАБИРАТЬ 911 БЕЗ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ!» (Впоследствии я узнала от Рейвен, что моя мать звонила по номеру 911 несколько раз в день и спрашивала, в каком доме она находится, или же хотела узнать, где достать йогурт.)

Два года назад Мэгпай была котенком, которого подарили матери Рейвен и Опал. Сейчас кошка неторопливо вышла из студии и обвилась вокруг ноги моей матери, выписывая маленькие восьмерки, одно колечко за другим, – изящное черно-белое существо. Мать взяла кошку на руки, приласкала ее и отнесла к газовому холодильнику «Сервель».

– Что у нас на ланч?

– Ты уже позавтракала, Джин, – сказала Рейвен.

– Что я ела?

– Тосты с жареным сыром.

– А что на ужин?

– Ты только что поужинала. Гэбриэл принес тебе тушеное мясо с овощами.

– Я хочу есть, – жалобным детским голосом пропищала мать. Она бесцеремонно сбросила кошку на пол. – Так что у нас на ланч?

Рейвен проигнорировала этот вопрос. Она открыла банку консервов и вывалила содержимое в миску Мэгпай на кухонной стойке. Кошка с урчанием пританцовывала у ее ног. Тут мать быстро наклонилась и ткнулась лицом в кошачью миску. Она вцепилась в тунца и откусила хороший кусок, прежде чем Рейвен оттащила ее.

– Я сделаю тебе сэндвич, Джин. А теперь иди и сядь. – В ее голосе звучали резкие, почти враждебные нотки, и это стало для меня неожиданностью. Она ухватилась за стойку и с шумом выдохнула.

Мать повернулась ко мне.

– Они морят меня голодом, – сказала она. Я молча смотрела на нее. К ее лицу прилипли кусочки тунца.

– Я тебя знаю, – с улыбкой добавила она.

У меня разболелся живот. Я боролась с желанием выбежать на улицу, с дикой скоростью перебирая ногами, как персонаж мультфильма, запрыгнуть в автомобиль, взятый напрокат, и сесть на ближайший самолет до Сиэтла. Я годами не видела мать, но знала ее как умную, находчивую и горделивую женщину. Теперь это был совсем другой человек. Казалось, моя мать куда-то исчезла без моего ведома, не предупредив о своем уходе. Я подумала, что она проделала со мной такой же фокус, какой и я проделала с ней. Счет сравнялся.

Немного позднее, когда мать доела сэндвич, мы с Рейвен уложили ее в постель, а потом устроились на диване в гостиной. Мне хотелось выпить чего-нибудь покрепче, но я знала, что в доме ничего нет. Моя мать никогда не любила спиртное. *«Кэт, я никак не пойму, зачем тебе хочется глушить свои чувства и Богом данный разум с помощью этого пойла».*

Рейвен достала спичечный коробок и зажгла масляные лампы. Как и в типи, свет исходил от свечей и масляных ламп, тепло – от деревянной плиты, а воду приносили из колодца у большого амбара в ведрах и галлонных банках. Когда ей нужно было помыться, она пользовалась ванной в большом амбаре. Это был независимый образ жизни, выбранный моей матерью, когда она была самодостаточным человеком. Это была жизнь, которую я хорошо помнила, даже спустя много лет. И я была уверена, что это послужило причиной моего пристрастия к бытовым устройствам, которыми был наполнен мой дом в Сиэтле: блендер, кухонный комбайн, микроволновая плита, кофемолка, кофеварка, электрическая открывалка для консервов, мультиварка, электрическая зубная щетка, яркие галогеновые трековые светильники, освещавшие каждый уголок.

Рейвен порылась в своей кожаной наплечной сумке, словно волшебница, ища заклинание, и вручила мне большое металлическое кольцо с ключами. Она показала мне, как они запирали мою мать по ночам в спальне на латунный навесной замок.

– О, Господи, – сказала я. – Она что, беглая преступница?

Рейвен объяснила, что если мы не будем этого делать, то мать может куда-нибудь уйти и заблудиться. По ночам ей становилось хуже. Днем моя мать хотя бы что-то соображала. Рейвен пообещала, что утром я увижу, как она изменится за ночь.

Другой ключ предназначался для запертой коробки на холодильнике, где хранились лекарства, прописанные доктором Кроуфордом за последние несколько месяцев: лоразепам, галоперидол, амбиен и тубик с мазью от ожогов. Рейвен объяснила, что ей не нравился эффект от этих таблеток, они как будто одурманивали мать. Я старалась не закатывать глаза: а как она

думала, для чего предназначены эти лекарства? Для душевного спокойствия? Она сказала, что до сих пор они давали ей таблетки только в особенно плохие моменты, но после пожара подумали о том, что, возможно, стоит увеличить дозировку. В большинстве случаев они обходились лишь домашними настойками Гэбриэла: настоем для улучшения памяти из гинкго, которую Рейвен добавляла в чай два раза в день. На ночь она давала матери отвар из корня валерианы. При мысли об этом у меня появилась горечь во рту, и я мысленно пообещала не подвергать свою мать такой ботанической пытке.

– Сейчас мы тщательно выполняем предписания доктора Кроуфорда, – сообщила Рейвен. – Пусть уж лучше она будет одурманенной, лишь бы не случилось новой беды.

Я согласно кивнула и взяла на заметку, что нужно как можно скорее проконсультироваться с геронтологом. Не то чтобы я не доверяла городскому врачу, но моя мать принимала сильнодействующие препараты, и я задавалась вопросом, насколько хорошо отслеживалось их воздействие на ее организм.

Еще был ключ от кухонного ящика с навесным замком, где хранились ножи, ножницы, пилка для ногтей и спички.

– Никогда не давайте ей спички, – настоятельно посоветовала Рейвен, как будто повязки на руках матери не были достаточно ясным предупреждением.

– Хорошо, – отозвалась я и снова представила обезумевшую мать с пеной у рта, выпускающую огненные стрелы с кончиков пальцев. Я потрясла головой, чтобы избавиться от этого кошмарного образа.

Рейвен продолжала описание ежедневных процедур: разбудить мою мать, умыть и одеть ее, вынести ночной горшок, сменить повязки, потом завтрак, прогулка, ланч, дневной сон и прием таблеток. Должно быть, я выглядела немного ошарашенной.

– Я знаю, что это большая нагрузка. И понимаю, как вы были потрясены, когда увидели ее в таком состоянии. Но даже сказать не могу, как я рада, что вы здесь. И Гэбриэл тоже. Мы просто больше не могли этим заниматься, особенно теперь, когда наступает зима. Ей нельзя оставаться одной. Только не здесь. – Она обвела комнату взглядом и беспомощным жестом указала на дровяную плиту и масляные лампы, подвешенные к потолку. – Посмотрим, что вы скажете через несколько дней. Боже, я так рада, что вы приехали!

Тут она обняла меня. Женщина, которую я едва знала и которая училась во втором классе, когда я уехала из города, обвила меня руками и

прижала к себе. Я была ее спасательным кругом. Я была той, кто придет и приведет все в порядок, даже если это означало, что моя мать отправится в дом престарелых. Ее объятие выдавило весь воздух из моих легких. Отлично, подумала я, спасательный круг окончательно сдулся.

Первое, что я сделала после ухода Рейвен, – отперла замок на двери материнской спальни. Я не собиралась быть ее тюремщицей... по крайней мере, пока не собиралась. Я перебрала ключи на большом кольце, чувствуя себя помощником шерифа из старого вестерна. *«Ты свободен, партнер. Только постарайся убраться из города до заката».*

Я заглянула в комнату и увидела мать, крепко спавшую на кровати с латунными шишечками. Заводные часы громко тикали на ночном столике рядом с ней. Стрелки отливали фосфорным светом. Всего лишь восемь часов вечера, или пять вечера в Сиэтле. Джейми скоро вернется домой с работы. Тина, Энн или другая его подруга будет ждать в его квартире: обед в духовке, белое вино в холодильнике. Я гадала, как он подсчитывал количество своих девушек каждый месяц, а иногда каждую неделю. Наверное, помечал в календаре и делал записи. С горьким любопытством я вспоминала его привычку вести каталожные карточки. Он держал целые стопки таких карточек в своем офисе, в бардачке автомобиля, рядом с кроватью. Он совал их в карманы рубашек и пиджаков и постоянно писал на них короткие заметки для самого себя. Он перекладывал их из одного кармана в другой или запихивал между страницами журнала: напоминания о том, что нужно забрать вещи из химчистки, посмотреть книгу, о которой он слышал по радио. Вероятно, теперь он пользовался карточками для архивных записей о девушках. *«Саша – рыжая, с шрамом после удаления аппендикса. Любит мартини, не любит собак».* Я мысленно рассмеялась, когда представила, как карточка однажды выпадет из кармана его блейзера, когда другая девушка заберет одежду из химчистки.

Я отнесла лампу в бывшую художественную студию матери, где в углу стояла раскладная кровать с высокой стопкой одеял наверху. Потом я вкатила туда свой черный чемодан, а Мэгпай последовала за мной. Кошка наклонила голову и наблюдала, как я разбираю белье, носки и футболки и складываю их в обшарпанный деревянный комод, несомненно, принадлежавший давно ушедшему обитателю Нью-Хоупа. В туалетной сумочке я наткнулась на швейцарский армейский нож, он лежал рядом со скрабом из авокадо и шампунем с маслом чайного дерева; я сунула его туда в последнюю минуту, когда до меня дошло, что его не разрешат пронести на борт самолета. Пожалуй, я использовала его только для открывания бутылок вина и нарезки сыра на импровизированных пикниках, но мне

нравится быть готовой ко всему. Я было решила положить нож в ящик с острыми предметами на кухне, но в конце концов сунула его в боковой карман сумочки, где он обычно лежал, – ведь эту вещь я всегда держала при себе.

Внезапно меня одолела усталость. Не из-за распаковки чемодана, а из-за всего, что я увидела сегодня вечером. Из-за моего возвращения. Меня угнетало ощущение вины из-за того, что жизнь моей матери постепенно ускользнула от нее, пока я тщательно обустроивала свой маленький мирок в Сиэтле, вместе с электроприборами и галогеновыми светильниками. Я оставалась в блаженном неведении, полагая, что все не так уж и плохо, что Рейвен просто преувеличивает, когда мы разговариваем по телефону.

Я поставила масляную лампу на прикроватный столик и легла на кровать, чтобы немного отдохнуть. Мэгпай присоединилась ко мне, мурлыча, как газонокосилка. Мои мысли разбредались, но есть и спать совсем не хотелось. Мне не составляло труда вообразить бессонную ночь и утро с тяжелой головой и припухшими глазами. На самом деле мне нужно было выпить чего-нибудь горячего, предпочтительно с ромом и специями. Потом я вспомнила о запертой коробке с лекарствами на кухне и отправилась туда, позвякивая ключами. У меня нет привычки регулярно баловаться сильнодействующими средствами, но маленькая таблетка амбиена никому не повредит. Для верности я приняла две штуки.

Ожидая, пока лекарство подействует, я рассматривала картины моей матери, поблескивавшие в свете лампы. В основном это были натюрморты, но один холст остался незавершенным: миска с фруктами в строгих оттенках серого. Это был подмалевок, – сцена, лишенная цвета, – лишь намек на будущую картину.

Глава 3

Конец апреля 1971 года

В пятом классе водителем нашего автобуса был Рон Макензи – настоящий бульдог с толстой шеей и бдительными глазками-бусинами. Он всегда носил черную вязаную шапочку и шевелил челюстями за рулем с таким видом, будто жевал свой язык. Глядя на него, можно было подумать, что он всю жизнь водил школьные автобусы, но на самом деле он когда-то работал в НАСА. Он рассказывал об этом новым ученикам на своем маршруте, давая понять, что мог летать в космос или учиться на астронавта; только под нажимом он признавался, что управлял грузовиками и подъемниками, а не лунными модулями. Он развозил части ракет. Рон Макензи прикасался к металлу, который улетал в космос. Он вернулся домой в Вермонт с мыса Канаверал из-за того, что мать его жены тяжело заболела, и там стал водить автобусы и работать в городском гараже.

Когда Рон пребывал в хорошем настроении, он называл нас синичками. Когда он сердился или кто-нибудь из детей досаждал ему, мы становились мартышками, и, судя по его тону, мартышки явно были для него низшими существами.

– Ну все, мартышки, вы меня достали! – цедил он сквозь зубы, когда в автобусе становилось слишком шумно или дети начинали меняться местами во время движения.

Мы с Дел каждое утро поджидали автобус Рона у подножия холма, возле ее почтового ящика. Трое ее братьев уезжали на более раннем автобусе, который возил их в Брук-Скул, где учились ребята с шестого по двенадцатый класс. Нику, который убил ворону, было четырнадцать лет. Его семнадцатилетние братья-близнецы Стиви и Джо оканчивали среднюю школу. Морту было девятнадцать лет. Он так и не доучился в школе и по-прежнему жил дома, помогая отцу на ферме. Другие братья – Роджер, Майрон и Эрл – обосновались в Новом Ханаане или в окрестностях. Эрл, старший из братьев, женился, и двое его детей были немного младше, чем Дел.

Стиви и Джо держались отдельно и не проявляли интереса к Дел. Когда они не занимались мелкими домашними делами, то работали над гоночным автомобилем, на котором собирались участвовать в гонках на Тандер-роуд. У них были подружки – прыщавые толстухи, которые любили сидеть в красном автомобиле, расчесывать волосы и курить сигареты,

выпуская дым из ноздрей, под стук грязных гаечных ключей и автомобильных деталей, доносившихся снизу. Иногда они носились по городу на бешеной скорости, визжа покрышками на поворотах. Иногда я видела их вчетвером в автомобиле или на заднем дворе Дел, где безобразные девицы валялись с сигаретами на бурой траве, пока Стиви и Джо возились под капотом.

Утром Дел приезжала в школу на автобусе Рона, но сразу же после ланча уезжала домой на автобусе из детского сада вместе с тремя другими детьми, учившимися по специальной программе. Думаю, в школе посчитали, что для детей с такими способностями половины учебного дня будет вполне достаточно.

Трое других детей, учившихся по специальной программе, были мальчиками. Тони Лаперль страдал синдромом Дауна. Арти Пэрису, как и Дел, было двенадцать лет; оба оставались на второй год. Он был большим нескладным парнем с пробивавшимися редкими усиками. Двенадцатилетний Майк Шейн был самым высоким и худым мальчиком в нашей школе. Он не мог говорить. Никто не знал почему, но ходило множество слухов. Наиболее правдоподобный состоял в том, что в раннем детстве он перенес некую болезнь, повредившую его голосовые связки. Майк ходил с бумажным блокнотом, висевшим на шнурке у него на шее, и общался с помощью записок.

На следующее утро после нашей первой встречи на поле, пока мы стояли и ждали автобуса, я заметила, что на Дел надета та же самая засаленная ковбойка. Но зато она надела чистые коричневые брюки клеш из рубчатого вельвета, перехваченные на узких бедрах толстым кожаным ремнем. Мне показалось, что брюки достались ей в наследство от одного из братьев. К ее рубашке была приколата шерифская звезда из серебристого металла.

Мы обе молчали. Я наблюдала и ждала, когда она заговорит. Мы месили грязь башмаками и смотрели на получавшиеся узоры. Я думала о вороне и о букве «М» на груди Дел, теперь прикрытой не только рубашкой, но и серебристой звездой. Перед тем как подъехал автобус, я подняла голову, заметила усмешку Дел, которая смотрела на меня, и поняла, что наша прошлая встреча все-таки случилась не в моем воображении. А когда я взглянула на ее сколотый зуб, то сразу же сообразила, что после школы вернусь к той вороне и посмотрю, что будет дальше.

Когда Рон открыл дверь, я первая поднялась в автобус, как бывало почти всегда, и заняла первое пустое место впереди, молясь о том, чтобы

она не села рядом. Я безмолвно благодарила Бога, когда она прошла мимо и в одиночестве устроилась на заднем сиденье.

– Чую гнилую картошку, – прошептал один мальчик другому, когда она прошла мимо.

– Девочка-картошка, повоняй немножко! – гнусаво пропел другой.

Несмотря на строгое отношение к поведению в своем автобусе, Рон Макензи никогда не мешал другим детям дразнить Дел. Он лишь крепче обхватил руль и сильнее заработал челюстями, словно находился в замешательстве.

– Эй, Дел, как читается слово «картошка»? – поинтересовался первый мальчик, глядя на неграмотно написанную вывеску во дворе ее дома.

– Тупые не читают, тупые воняют, – отозвался другой.

А Дел знай себе смотрела в окно да широко ухмылялась, словно они подшучивали друг над другом, а вовсе не над ней.

В тот день я лишь дважды видела Дел в школе, как, впрочем, и в обычные дни: на утренней перемене и на ланче. Во время утренней перемены я лазала по изогнутой гимнастической лесенке, когда Дел подошла к клену, растущему на краю спортплощадки. Как обычно, она была одна. Она что-то пробурчала себе под нос; должно быть, что-то забавное, потому что потом она рассмеялась. Я с любопытством смотрела, как она отломил веточку с одного из нижних сучьев и притворилась, будто курит сигарету. Арти, здоровый парень из группы отстающих, подошел к ней с двумя приятелями из пятого класса.

– Что там у тебя, Дел? – осведомился он. – Табачку не найдется?

Дел продолжала «курить», делая вид, что не слышит. Она запрокинула голову и уставилась на ветви с только что распустившимися зелеными листьями. Я забралась на верхушку лестницы, чтобы лучше видеть. Рядом со мной играли две другие девочки, Саманта Ланкастер и Элли Буши. Они зашептались и захихикали, когда я улыбнулась им. Они были лучшими подругами и носили одинаковые косы и розовые ветровки. Обе считались хорошими ученицами, окруженными аурой «нормальности» и уверенности в себе; их первыми отбирали в любую команду, а на Валентинов день они получали больше всего открыток. Я вернулась к наблюдению за Дел, стараясь не обращать внимания на Элли и Саманту.

Возле дерева Арти все еще беседовал с Дел, немного раскачиваясь во время своего монолога, словно ему нужно было ускориться, чтобы слова вылетали наружу.

– Тебе кошка съела язык, девочка? Или ты теперь немая, как Майк?

Немой Майк и Картофельная Девочка. Что за пара! Я видел, как вы обмениваетесь записками в классе. Любовные послания, да? Пожалуй, вам нужно пожениться и завести грязных немых деток. Будете кормить их гнилой картошкой. Ты об этом задумалась, а, Дел?

Дел промолчала и только затянулась своей «сигаретой», а потом выдохнула невидимые колечки дыма, по-прежнему глядя на верхние ветви клена. Когда она отклонилась назад, шерифский значок поймал солнечный луч и засиял, как настоящая звезда. Я вспомнила рассказы Ленивого Лося о талисманах и подумала, что, может быть, эта серебристая звезда была талисманом Дел.

– Кстати, а где Немой Майк? – громко поинтересовался Арти. Он приставил ладонь козырьком ко лбу и обвел взглядом спортплощадку, словно генерал, озирающий поле боя. Потом он заметил Майка.

– Томми, приведи его сюда, – распорядился Арти, и Томми Дюкетт, самый толстый мальчишка в пятом классе, поплелся за бедным Майком. К тому времени, когда Томми приволок Майка к клену, возле них образовался кружок любопытных детей, включая двух девочек, которые играли под лесенкой. Я спустилась и подошла поближе. Саманта что-то прошептала Элли, которая обернулась, посмотрела на меня и немного покраснела.

– Вот и наш немой. – Арти ухмыльнулся. – Это твой миленок, Дел!

Майк Шейн был тощим, как зубочистка, но на голову выше остальных мальчишек. Его запястья и лодыжки торчали из рукавов и штанин. Блокнот на спирали болтался на шее, подвязанный красной шерстяной ниткой. Майк опустил голову и как будто изучал резиновые мыски своих поношенных кед.

Раньше мне приходилось наблюдать за Майком Шейном. Как и мы с Дел, он большей частью предпочитал находиться в одиночестве. Но я видела, как на перемене он играет в крестики-нолики с Тони Лаперлем, – тем, кто страдал синдромом Дауна, – и, судя по тому, что я заметила, Майк каждый раз позволял Тони выигрывать у него. Как и Арти, я не раз наблюдала, что время от времени он передает Дел записки, а иногда она наклонялась и что-то шептала ему на ухо, отчего он улыбался и отводил глаза.

– Теперь мы вас поженим, – объявил Арти. – Ну-ка, встаньте рядом!

Томми толкнул Майка, тот дрожащей стрункой вытянулся рядом с Дел, почти прикасаясь к ней, а она по-прежнему продолжала изображать из себя гламурную кинозвезду, манерничающую с сигаретой.

– Дел по прозвищу Картофельная Девочка, согласна ли ты, чтобы Немой Майк был твоим мужем в радости и в горести, в здравии и в

болезни, пока смерть не разлучит вас?

Дел выдохнула «дым» ему в лицо.

– Это значит «да». Ну конечно, да. Теперь ты, Немой Майк: согласен ли ты, чтобы эта грязная Картофельная Девочка была твоей вонючей женой? Тебе не нужно писать это в своей уродской книжке.

Майк Шейн кивнул, по-прежнему уставившись в землю и дрожа всем телом, словно загнанный заяц.

– Отныне объявляю вас мужем и женой. Теперь поцелуй невесту, – велел Арти.

Майк наконец поднял голову; в его широко распахнутых карих глазах застыл ужас. А Дел все улыбалась. Майк попытался убежать, но Арти и Томми остановили его и подтолкнули к девочке. Он издавал мычащие звуки, словно животное, которое пытается заговорить. По его подбородку текла слюна. Двое здоровых мальчишек снова пихнули его к Дел, продолжавшей стоять на месте. Она уронила «сигарету», растерла ее носком башмака, потом наклонилась и поцеловала Майка в губы. Это был долгий поцелуй в стиле мыльной оперы, и когда Дел оттолкнула Майка, его лицо было уже не бледным, а багрово-красным. Дети вокруг визжали, смеялись и восклицали «Круто!».

– Фу, картофельные микробы! – Элли скорчила гримасу.

– Хуже вшей, – добавила Саманта.

– Бедный Майк, – посочувствовал один из мальчиков.

– Они стоят друг друга, – отозвался другой.

Общее веселье прервала мисс Джонстон, которая подошла к нам и велела объяснить, что происходит.

– Мы играли в ковбоев, – сказала Дел. – А я шериф, – с улыбкой добавила она и указала на свой блестящий значок.

– Почему ты позволила им сделать это? – спросила я потом, когда встретилась с Дел у мертвой вороны.

– Что?

– То, как они дразнили вас с Майком. Почему ты поцеловала его? Это было не обязательно.

– А что мне оставалось? – фыркнула она.

– Побегать за мисс Джонстон. Позвать на помощь. Что угодно.

– Ну да, – буркнула Дел.

– Ты могла бы попробовать.

– Это было не так уж плохо.

– На что это было похоже?

- Что именно?
- Поцеловать Майка Шейна?
- Наверное, как поцеловать любого другого парня.
- А ты многих целовала?

Дел небрежно пожала плечами и закатала рукава рубашки. Левое предплечье было покрыто лиловыми синяками, которых я вчера не видела.

- Достаточно многих.

С этими словами Дел устремилась к пастбищу, где бродил ее пони, растопырив пальцы как револьверные стволы и расстреливая все на своем пути.

– Я – Уайетт Эрп!^[7] – вопила она. – Сюда, плохие парни! Давай, помощник шерифа! Догоните меня, если сможете!

И я помчалась за Дел через сад и мимо лошадиной изгороди, тоже стреляя из пальцев и крича на ходу: «Догоните меня, если сможете!» Я пробежала мимо свиного загона, держась подальше от забора и не замедляя шага, чтобы полюбоваться на свиные зубы. Мы остановились только у овощного погреба, где, по словам Дел, происходило ограбление банка. Там мы достали револьверы и распахнули дверь в надежде застигнуть грабителей на месте преступления.

- Стреляй в них! – крикнула Дел.
- В кого стрелять? – осведомился скрипучий голос у нас за спиной.

Мы повернулись и увидели Ника, брата Дел. Он держал в руках настоящее помповое ружье, – возможно, то самое, из которого он убил злополучную ворону, подвешенную на поле.

Внезапно Дел перестала изображать Уайетта Эрпа.

– Возьми нас пострелять, Никки, – тут же заныла она, ухватив его за белую футболку и тиская ткань между пальцами.

– Не выйдет, Дел. – Парень обращался к сестре, но при этом смотрел на меня с хитроватой сальной ухмылкой. Он был долговязым и загорелым. Его длинные руки выглядели невероятно темными по сравнению с белой футболкой. Он носил заляпаные синие джинсы и те же самые огромные рабочие ботинки, которые я видела вчера. Его лицо казалось высеченным из экзотического темного дерева.

– Возьми нас с собой, не то я расскажу папе... сам знаешь, о чем, – пригрозила Дел.

- Ерунда. Я расскажу папе, что к тебе приходит подруга.

- Возьми нас, или я расскажу ему, Никки. Клянусь!

– Ни за что. – Ник вырвал футболку из пальцев Дел и побежал через поле.

– Грабитель банка убегает! – воскликнула Дел. – Остановим его! Думаю, это Билли Кид!^[8]

Мы пустились вдогонку за Ником, преследуя его через сад и поле зеленого горошка до самого леса и тропы, по которой я возвращалась домой. Казалось, он собирается привести нас прямо в Нью-Хоуп, но он свернул налево по заросшей тропинке, которую я раньше не замечала. Тропинка петляла в густо разросшихся кустах, похожих на джунгли, но в конце концов привела нас на поляну. В центре травянистой прогалины стояла маленькая скособоченная хижина, словно из сказки: домик ведьмы или место сбора для троллей.

Ник наклонился и уперся ладонями в колени, тяжело дыша. Ружье валялось в сорняках у его ног.

– Сдавайся, Билли! – пропела Дел, когда ворвалась на поляну и указала «заряженными» пальцами на своего брата. Ее волосы прилипли ко лбу, а слова звучали неразборчиво.

Ник поднял длинные руки и улыбнулся. Его футболка промокла от пота и прилипла к узкой груди.

– Что это за место? – спросила я, когда перевела дух.

– Когда-то здесь была стоянка для охотников на оленей, – ответил Ник. – Ее построил дед, а папа все просрал.

Хижина была маленькой, примерно двенадцать на пятнадцать футов, и больше напоминала игрушечный домик, чем место для ночевки крепких мужчин. Она опасно накренилась влево и в любую минуту как будто была готова рухнуть. Домик был сложен из грубо отесанных бревен с кусочками коры. Деревянная крыша казалась прогнившей и заросла черно-зеленым мхом.

– Хотите посмотреть, что внутри? – спросил Ник, глядя на меня.

– А это не опасно? – поинтересовалась я.

Дел фыркнула и шмыгнула внутрь.

– Все нормально, – ответил Ник. Он поднял ружье и вошел в проем без двери. Я последовала за ним.

В хижине пахло гнилым деревом, мышами и плесенью. Так пахнут забытые вещи. В доме была пузатая железная плита, рваный голубой диван, кофейный столик и четыре койки, придвинутые к стенам. Приставная лестница в дальнем конце, рядом с плитой, вела на чердак. Ник сунул ружье под мышку и полез на лестницу. Когда он оказался наверху, то с улыбкой посмотрел вниз:

– Вы идете?

Я начала подниматься по лестнице, а Дел продолжала возиться у

плиты.

На чердаке большую часть дощатого пола занимал матрас. Повсюду валялись огарки, на полу стояла масляная лампа с закопченным стеклом, лежали коробка спичек, сигареты и стопка порножурналов. На журналах я заметила маленький нож с фальшивой костяной рукояткой из пластика в кожаных ножнах. Ник сел на скрипучий матрас и закурил сигарету.

– Хватит возиться с проклятой плитой! – прокричал он, обращаясь к Дел. – Здесь тепло!

Дел забралась наверх и состроила брату кислую рожицу.

– Дай мне одну, – требовательно попросила она, и Ник протянул ей сигарету. Он предложил и мне, но я покачала головой. Дел зажгла спичку и закурила, как будто это было самой обычной вещью, которую она делала каждый день. Она даже выдохнула колечки дыма, вроде тех невидимых, которые я сегодня утром видела на спортплощадке. Потом она с улыбкой выдохнула струйку дыма мне в лицо.

– Ты назовешь свое имя или мне придется угадывать? – спросил меня Ник.

– Она мой заместитель, – сказала Дел. – Она присягнула на верность мне одной.

– А у заместителя есть имя? – спросил Ник, сделав глубокую затяжку.

Дел перевела взгляд с меня на своего брата, потом обратно.

– Ее зовут Роза. Пустынная Роза.

– Черта с два. Розовый – это тупой цвет, в который ты захотела покрасить свою комнату, и попросила об этом папу.

Бледное лицо Дел залилось краской.

– Если я говорю, что она Пустынная Роза, так оно и есть!

Ник поморщился, как от зубной боли, а потом расплылся в улыбке.

– Ну, хорошо. Рад познакомиться, Пустынная Роза. – Он протянул руку с длинными темными пальцами и аккуратно пожал мою руку. Моя ладонь была липкой от пота. Его ладонь была сухой, как порошок.

Когда они потушили окурки в банке из-под тунца, мы вышли наружу, и Ник показал нам, как пользоваться помповым ружьем. Мы стреляли по пивным банкам, расставленным на пнях. Ник стоял за мной и клал руки мне на плечи, когда показывал, как нужно держать ружье и прицеливаться. Раньше я никогда не стреляла из ружья, но каждый раз попадала точно в цель. Ник сказал, что я прирожденный стрелок. От него пахло опилками, сеном и сигаретами. Я ощущала теплую близость его тела. Дел устала ждать своей очереди и принялась бросать камешки, сбивая банки до того, как мы успевали выстрелить.

Потом мы вернулись в хижину, и я выкурила свою первую сигарету. Я кашляла и хрипела, уверенная в том, что сейчас умру, а Ник и Дел смеялись и подшучивали надо мной, пока я не научилась не глотать дым, но удерживать его во рту и понемногу выпускать наружу. Дел учила меня выдувать колечки; я пыталась подражать ей и округляла губы, словно задохнувшаяся рыбка, но у меня получались жалкие бесформенные шарики. Между тем Ник бросал ножик с пластиковой ручкой в мишень для игры в дартс, прибитую к стене. Ему ни разу не удалось попасть в центр.

Через некоторое время Ник сказал, что ему нужно закончить кое-какие дела, и оставил нас одних.

– Что это с твоей рукой? – спросила я у Дел, разглядывая кружок из багровых синяков.

– Ничего, – ответила она, опустила рукав желтой рубашки и взяла нож. Она сделала несколько бросков, каждый раз попадая точно в центр мишени, а потом повернулась ко мне и заявила: – У меня есть идея.

Я ощутила волнующее предчувствие опасности. Оно складывалось из многих вещей: покосившейся хижины, где мы находились; пружин, выглядывавших из драного матраса; глухого стука, с которым нож входил в стену; колечек дыма, вылетающих изо рта Дел и растворявшихся в воздухе, оставляя после себя лишь запах табака.

– Дай мне руку, – велела Дел.

Я подчинилась. Она взяла мою руку и осмотрела ее, словно незнакомую раненую зверушку. В другой руке она сжимала нож.

– Закрой глаза, – попросила она.

– Ты собираешься порезать меня?

– Верь мне, – сказала Дел. – Давай же, закрывай глаза, – подзадорила она, и я подчинилась, не желая показаться испуганной.

Она резанула быстро и без колебаний. Я распахнула глаза и попыталась вырвать руку, но она крепко держала меня.

– Ох! Какого черта?

Дел отпустила мою руку. Порез на моем указательном пальце был коротким, но глубоким. Кровь капала на матрас.

Я смотрела, как Дел быстро и уверенно делает над-рез на своем указательном пальце. Потом она взяла мою руку и приложила свой порезанный палец к моему.

– Теперь мы кровные сестры, – объяснила она. – У тебя есть моя кровь, а у меня твоя. Навсегда.

Мой палец жгло, как огнем. Теперь Дел стала частью меня, и я знала,

что, какой бы оборот ни приняла наша дружба, обратной дороги не будет. Никогда. Как бы я потом ни старалась жить отдельно, мы с Дел оставались связанными друг с другом.

Глава 4

8 ноября 2002 года

– Кэти! Кузнечик, где ты!

Голос матери вырвал меня из объятий глубокого и беспокойного медикаментозного сна. Во рту ощущался металлический привкус. Я посмотрела на дорожный будильник, стоявший на коробке из-под молока рядом с кроватью. Было семь утра, но казалось, что я проснулась посреди ночи. Мне снилось, что мы с Дел находимся в ее овощном погребе, и она делает мне татуировку, выводя слова «Пустынная Роза» у меня на груди ржавым острием своей шерифской звезды. Там был кто-то еще, – мужчина, наблюдавший за нами. Он стоял в углу, и я не видела его лицо.

Я все еще лежала на койке и вдруг испытала абсурдное ощущение, что если повернусь достаточно быстро, то увижу его, как будто он всю ночь пробыл в моей комнате. Но это был только сон, верно? Тогда почему я так боялась повернуться?

Мэгпай свернулась у меня на животе, спрятав нос под белым кончиком хвоста, и мне не хотелось нарушать ее уютный покой. Я сосчитала до трех и посмотрела в дальний угол. Ничего. Только пылинки, танцующие в лучах солнца.

– Больше никаких снотворных таблеток, – прошептала я себе под нос.

Мать назвала меня Кузнечиком, так она не называла меня после отъезда в колледж. Я вылезла из-под одеяла и босиком пошлепала на кухню. Мэгпай последовала за мной.

Все шкафчики на кухне были распахнуты, ящики выдвинуты, дверь холодильника приоткрыта. На столешницах выстроились миски, пакеты муки и сахара, банки с медом и патокой.

Ураган «Джин» нанес удар.

Открытая бутылка оливкового масла лежала на столе, и густая жидкость капала на пол. Мэгпай прыгнула прямо в лужицу и принялась изящно лакать его, двигаясь по кругу и оставляя маслянистые отпечатки лап на полированном деревянном полу.

Я помнила, какое сильное впечатление на меня произвели аккуратность и практичность этой небольшой кухни, когда я впервые увидела ее два года назад. Если бы женщина, кропотливо продумавшая и обустроившая свою кухню, увидела бы сейчас этот кавардак, она бы не удержалась от слез.

– Что ты делаешь, ма? – Я была в равной степени поражена беспорядком и тем, что она помнила мое детское прозвище.

– Готовлю оладьи! Оладьи с клубникой!

Когда-то это было мое любимое лакомство; мама готовила их для меня утром по субботам в нашем типе, на старой походной плите. Судя по всему, она все-таки не совсем лишилась памяти.

Я заглянула в миску для теста, которое она собралась замешивать деревянной ложкой, неуклюже зажатой в перевязанной руке. Бинт был грязным и частично размотался. В миске лежало с полдюжины яиц (вместе с кусочками скорлупы), горка муки, кучка клубники (ягоды еще не разморозились), и все это было полито кленовым сиропом. Подвиньтесь, Джулия Чайлд^[9].

– Яйца кончились, – сказала она, когда начала размешивать тесто. – Нужно сбегать к Гризуолдам.

– Ма, Гризуолды здесь больше не живут.

– Разве?

– Да, мама, уже давно.

Мистер Гризуолд умер десять или одиннадцать лет назад от сердечного приступа. Его сыновья разъехались по миру.

– У нас кончились яйца, – снова повторила мать.

– Я кое-что придумала. Давай здесь уберемся и съездим в город за яйцами. А потом вернемся и приготовим оладьи.

– Все-таки придется идти к Гризуолдам, – опять проговорила она, явно не намереваясь отрываться от миски с тестом. Я посмотрела на захламленный стол и, к своему ужасу, заметила нож для фруктов с черной ручкой, лежавший среди разбросанных ягод и просыпанной муки.

– Где ты это взяла, ма?

Мать улыбнулась, когда я взяла липкий нож, с которого капал красный сок.

– Нужно было порезать ягоды, – объяснила она.

Я сполоснула нож под краном, потом нашла ключ и заперла его в ящике с острыми предметами, гадая о том, какие еще сюрпризы моя мать прячет в доме... другие ножи, может быть, даже спички?

Я помогла матери сменить ночную рубашку, заляпанную маслом и мукой, на широкие брюки и джемпер, а потом разложила на кухонном столе все необходимое для смены повязок. Вскоре я обнаружила, что она испачкалась не только на кухне: на ее ночной рубашке и носках остались пятна, похожие на глину. Остатки бинтов на ее руках были покрыты грязью и кусочками сухих листьев. И показалось ли мне, что я вижу засохшую

кровь под свежими пятнами от клубничного сока?

Я провела краткий осмотр и начала разворачивать грязные бинты.

– Мама, ты выходила ночью на улицу? Ты случайно не упала?

– Нам нужны яйца, Кузнечик.

Я решила, что буду запираю ее дверь по ночам, как советовала Рейвен. Можно считать, мне повезло, что мать нашла дорогу домой и, судя по быстрому осмотру, совсем не пострадала. Я представила, как она бродит по лесу в развевающейся белой рубашке, словно призрак из далекого прошлого Нью-Хоупа, пока я храпела, наглотавшись таблеток, и видела кошмарные сны. Оставалось лишь надеяться, что Рейвен, Опал и Гэбриэл не заметили ее. Это было бы не лучшее начало моего опекуинства.

Я сняла остатки бинтов и осмотрела руки матери, аккуратно поворачивая их. Ее ладони были ярко-красными, с волдырями от ожогов. Некоторые из них прорвались и сочились прозрачной сукровицей. Я бережно промокнула их, нанесла мазь и стала менять бинты.

– Ты хороший доктор, – отметила она.

– Я не врач, а лишь медсестра, – напомнила я. – Школьная медсестра. Единственное лекарство, которое я прописываю, – это риталин.

– Ты ходила в медицинскую школу.

– Я так и не закончила ее.

– Почему?

– Я вышла замуж за Джейми.

– Ох... Джейми. Такой хороший мальчик. Где он?

– Остался в Сиэтле.

– А почему он не приехал?

– Мы развелись, мама. Помнишь? Мы уже несколько лет в разводе.

Внезапно мне захотелось, чтобы моя собственная память была похожа на швейцарский сыр. Было бы здорово, если бы мы могли как-то управлять своей памятью и выбирать, какие воспоминания можно оставить, а какие отправить в мусорную корзину. Пуф – и готово.

Мать с улыбкой смотрела на меня.

– Я тебя знаю, – сказала она, пока я забинтовывала ее руки.

– Мама, расскажи мне, как ты обожглась?

Она немного подумала.

– Был пожар?

– Верно. Расскажи мне о пожаре в типи.

– Из-за того пожара со мной случился инсульт. Теперь у меня проблемы с памятью.

– У тебя не было инсульта, ма. – *Но, наверное, он будет у меня,*

прежде чем все это закончится.

– Инсульт из-за пожара. – Она энергично закивала.

– Мама, у тебя не было инсульта, но ты обожгла руки. – Я встала и начала складывать в коробку мазь, бинты и лейкопластырь.

– Она была там, – заявила мать, пока я стояла к ней спиной. Тон ее голоса испугал меня.

– Кто? – Я повернулась и посмотрела на нее. Она не ответила. – С тобой никого не было, ма. Рейвен и Опал уехали из дома, а Гэбриэл вытащил тебя из огня. Ты помнишь? – *Ты укусила его. Прокусила ему руку.*

Мать посмотрела на меня и перевела взгляд на забинтованные руки. Она улыбалась.

– Она была там. Она знает, кто ты такая.

– Куда мы поедem? – спросила моя мать, когда мы подошли к автомобилю.

– В город, за яйцами.

Она вроде бы удовлетворилась этим ответом и устроилась на пассажирском месте маленького синего автомобиля, который я взяла напрокат.

– Ремень безопасности, мама, – напомнила я. Она будто не слышала моих слов. Я потянулась, вытащила ремень и пристегнула ее.

– Куда мы поедem? – снова спросила она. Я повторила свой ответ.

– У Гризуолдов есть яйца, – сказала она. – Ленивому Лосю они не нравятся, потому что иногда в них попадается кровь, но это только потому, что они оплодотворенные.

По дороге в город мы проезжали старую ферму Гризуолдов. Я притормозила, когда увидела зеленые автомобили полиции штата, стоявшие на развороте вместе с фургоном службы новостей третьего канала. В поле за домом, ближе к опушке леса, я разглядела другие автомобили и белый автофургон. Все это зловеще напоминало события того дня, когда убили Дел. Моя мать смотрела прямо перед собой с довольной улыбкой на лице, не обращая внимания на суету вокруг.

Я остановилась на углу, где дорога на холм Булл-раш пересекалась с Рейлроуд-стрит. Перед тем как я уехала в колледж, там повесили знак «стоп».

Я посмотрела на фасад давно заброшенного дома Гризуолдов, напоминая себе о том, что Дел погибла тридцать один год назад, а не вчера.

Что за чертовщина здесь творится?

Я никогда не верила в загробную жизнь, но если бы мне пришлось выдумать для себя ад, это выглядело бы примерно так: я была бы

вынуждена снова и снова переживать худшие моменты своей жизни, не в силах повлиять на исход событий.

– У Гризуолдов есть яйца, – оживленным тоном напомнила моя мать.

Дом заметно покосился, и последние остатки белой краски совсем облупились. Кусок фанеры с надписью «НЕ ВХОДИТЬ» заменил входную дверь. Навес с прилавком в переднем дворе давно обрушился, как и амбар за ним. Почтовый ящик был сбит, – возможно, снегоуборщиком или детьми, игравшими в почтальонов. За ящиком на ржавой цепи все еще болталась старая вывеска с выцветшими надписями «ЯЙЦА. СЕНО. СВИНИНА. КАРТОШКА».

Из-за дома вышел патрульный и посмотрел на наш автомобиль, стоявший на нейтральной передаче у знака «стоп». Я отвернулась, сосредоточившись на дороге перед собой, включила левый поворотный сигнал и слишком сильно выжала педаль газа. Покрышки слегка взвизгнули, когда мы покатались по Рейлроуд-стрит к центру города. Дань уважения Стиву, Джо и их гоночному автомобилю.

Я нашла место для стоянки перед универмагом «Хаскис». Рядом с магазином находилось старое кирпичное депо Нового Ханаана, сохранившееся с тех дней, когда между Уэллс-Ривер и Бэрром ходили железнодорожные составы, перевозившие древесину и пассажиров. Теперь вокзал превратился в антикварный магазин с аккуратной рукописной вывеской на двери: «Закрывается на зиму, до встречи весной!» Когда я была маленькой девочкой, магазином владела семья Миллеров. Они зарабатывали деньги на летних туристах и любителях природы, которые приезжали в городок каждую осень.

Я отстегнула у матери ремень безопасности и вместе с ней направилась в универмаг, где также находилось почтовое отделение Нового Ханаана. Джим Хаскуэй, дородный мужчина, которому принадлежал магазин, был городским почтмейстером и одновременно главой добровольческой пожарной команды. Это был настоящий старый универмаг с бакалейным отделом, витриной с оружием и боеприпасами, хорошим выбором инструментов и снаряжения для кемпинга и, разумеется, с обязательными бутылочками кленового сиропа и брелоками с надписью «Я ЛЮБЛЮ ВЕРМОНТ». Широкие сосновые доски поскрипывали под ногами, в углу горела угольная печка, а пожарный и полицейский сканер Джима время от времени выдавал статические шумы и слабые голоса, сообщавшие о последних катастрофах.

– Почему мы здесь? – спросила мать, с подозрением оглядываясь по сторонам.

– Мы приехали за яйцами, помнишь?

– У Гризуолдов есть яйца. Ленивому Лосю они не нравятся, потому что иногда в них попадает кровь... ох, гляди! Это же Джим Хаскуэй! – Она произнесла эти слова так же восхищенно и удивленно, как в тот раз, когда мы случайно встретились с ним в зоопарке Сан-Диего, а не в магазине по соседству, которым он владел уже более тридцати лет.

– Доброе утро, Джин! Как вы сегодня себя чувствуете? А мисс Кейт вернулась в город, да? – Джим подмигнул нам. Он стоял, облокотившись на стойку. Двое мужчин в клетчатых костюмах, стоявшие рядом с ним, приглушенно беседовали друг с другом. Они продолжили свой разговор, когда я отвела мать к холодильнику.

– Говорят, что тело находилось в таком же состоянии, как у той, другой девочки. Обнаженная и с такими же порезами, – сказал один.

– Все утро в лесу работали сыщики с собаками, – отозвался другой. – Приехал фургон с криминалистической лабораторией. Я слышал, что к расследованию подключилось ФБР.

– Патрульные первым делом забрали Ника, – сообщил Джим.

– Его долго не продержат, – отозвался мужчина пониже, более полный, чем другой. – Он пил у Фло до закрытия заведения. Потом поссорился с парнем из другого штата, который приехал в охотничий лагерь. Могу поспорить, что его запомнили все посетители. Это не он расправился с девушкой.

Я взяла дюжину яиц из холодильника и заказала большую чашку кофе, стараясь не показывать, что подслушиваю разговор. Значит, Ник по-прежнему в городе и устраивает ссоры в баре у Фло. Старый разбойник Билли Кид. Я невольно улыбнулась.

Мать послушно следовала за мной, тихонько напевая себе под нос. Я взяла со стойки утреннюю газету и прочитала заголовок: «Убийство в Новом Ханаане». На передней полосе размещалась школьная фотография миловидной девочки со светлыми волосами до плеч, россыпью веснушек и небольшой щелью между передними зубами. Джим кивком указал на фотографию, когда пробил мой чек.

– Это случилось в том самом лесу. Прямо за домиком твоей матери. Ребята говорят, что там водятся призраки, а я говорю, что нельзя шататься где попало. А теперь вот это. Бедная девочка, ей только что исполнилось четырнадцать лет. Она отошла от остальных не больше чем на пятнадцать минут. Они вообще ничего не слышали. А вы сегодня ночью не заметили ничего странного?

Двое других мужчин выжидающе уставились на меня, ожидая ответа.

Шерлок Холмс и доктор Ватсон в клетчатых костюмах.

Я покачала головой, испытывая необъяснимое ощущение, будто собираюсь солгать. Мне вспомнились грязные носки и ночная рубашка моей матери, и я подумала, что когда она выходила на улицу, то могла что-то увидеть. Но наверняка ничего особенного. Возможно, она всего лишь прогулялась по двору... как призрак из прошлого Нью-Хоупа.

– Мы ничего не слышали и заметили полицейские автомобили лишь по дороге сюда. Еще там стоит фургон службы новостей третьего канала.

– Должно быть, Опал сейчас очень тяжело, – продолжал Джим.

– Опал? – спросила я. – Дочь Рейвен?

Джим снисходительно посмотрел на меня: о какой еще Опал могла идти речь?

– Господи, Кейт, они были в лесу вместе. Убитая девочка была ее лучшей подругой.

– О, Боже, – только и вымолвила я.

– Да, страшное дело, – сказал Джим. – Говорят, ее убили так же, как девочку Гризуолдов много лет назад. Уверен, ты помнишь эту переделку. Ты ходила в школу вместе с ней, верно?

Я кивнула, заново переживая острое чувство вины.

– Мы учились в одном классе, но на самом деле не дружили. Я была с ней едва знакома. – Старая ложь давалась легко, несмотря на то, что прошло много лет с тех пор, как мне приходилось повторять ее вновь и вновь.

– Да, – Джим кивнул. – Знатная была переделка. Помню, как быстро они указали пальцем на бедного Ника Гризуолда. Но потом они арестовали одного парня из Нью-Хоупа, так ведь? Как бишь его звали... нет, не помню. Ладно, не имеет значения. Все равно они арестовали не того, а убийцу так и не нашли. И никогда не найдут. Так, давай посмотрим... с тебя три доллара восемьдесят девять центов, – заключил Джим, возвращаясь к работе.

Я нашла свою мать у стойки с журналами. Она держала в руках экземпляр «Охотника на оленей» и рассматривала мертвую олениху на обложке. Мужчина в оранжевом блейзере приподнимал выпотрошенное животное, как усталый партнер по танцу, собиравшийся исполнить последний вальс.

– Пошли, ма. Давай вернемся домой и приготовим оладьи.

– Что случилось с той девочкой? – спросила мать, и я поняла, что она тоже все слышала.

– Ничего, – солгала я. *Просто мы попали в мою забавную маленькую*

фантазию о личном аде, но что с того? Нам нужно приготовить клубничные оладьи. Мои любимые, помнишь?

Мать поставила журнал на стойку вверх ногами и подошла к группе мужчин, беседовавших за стойкой.

– Что случилось с той девочкой? – требовательно спросила она.

– Ее убили, – ответил толстый мужчина, прежде чем Джим успел остановить его.

– Бедняжка, – произнесла мать, и все трое кивнули.

Я продолжала думать об Опал и гадать, что ей довелось увидеть той ночью. Я слишком хорошо знала, как себя чувствуешь, когда жестоко убивают твою лучшую подругу. Такого не забудешь.

– Ты знала ее, правда? – спросила мать, когда мы направились к выходу.

– Кого?

– Мертвую девочку. Ты каждое утро ждала автобус вместе с ней. Разве она не была твоей подругой?

– Нет, мама. Просто знакомая девочка. И это было давным-давно.

– Бедняжка.

Глава 5

Начало мая 1971 года

Мы с Дел целыми днями спорили о том, живу ли я в типи или нет. В конце концов я сдалась и согласилась отвести ее на вершину холма, чтобы она сама убедилась в моей правоте.

– Теперь ты не просто хиппи, а настоящий индеец, да? – поинтересовалась Дел во время нашего спора.

– Я не индеец.

– А твоя матушка?

– Тоже.

– А твой папа?

– У меня нет папы. Мы живем в типи вместе с Марком. Марк не индеец, но у него есть индейское имя: Ленивый Лось.

– Пожалуй, самое тупое, что мне приходилось слышать. У хиппи вообще нет мозгов.

В предыдущие недели мне приходила мысль пригласить Дел к себе домой каким-то официальным образом, – моя мама была бы чрезвычайно рада, что я привела кого-то в гости, пусть даже грязную, щуплую Дел Гризуолд. Она часто спрашивала, как обстоят дела в школе и обзавелась ли я новыми друзьями.

– Конечно, – соврала я. – У меня много друзей.

– Как их зовут?

– Ну... – промямлила я и для вдохновения потербила губу. – Две мои лучшие подруги – это Элли и Саманта.

– А как же та девочка, которая живет внизу? Маленькая дочь Гризуолда?

– Ох, мы не дружим.

– Почему?

– Она вроде как со странностями. Ребята прозвали ее Картофельной Девочкой.

Моя мать цокнула языком и покачала головой:

– Надеюсь, ты ее так не называешь.

– Нет, никогда.

Мама улыбнулась и взъерошила мои волосы. Я была хорошей девочкой, которая дружила с умными и красивыми детьми, не потешалась над чудаками.

Тем не менее я размышляла: каково будет привести Дел в Нью-Хоуп? Я пыталась представить ее сидящей за общим столом в большом амбаре и строила догадки о том, как она посмотрит на Гэбриэла, подающего ей деревянную миску с чечевичной похлебкой. Она будет гримасничать и пинать меня под столом ногой. Она будет думать, что легла спать и проснулась на Марсе.

Но дружба с Дел была моим секретом, как и ее дружба со мной, так что я ни разу не пригласила ее к себе домой. Вместо этого мы договорились посмотреть на типы издалека, словно парочка соглядатаев, шпионящих непонятно за чем.

Мы шли по тропе уже десять минут, потом миновали поворот к старой охотничьей хижине. Я представляла, как Ник лежит там, курит и рассматривает журналы, и надеялась, что мы встретим его на обратном пути к дому Гризуолдов.

– Я знаю кое-кого, кто втрескался в тебя по уши, – вдруг сказала Дел.

У меня возникло зловещее ощущение, будто она читает мои мысли, но может быть, она просто заметила, как я смотрю на заросшую тропинку.

– Кто же это? – спросила я, словно на самом деле не знала, и почувствовала, что краснею.

– *Кэт и Ник сидят на дереве и целу-у-уются!* – пропела она. – Он и правда втюрился в тебя. Ну, разве тебе не повезло? Но прежде чем начнешь считать свои счастливые звезды, тебе нужно кое-что узнать о моем старшем брате. У него, знаешь ли, есть свои секреты. В том числе нехорошие, то есть плохие.

– Например?

– Может быть, расскажу, а может, и нет. Может, тебе самой нужно это выяснить. Просто все иногда совсем не так, как кажется.

Дел покрутила свой шерифский значок. На ней была замызганная розовая футболка и вельветовые джинсы, которые она носила несколько дней подряд. Ее волосы были еще влажными от душа, который она приняла перед нашей встречей. От нее пахло сырой землей и детской присыпкой.

– А почему ты думаешь, что мне захочется узнать? Кто сказал, что я вообще интересуюсь твоим старшим братом? Он похож на обезьяну.

– Ты становишься совсем другой, когда видишь его, Пустынная Роза. Вы оба уже ведете себя как влюбленные голубки. Это так заметно, что меня просто тошнит.

Я и впрямь много думала о Нике и испытывала странное, электризирующее волнение, когда находилась рядом с ним. Но мысль о том,

что Дел замечает мое состояние, глубоко смутила меня.

– Ты действительно выкрасила свою комнату в розовый цвет? – спросила я, чтобы сменить тему.

– Нет, папа не разрешил. – Дел помедлила, глядя на землю и хмурясь, словно вспомнила что-то неприятное. – Но я достала краску в скобяной лавке Терстона! Как-нибудь покажу ее тебе; она очень красивая. Я назвала тебя в честь очень красивого цвета.

– Хочу когда-нибудь увидеть твою комнату. – Я час-то представляла, как может выглядеть эта комната. Если, конечно, у Дел действительно были те замечательные вещи, которыми она хвасталась: кровать с четырьмя столбиками, коллекция из сотни с лишним пластиковых лошадок и поросячьи хвостики, заспиртованные в банке для консервов.

– Не получится. Папа говорит, что мы с тобой не можем дружить. Ладно, Стиви и Джон могут иногда встречаться с подружками, но они уже почти взрослые. Как он говорит, для нас своей семьи хватает.

Какой бы странной ни казалась жизнь в нашем доме, – если можно назвать домом кусок брезента, натянутый на столб и вбитый в землю кольшками по кругу, – жизнь Дел выглядела еще более странной. Я жила в доме, где почти не было правил; Гэбриэл считал, что детям лучше расти самостоятельно, не оглядываясь на взрослых с их жалобами и придирками. Я знала, что отец порет Дел, если она не доедает свою порцию за обедом.

Пока мы шли, я рассказывала Дел о своей жизни на вершине холма, – о том, как мы ночуем в типи и обедаем в большом амбаре вместе с другими членами общины Нью-Хоуп. Я рассказала, как по вечерам Ленивый Лось включает маленький радиоприемник на батарейках и приглашает мою маму потанцевать. Иногда они заставляли меня присоединиться к ним, и мы совершали разные безумные телодвижения, изображая роботов, птиц или змей. Мы водили хороводы вокруг типи и каркали, как стая ворон.

Ленивый Лось старался заменить мне отца, но я не могла серьезно к нему относиться. Он каждый вечер рассказывал мне истории про хитроумного Братца Койота и первым стал называть меня Кузнечиком. Иногда я помогала ему делать ожерелья и украшения из веточек, камней, кусочков стекла и проволоки. Я отправлялась с ним в походы для сбора материалов, и мы возвращались домой с карманами, набитыми красивыми камешками, открывалками от пивных банок и стреляными гильзами.

– Вот тупость! – воскликнула Дел, когда я рассказала ей об этом. – Кому захочется носить украшения из всякого мусора?

Я рассказала ей о пере в его шляпе, которое он называл талисманом.

– А я думала, это мой папаша сумасшедший, – заявила она.

– Он не мой папаша, а просто Марк. Он нормальный, только немного чокнутый.

На самом деле Ленивый Лось подходил на роль моего отца больше любого другого человека, которого я знала. Я никогда не видела собственного отца, и ни один из других ухажеров моей матери не задерживался у нее надолго. Всю свою жизнь я втайне надеялась, что кто-то придет и заполнит пустоту, образовавшуюся на месте отца, и даже если этот человек носит шляпу с обвисшими полями, мастерит украшения из всякого барахла и танцует, как птица, пусть будет так.

– Как он себя называет? Слюнявый Лось?

– Ленивый Лось, – со смехом ответила я. – Ладно, нам нужно вести себя потише. Мы уже близко.

Я различала верхушку типи за деревьями, где заканчивалась тропа, и чувала запах дыма из глинобитной печи, стоявшей рядом с амбаром. Я слышала голоса и старалась определить, кто это, пока мы с Дел подкрадывались все ближе.

К тому времени я уже хорошо знала всех постоянных жителей Нью-Хоупа и любила их всех, несмотря на разные странности. Гэбриэл был умным и очень терпеливым человеком. Он был тем, к кому обращались за помощью со сложной домашней работой или с любой нравственной проблемой. Его жена Мими была на десять лет моложе его, но никто не сомневался в ее любви, граничившей с преклонением. Он был смыслом ее жизни, и все его мечты о будущем Нью-Хоупа по определению становились и ее мечтами.

Брайан и Лиззи были единственными из остальных членов общины, кто с самого начала поверил в него. Им было уже за сорок, и они мастерили глиняную посуду, которую продавали на ремесленных ярмарках. Они жили в небольшой хижине возле козьего овина. Козы были идеей Лиззи. Она надеялась, что община сможет заработать на продаже козьего молока, сыра и даже мыла, сделанного из козьих сливок. Когда мы завели коз, она обнаружила, что у них тут же заканчивается молоко, если они не беременны, а если беременны, то тут же вставал вопрос: как избавляться от их потомства? Лиззи показалось слишком жестоким убивать козлят, так что козы не приносили почти никакой пользы, если не считать переполоха, который они вызывали каждый раз, когда проникали через ограду в сад и заходили в открытые двери. Однажды они проели дыру в брезенте нашего типи.

Шон и Доя были молодой парой, жившей в бревенчатой лачуге с глинобитной крышей за парником. Шон был нашим механиком и мастером

на все руки. Он поддерживал автомобили и трактор в рабочем состоянии. Если что-то ломалось, то он все это чинил. Доя проводила большую часть времени с Рейвен, беспокойным младенцем, которого нельзя было надолго оставлять без внимания.

Зак был рыбаком в Дартмуте, когда прочитал статью Гэбриэла о нашей общине, написанную для местной социалистической газеты. Он приехал сюда автостопом, чтобы побеседовать с Гэбриэлом и провести выходные в Нью-Хоупе... да так и остался здесь. Когда он не читал потрепанные книжки в бумажных обложках, вроде «Сиддхартхи»^[10] или «Манифеста коммунистической партии», то играл песни Боба Дилана на ободранной шестиструнной гитаре. Зак был очарован Гэбриэлом и проводил с ним долгие часы в тихих, но оживленных дискуссиях об устройстве настоящего демократического общества.

Когда деревья поредели до соснового подлеска, а земля выровнялась, я узнала голоса Дои и Мими, доносившиеся с поляны. Мы с Дел прятались за огромным валуном у начала тропы. Типи находилось слева от нас, так близко, что мы слышали запах сырого брезента. Справа стоял большой амбар. Между двумя сооружениями располагалась куполообразная глинобитная печь, где мы выпекали хлеб. За дымящимся, обмазанным глиной курганом можно было различить край огорода и набивное чучело, которое смастерили мы с матерью.

Мими и Доя стояли спиной к нам у длинного деревянного стола перед печью, разминая тесто для хлеба. У обеих женщин были длинные волосы, опускавшиеся ниже лопаток; у Дои они были черными и кудрявыми, а у Мими – прямыми и каштановыми. Рейвен дремала на одеяле в тени под рабочим столом.

– Я же сказала, что живу в типи, – прошептала я. Дел кивнула в ответ с широко распахнутыми глазами, впитывая незнакомые зрелища, запахи и звуки. Мы старались услышать, о чем говорят Доя и Мими.

– Я лишь говорю, что он нехорошо поступает с тобой, – сказала Мими. – Даже отказывается признать, что это его ребенок. Кого он обманывает?

Странно. Они говорят о Шоне? Он нежно любил Рейвен, да и Доя, если уж на то пошло.

– Он знает, – отозвалась Доя. – Само собой, он знает. Думаю, проблема в том, что он не хочет, чтобы другие люди знали об этом, но я согласна. То есть Рейвен – моя дочь. Она останется со мной, кого бы я ни назвала отцом. – Она опустила на корточки и погладила лоб ребенка.

– По-моему, это неуважение, – продолжала Мими. – Кажется, будто он лжет, только и всего. Лжет всем, и ей в особенности. Я считаю, что это паршиво, и Гэбриэл тоже так думает.

– Значит, Гэбриэл может вынести приговор? Я хочу сказать, «кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень»^[11], и так далее.

Доя встала и взяла поднос с хлебными формами, который поднесла к печи и затолкала внутрь большой деревянной лопаткой, лежавшей рядом с распахнутой дверцей. Она выпрямилась, протянула руки к небу и наклонилась влево, потом вправо. Потом она повернулась лицом к Мими и к нам с Дел.

– Мне не следовало так говорить, – сказала она. – Я не собиралась оскорблять Гэбриэла; это было бы низко. На него я не сержусь.

– Значит, ты признаешь, что сердишься на другого? – спросила Мими.

– Нет. На самом деле, нет. Иногда это просто тяжело... хранить такой секрет.

– Давай пойдем отсюда, – прошептала я на ухо Дел, но она не ответила. Несмотря на любопытство, я больше не хотела подслушивать. В Нью-Хоупе люди не скрывали свои секреты, и я находила в этом определенное утешение. Каждый делился своими новостями во время собраний в общем кругу, а женщины даже сообщали о начале своих менструальных циклов, хотя называли это своим «лунным периодом».

Я медленно встала и потянула Дел за руку. Она осталась на месте.

– Посмотри на ее титьки, – прошипела Дел. – Они свисают до живота! Неужели хиппи не знают о лифчиках?

– Я уйду, с тобой или без тебя. Не хочу, чтобы меня поймали, – прошептала я, ощущая себя нарушительницей границ и чужой в собственном доме. Дел же таращилась на Дюю и Мими, словно на экзотических цирковых животных – павлинов или танцующих медведей. Я повернулась и пошла назад по тропе, стараясь не слишком шуметь, когда наступала на ветки и сухие листья. Я высоко поднимала ноги и смотрела, куда шла.

Через минуту у меня за спиной послышались шаги. Дел подбежала сзади и ухватила меня за плечи.

– Фу, – прошептала она. – Ты идешь так, словно наложила в штаны.

Мы обе покатались со смеху и побежали туда, где нас не могли услышать. Когда мы убедились, что находимся вне досягаемости, Дел стала задавать вопросы о Нью-Хоупе. Она хотела узнать все сразу.

– О каком отце она говорила? Они женаты или хиппи никогда не женятся? И кто такой этот Гэбриэл? Кто ведет себя паршиво?

– Доя, та девушка с ребенком...

– Доя – это вроде оленихи?^[12] – поинтересовалась Дел.

– Думаю, это уменьшительное от Дороти или Дорин, – объяснила я. –

В общем, она живет с Шоном, но они не женаты, и я вовсе не считаю его паршивцем. Он может починить любую вещь и хорошо обходится с малышкой.

– Значит, он ее отец?

– Наверное, да. – Правда, я больше не была уверена в этом. Но я уже решила забыть все, что слышала, и не обременять себя тщетными догадками. Считалось, что в Нью-Хоупе ни у кого нет секретов от остальных. Я была единственной, кто вел двойную жизнь и имел дружбу, о которой никто не знал.

– Что значит «наверное»? Черт побери, хиппи еще хуже, чем о них говорят! У вас есть девушка с оленьим именем, которая может быть замужем за парнем, который, наверное, является отцом ее ребенка, а может, и нет. Еще есть другой парень с лосиным именем, который мастерит украшения из веточек и камешков. Моя лучшая подруга живет в проклятом индейском типи, а люди пекут хлеб в куче грязи. Что за чертовщина, Кейт? Что это за дьявольское место?

Глаза Дел изумленно распахнулись, и я испытала настоящее ликование. Я впервые убедилась в том, что ей интересно со мной, а не наоборот. И она назвала меня своей лучшей подругой всего лишь через несколько недель после нашего знакомства. Я стала лучшей подругой Картофельной Девочки.

Школьные занятия заканчивались примерно через месяц, и я уже представляла лето, проведенное в полях, в овощном погребе и охотничьей хижине. Наверное, Дел даст мне покататься на своем пони. Может быть, я познакомлюсь с человеком, который сделал ей татуировку. Я буду и дальше развлекать ее сумасбродными историями о Нью-Хоупе. Мы будем вместе подглядывать за местными жителями. Возможно, я покажу ей, как Доя кормит грудью Рейвен на крыльце большого амбара. Принесу ей кое-какие украшения Ленивого Лося и исполню песни Зака о конце света. Я буду совершенствоваться в стрельбе из духового ружья и научусь бросать нож с пластиковой ручкой в мишень на стене. И может быть, пусть только может быть, Ник предложит мне стать его подружкой и расскажет о своем большом секрете, а когда я узнаю его, он окажется не таким уж плохим, и Ник даже еще больше понравится мне.

– Побежали к свиньям, – крикнула Дел, оторвав меня от дневных грез. Она уже сорвалась с места. – Догони меня, если сможешь!

Я побежала следом, но она, как всегда, успела туда первой. Мне никогда не удавалось догнать ее.

Глава 6

1—13 ноября 2002 года

Мэгпай пропала на третий день после моего возвращения. Кошка была единственной постоянной величиной в жизни моей матери: она никогда не забывала кличку Мэгпай и всегда успокаивалась в ее присутствии, даже когда находилась в самом возбужденном состоянии.

Мы осмотрели весь дом, а потом обошли вокруг Нью-Хоупа, продолжая звать ее тонкими, жалобными голосами. Мы обыскали большой амбар, где к нам присоединился Гэбриэл, отодвинувший в сторону старую мебель, покрытую пылью и паутиной.

– Как себя чувствует Опал? – спросила я у него.

– Вроде бы держится. Рейвен говорит, что она плохо спит. Ночные кошмары. Рейвен назначила встречу с детским психиатром.

Я кивнула:

– Это вполне разумно. Она испытала сильнейшее потрясение.

– Наверно, тебе стоит поговорить с ней, – сказал Гэбриэл. – Ты ведь испытала то же самое с девочкой Гризуолдов, не так ли?

Я покачала головой:

– Не совсем. Мы не были близкими подругами.

Он посмотрел на меня так, словно знал, что я лгу. Добрый старый Гэбриэл не утратил способности заглядывать прямо в душу.

Я не сказала Гэбриэлу, что уже попыталась поговорить с Опал утром после убийства. После оладий я пошла к большому амбару вместе с матерью и узнала у Рейвен жуткие подробности убийства. Опал кое-как выбралась из своей комнаты и присоединилась к нам за столом.

– Тебе нужно поспать, милая, – сказала Рейвен.

– Я не могу, – ответила Опал. Потом она повернулась ко мне и быстро спросила: – Ты веришь в Картофельную Девочку?

Рейвен судорожно вздохнула. Моя мать негромко рассмеялась.

– Я не верю в призраков, – сказала я. – Дел Гризуолд была девушкой из плоти и крови, точно такой же, как мы с тобой.

– Значит, ты не веришь, что люди могут возвращаться? Я имею в виду, возвращаться после смерти.

– Нет, не верю.

– А что, если я скажу, что видела ее? – В глазах Опал застыло

отчаяние.

– Милая, я думала, что мы уже покончили с этим, – вмешалась Рейвен.

Опал не обратила внимания на ее слова и продолжала смотреть на меня, ожидая ответа.

– Если бы ты сказала, что видела ее, то я бы серьезно отнеслась к этому, – ответила я, с осторожностью подбирая слова.

Опал кивнула, потом встала из-за стола и вернулась в свою комнату, шаркая ногами, словно зомби.

– Она думает, что призрак убил ее подругу, – прошептала Рейвен. Ее руки, сжимавшие чашку кофе, едва заметно дрожали. – Вчера вечером она даже сказала, что Картофельная Девочка на самом деле пришла за ней. Что она собиралась убить ее, а не Тори.

Я сочувственно покивала.

– Она многое потеряла, Кейт. Во-первых, все ее вещи сгорели при пожаре. Все ее книги и модели самолетов. А теперь еще и это. Я не думаю... я была бы благодарна, если бы вы не поощряли ее фантазии насчет призраков.

– Разумеется. – Я снова кивнула, чувствуя себя глупо и неловко.

Моя мать издала громкий, лающий смешок, который испугал Рейвен. Она опрокинула чашку и пролила кофе на колени.

– Вот дерьмо! – прошипела Рейвен, резко встала из-за стола и шваркнула пустую чашку в раковину. Она стояла к нам спиной и плакала, но делала вид, будто ничего не произошло.

Мы с матерью и Гэбриэлом прошли мимо глинобитной печи, превратившейся в жалкий комок глины и кирпичей, к обгоревшим остаткам типи, продолжая звать Мэгпай. Наши голоса звучали жалобным хором. Я ковырнула ногой холодные угли и осознала, что моей матери удалось выжить лишь чудом. Меня не покидало желание понять, как начался пожар, – из-за ее неудачной попытки зажечь масляную лампу или из-за чего-то более зловещего, – например, из-за умышленного поджога.

Когда мать увидела сгоревшее типи, она разрыдалась.

– Мэгпай! – воскликнула она и рухнула на колени, как будто увидела среди руин маленькие кошачьи кости. На северном краю сада разрослись колючие кустарники: спутанные ветви малины и ежевики образовали непроходимую преграду между садом и маленьким пастбищем и овином, где когда-то держали коз, овец и кур. На заднем плане я видела хижину, которую Брайан и Лиззи называли своим домом, пока не переехали на Гавайи, где основали собственную общину вскоре после моего отъезда в

колледж. Крыша глубоко просела в центре, ржавая металлическая труба, выступавшая из кратера, накренилась под углом в сорок пять градусов. Еще одна жертва Злого Волка, ненасытного времени.

У западного края сада плоской кучей лежали остатки парника. *Волк на домик дунул разом, / Не моргнув при этом глазом. / Дом, как капельки в тумане, / Разлетелся по поляне.* Я опустилась на колени и окликнула кошку, пытаюсь заглянуть под упавшие рамы. Потом я потянула расщепленную доску, чтобы лучше видеть, и порвала рукав рубашки ржавым гвоздем. Потом выяснилось, что рука кровоточит.

– Вот дрянь, – пробормотала я, стараясь вспомнить дату моей последней прививки от столбняка. – Мэгпай, ты задолжала мне сорок баксов. А если я заработаю столбняк...

Я неуклюже поднялась на ноги. За остатками парника стоял индейский *хоган*, восьмисторонняя глинобитная хижина, в которой жили Доя и Шон. Она выглядела достаточно прочной, и я задумалась о том, почему Рейвен решила жить в типи, а не в своем детском доме, построенном руками ее матери. Наверное, каждый из нас по-своему стремится к независимости.

Мэгпай нигде не было видно. Я направилась к большому амбару, когда увидела старую тропу, ведущую в лес и дальше, к ферме Гризуолдов. Кто-то по ней поднимался. Я заморгала, не веря своим глазам. Это была девочка с длинной палкой, которой она ворошила сухую траву. Она то и дело наклонялась и внимательно рассматривала землю, наклоняя траву то в одну, то в другую сторону. Тощая девчонка с растрепанными волосами и в мятой одежде. Я на секунду задержала дыхание и подумала: «Не может быть...»

Да, это было не то, о чем я подумала. Когда она подняла голову, я увидела, что это всего лишь Опал. Я пошла ей навстречу, и она с виноватым видом отбросила палку.

– Что-то потеряла? – спросила я.

Она замялась и покраснела. Мне показалось, что бродить по лесу, где убили ее подругу, было не лучшей идеей с ее стороны.

– Я просто искала Мэгпай, – сказала она.

Станный способ искать пропавшую кошку. Так можно искать пропавший молоток... но я ничего такого не сказала.

– Значит, ее нигде нет? – спросила я.

– Кого? – отозвалась она.

– Кошки. Мэгпай.

– Нет, никаких следов.

– Ладно, тогда вернемся в большой амбар и выпьем чаю. Думаю,

Гэбриэл уже заварил его. – Я легко прикоснулась к руке девочки, приглашая идти за собой, но она не двинулась с места.

– Эй, – окликнула я ее. – Ты получила самолет? Я ничего не перепутала?

Вчера я побывала в магазине товаров для хобби в Бэрре и купила модель биплана «Кертис Дженни» взамен той, что сгорела при пожаре. Я решила, что новая модель может оказать целительное воздействие на Опал. Владелец странно посмотрел на меня, когда я спросила, нет ли у него миниатюрных пластиковых женщин такого размера, чтобы они могли поместиться на крыле. Но потом он показал мне коллекцию фигурок нужного масштаба, и я выбрала женщину в джинсах.

– Боже мой, извини, – сказала Опал. – Большое тебе спасибо. Фигурка мне тоже понравилась, все нормально. Я уже начала собирать модель.

– Продавец в магазине сам выбрал краски и клей.

– Все замечательно, правда. Новая модель будет даже лучше, чем раньше. Это было очень мило с твоей стороны, спасибо еще раз.

– Всегда пожалуйста. Я сделала это с удовольствием.

– Кэт, я могу тебя кое о чем спросить?

«О, нет, – подумала я, хорошо понимая, что ей не нужны мои советы по сборке модели. – Начинается».

– Ну конечно.

– Ты знала Дел Гризуолд, верно?

– Да, немного.

– А она знала мою маму?

– Когда Дел умерла, твоя мама была младенцем, – сообщила я.

Она подумала над этими словами и задала следующий вопрос:

– Ты можешь понять, почему Дел хочет причинить мне вред?

Я глубоко вздохнула.

– Откуда у тебя появились такие мысли?

– Если я открою тебе секрет, обещаешь никому не рассказывать? – спросила Опал.

Наверное, я догадывалась, к чему все идет. Наверное, мне следовало прекратить это; в конце концов, Рейвен просила меня не поощрять всю эту ерунду насчет Картофельной Девочки. Опал была хрупким ребенком. Она пережила психическую травму, и мне не хотелось усугублять ее положение. Но она нуждалась в человеке, которому могла доверять и которому могла бы поведать свою историю. Ее тянуло ко мне, потому что я знала Дел, а может быть, даже потому, что это я позаботилась о ней, когда два года назад она сломала руку. Я помнила, как подбежала к ней, когда она кричала,

извиваясь на земле рядом с кучей матрасов. Какой маленькой и испуганной она выглядела! «Наверху кто-то есть», – простонала она. А когда я посмотрела туда, разве мне не показалось, что там действительно кто-то был? Всего лишь краешек тени, шмыгнувшей за открытую дверь на чердаке? И пока я удерживала Опал, разве наши сердца не бились в унисон, готовые вот-вот выскочить из груди?

По какой бы причине Опал ни захотела делиться со мной своими секретами, я не могла отказать ей.

Я подумала о своей первой встрече с Дел.

Ладно. Если я покажу тебе мой секрет, обещаю никому не говорить. Ты должна поклясться... Скажи: «Чтоб мне сдохнуть, если я вру».

– Обещаю, – сказала я.

Опал прищурилась, глядя на меня. Мне вдруг пришло в голову, что ей ровно столько же лет, сколько было Дел, когда я познакомилась с ней. Она даже была немного похожа на Дел... или очень похожа? Или у меня просто разыгралось воображение?

«Боже, – подумала я. – Только не говори, что у тебя есть татуировка».

– Картофельная Девочка приходила за мной в тот день. До того, как я встретила с Тори и парнями в лесу.

– Приходила за тобой?

– Да, я была в своей комнате и увидела ее. Она стояла и смотрела прямо на меня. Потом она открыла рот и что-то сказала, но я не услышала ни звука. Только меня обдал холодный, сырой воздух, как в пещере.

Я молча кивнула и постаралась выглядеть заинтересованной.

– Я тогда видела ее уже не впервые. Но с тех пор прошло много времени, почти два года. Я часто видела ее, когда была маленькой девочкой. Иногда это было лишь легкое движение, которое я замечала краешком глаза, – ничего определенного. Но время от времени, когда я ехала на велосипеде или шла по лесу, она стояла на открытом месте и просто смотрела на меня с жуткой улыбкой. Как будто она знала что-то, о чем я не знаю.

Чем старше я становилась, тем реже видела ее. Я уже думала, что она совсем пропала, до того дня на сеновале. Когда я сломала руку, помнишь? А ты помогла мне.

– Помню, – ответила я и подумала: «На самом деле, я только что вспоминала об этом».

Опал прислонилась к большому валуну, за которым мы с Дел прятались много лет назад. Она смотрела в направлении рухнувшей хлебной печи, но я видела, что она ничего вокруг себя не замечает.

– Я как раз собиралась совершить прыжок. Стояла на краю в полуприседе, готовая оттолкнуться... а потом увидела ее всего лишь в двух футах от себя и *совершенно настоящую*, понимаешь? Не призрак, а реальную девочку. Она быстро протянула ко мне руки, и тут я психанула. Потеряла равновесие и промахнулась мимо места, где должна была приземлиться.

Опал сокрушенно покачала головой, все еще злясь на себя за испорченный трюк. Если бы одна из ее любимых летчиц, ходивших по крыльям, совершила такую ошибку, то она уж точно не отделалась бы сломанной рукой.

– Вот в чем дело, Кэт: думаю, Дел хочет заполучить меня. Я совершенно уверена, что в тот вечер она приходила за мной, а не за Тори. Но я не понимаю, *почему*. Я надеялась, что ты сможешь мне разобраться в этом. Что, может быть, ты расскажешь мне о ней, и тогда я пойму, чего она хочет от меня.

– Почему ты думаешь, что ее целью была ты? – поинтересовалась я, стараясь говорить бесстрастным тоном.

– А сейчас ты должна поклясться, что никому не расскажешь, ладно? Все дело в куртке. На Тори была *моя* куртка. Я ее взяла у мамы. Но об этом никто не знает: ни полицейские, ни остальные.

– А почему они об этом не знают?

– Я... я вроде как забрала куртку после того, как ее убили. Я не хотела попасть в беду. – Опал закатила глаза. – Знаю, это звучит глупо, – беспокоиться из-за какой-то куртки! Но я много думала об этом и решила, что, наверное, в темноте она из-за куртки решила, что это я. То есть я постоянно ношу ее, она отделана бахромой и очень заметна... – в голосе девочки появились истерические нотки, – и у нас с Тори *светлые волосы*...

Я положила ладонь на ее руку, и она замолчала. Я думала, что она расплчется, но этого не случилось.

– А когда я вернулась за курткой, то кое-что увидела в лесу.

– Что?

– Картофельную Девочку. Она стояла за деревом и наблюдала. На ней было длинное белое платье, а потом она вроде как уплыла между деревьями.

– Опал, послушай меня. То, что случилось с Тори, – ужасно и невероятно. Разумеется, ты хочешь понять и объяснить это, может быть, даже винишь себя. Это нормально. Есть даже такое определение: «синдром выжившего». Но ты должна понять, что не имеешь никакого отношения к тому, что произошло с Тори. И Дел тут тоже ни при чем.

– Не веришь... – шепотом отозвалась Опал. – Я знаю, что видела.
Я глубоко вздохнула. Вот тебе и срочная психологическая помощь.

– Давай предположим, что Дел могла вернуться с того света, если на минутку отвлечься от того, что это невозможно. Нет никаких мыслимых причин, которые заставили бы ее тебе мстить. Я уверена, что есть много других людей, кому она отомстила бы в первую очередь.

– Например?

– Например, я. И все остальные, кто вместе с ней ходил в школу.

– Почему? – спросила она.

– Потому что мы не очень хорошо обходились с ней.

Это еще мягко сказано.

– Эй, а ты знаешь, что у тебя идет кровь? – спросила Опал, и я увидела, что порез на моей руке сочится кровью сквозь рукав рубашки.

Мы добрались до большого амбара, где я промыла свой порез в раковине, а Опал продолжала одолевать меня расспросами о Дел. Ее лицо покраснелось, и она как будто проглатывала любые кусочки информации, которыми я делилась с ней. Теперь, когда мы находились под крышей и ее лицо уже не было таким бледным, она уже меньше походила на Дел, что было большим облегчением для меня. Я начала гадать о том, кто же из нас на самом деле видит призраков.

– Какой она была? – спросила Опал.

– Решительной. Жесткой. Она почти ничего не боялась.

– Она была грубой?

– Иногда, наверное. Но в основном другие люди грубо обходились с ней.

– Почему?

– Думаю, потому что она была на них не похожа. В вашем классе есть ученик, которого все дразнят?

– Да, Джонни Лопес. У него амблиопия^[13], и он носит пижамные рубашки вместо нормальных.

– Ну вот. Дел была нашим Джонни Лопесом.

В дверном проеме появилась Рейвен. Она немного хмурилась, показывая, что уловила тему нашего разговора.

– Я услышала ваши голоса. Кто-нибудь видел Мэгпай?

– Нет, – ответила я. – Я порезалась, когда искала ее под старым парником, а Опал оказала мне первую помощь.

Опал помогла мне заклеить порез бактерицидным пластырем.

– Слушай, ты разбираешься в этом лучше меня, а я делаю это ради

заработка, – сказала я ей. – Может, откажешься от карьеры акробата и посвятишь себя медицине?

– Ни за что! – Девочка рассмеялась.

– Вправлять кости не так больно, как ломать их, – напомнила я.

– Лучше я переломаю все кости, чем сойду с ума от скуки, если буду целыми днями клеить лейкопластыри, – отозвалась она.

– Думаю, ваша мать собирается возвращаться домой, – сказала Рейвен. Я поняла намек, взяла мать под руку и не спеша отправилась вместе с ней домой, по пути обещая, что кошка скоро вернется. У кошек есть свои похождения и приключения, говорила я ей. Они собирают свои рюкзачки и отправляются повидать мир и полакомиться экзотическими мышами. Такова их природа, объяснила я. По пути домой настроение матери постепенно менялось от горя и подозрительности до ненависти.

– Это ты ее прогнала! – рыдала она.

– Я ничего не делала с Мэгпай. Она ушла сама. Я уверена, с ней все в порядке. Она вернется, когда захочет.

– Почему ты ее прогнала? Сначала ты избавилась от нее, потом избавишься от меня. Я не поеду в дом престарелых! – Ее тело сотрясалось, морщинистое лицо было залито слезами и забрызгано слюной.

Ну вот, она сказала это. Она не хочет уезжать. Вчера вечером я высказала идею о санатории для престарелых с хорошим уходом, но она промолчала, как будто не понимала ни слова. Но теперь, хоть и с отсрочкой, я получила ответ. Положение сильно осложнится, если нам придется возобновлять разговоры через сутки.

Я положила руку ей на спину, но она отпрянула, словно я обожгла ее. Словно я была той, кто пускает огонь с кончиков пальцев.

– Я не прогоняла кошку, ма. Честное слово. Наверное, она убежала, когда сюда приехали полицейские. Они спугнули ее, но она вернется.

– Почему здесь были полицейские?

– Они спрашивали, слышали ли мы что-нибудь странное в первую ночь после моего приезда.

– А что мы могли слышать?

– Ничего. Мы ничего не слышали.

А в ту ночь ты не уходила гулять по лесу. И на следующее утро я не нашла тебя на кухне с ножом в руке.

– А почему они спрашивали?

– Из-за девочки, на которую напали в лесу.

– Знаю, она умерла. Бедные Гризуолды. Ты ездила на автобусе вместе с ней.

- Да, мама, так оно и было.
- Но она не была твоей подругой.
- Нет, не была.
- Где моя кошечка? Мэгпай! Ох, Мэгпай!

На самом деле полицейские приходили неоднократно, и с каждым следующим визитом тон их вопросов становился все более обвиняющим. Они приехали на следующий день после убийства и расспросили меня с матерью, а потом Опал, Рейвен и Гэбриэла. На следующий день они вернулись и говорили со мной наедине, задавая вопросы о нашей давней связи с Дел.

– Господи, это же было больше тридцати лет назад, – сказала я. – Разве вам не хватает нового убийства? Это древняя история.

Детективы сидели с каменными лицами.

– Вы дружили с Делорес Гризуолд, мисс Сайфер? – спросил один из них.

– Я была едва знакома с ней, – ответила я. – Просто девочка, которая ездила со мной в школу на автобусе. Несколько раз я пробовала поиграть с ней, но она была слишком... странной.

– В каком смысле странной, мисс Сайфер? – поинтересовался другой детектив.

– Она лгала, – сообщила я. – Она была законченной лгуньей.

Вот такая ирония судьбы.

Когда я училась в школе медсестер, то работала по ночам сиделкой в психиатрической клинике на окраине Олимпии в штате Вашингтон. Мой муж Джейми оканчивал аспирантуру. Мы договорились, что после окончания его учебы я устраюсь на постоянную работу. Сначала я собиралась стать врачом, – возможно, педиатром, – но работа дипломированной медсестры отнимала меньше времени и достаточно хорошо оплачивалась. В конце концов, одного врача в семье вполне достаточно, а кардиологи зарабатывают больше педиатров... В общем, мы сошлись на этом.

Или, скорее, так решил он, а я настолько одурела от любви к нему, что соглашалась на все и внушила себе, что так будет лучше.

Расстраиваюсь ли я из-за того, что отказалась от врачебной карьеры? Лишь когда долго думаю об этом. Сожаление не стоит преувеличивать.

Я познакомилась с Джейми в первый год моей учебы в медицинском колледже. Он учился на последнем курсе. Он был блондином из Лонг-Бич и

носил выцветшие джинсы и яркие, цветастые гавайские рубашки. Меня привлекло к нему очевидное противоречие: красавец-мужчина с философией серфингиста, который носит аляповатые рубашки, и в то же время лучший ученик в своей группе, самый прилежный студент, которого знали многие преподаватели. Я влюбилась в него в тот момент, когда он посмотрел мне в глаза и манерно протянул: «Как знаешь». Я бросила колледж, и мы поженились в городской ратуше в канун Рождества. Мы переехали в маленькую обшарпанную квартиру-студию, и я поступила на курсы при школе медсестер и стала работать в ночную смену в больнице штата, чтобы мы смогли оплачивать многочисленные счета.

Там я познакомилась с великаншей по имени Пэтси Маринелли. Другие женщины на этаже звали ее Крошкой. Она была шести футов и трех дюймов росту и весила более трехсот фунтов. Крошка сначала застрелила своего мужа, а потом выстрелила себе в голову. Он умер мгновенно, но она выжила, отделавшись безобразными шрамами и полной потерей кратковременной памяти. Все, что случилось до того момента, когда она нажала на спусковой крючок, было для нее кристально ясным: детские каникулы с большой итальянской семьей, влюбленность в кинозвезд, летний лагерь, окончание средней школы, первая любовь, первая выпивка, первая измена. Но в долговременной памяти никакие новые воспоминания не накапливались. Хотя я встречалась с ней каждый вечер в течение двух лет, она все время называла мне свое имя, иногда несколько раз за ночь. И в девяти случаях из десяти она задавала один и тот же вопрос:

– Скажи, что самое плохое, что ты сделала в своей жизни?

Во время первого года моей работы в больнице я не отвечала на этот вопрос. Я пожимала плечами, иногда шутила и спрашивала ее о том же – именно так я научилась поступать с депрессивными, нестабильными и психически больными пациентами. Крошка Маринелли неизменно рассказывала мне, как убила своего мужа. Она начинала неудержимо рыдать, при этом все триста фунтов ее тела не тряслись, как желе, а взрывались с вулканической силой.

Во время второго года моей работы в больнице Джейми признался, что у него роман с другой аспиранткой. Это была первая в длинном ряду его измен. По его словам, его подтолкнула к этому моя эмоциональная отчужденность. К тому же мы постоянно ссорились из-за денег и незавершенных домашних дел или о том, кому пора идти в магазин за молоком. Мои силы были на исходе. Учиться на курсах, которые я посещала, становилось все труднее, с деньгами было совсем туго, работа все больше напрягала, и дома мне хотелось только как следует выспаться.

Джейми же принимал близко к сердцу мои отказы на его нечастые попытки заняться любовью.

Ясно, что я не каждый раз отвергала его заигрывания, поскольку вскоре после того, как узнала о его романе (кстати, он поклялся, что все уже закончилось, – и, кроме того, это было чисто физическое увлечение), я обнаружила, что беременна, хотя и старалась принимать противозачаточные таблетки. Я боялась рассказать Джейми о беременности, уверенная в том, что он обвинит меня в манипулировании им. Вполне возможно, что на каком-то подсознательном уровне так оно и было. Джейми не верил в случайные совпадения. По правде говоря, в то время я была с ним солидарна. И я верила, что наш хрупкий брак переживет новость о беременности. И мы решили (да, на этот раз *мы*), что постараемся все наладить. Я все еще любила его – яркие рубашки, блуждающий взгляд и так далее. В этом отношении меня можно считать легковерной дурочкой: когда я кого-то люблю, то не могу отказаться от своих чувств.

Я совершила ошибку, поэтому казалось справедливым, что я должна самостоятельно исправить ее.

В пятницу я сделала аборт и провела выходные дни в постели, страдая от спазмов и глотая мотрин^[14]. Джейми я сказала, что у меня простуда.

В понедельник вечером, когда я притадилась в больницу, Крошка представилась мне и задала свой обычный вопрос. Мы были одни в ее палате.

– Скажи, что самое плохое, что ты сделала в своей жизни?

Я не могла отделаться от мыслей об аборте. Мне хотелось с кем-то поделиться этим бременем. В чем бы я ни призналась Пэтси, все равно это будет забыто через пять минут.

Но это не было худшим поступком в моей жизни.

– Я предала свою лучшую подругу, а потом она умерла. – Я обнаружила, что произношу слова, не думая о них. Они просто сорвались с моих губ.

– Ты убила ее? – поинтересовалась Крошка.

– Нет, это не я задушила ее, но все равно часть вины лежит на мне. Если бы в тот день все пошло по-другому, то может быть...

– Ты думаешь, она винит тебя?

– Мертвые не могут никого винить.

Я смотрела на эту огромную женщину. Ее глаза, нос и рот казались слишком маленькими на луно-образном лице.

– Мертвые могут винить нас, – проговорила она.

Я стала оставлять открытую банку с тунцом и блюдце молока на парадном крыльце, чтобы приманить Мэгпай. Каждое утро молоко и тунец исчезали, но Мэгпай не появлялась. Маленькая проныра играла с нами.

– Почему ты прогнала кошку? – продолжала спрашивать меня мать.

Она снова и снова задавала одни и те же вопросы.

– Сначала кошка, потом я. Я не собираюсь в дом престарелых! – После этих слов она начинала с болезненным отчаянием звать свою любимицу.

Я увеличила дозировку ее лекарств. Иногда это вроде бы помогало, а иногда как будто не оказывало никакого эффекта.

Однажды вечером, на третий день после исчезновения Мэгпай, когда я выставляла на крыльце лакомства, к дому подъехал побитый синий пикап «Шевроле». Оттуда вышел мужчина, которого я сразу же узнала, несмотря на запущенный вид.

По старой привычке я снова почувствовала электрическое покалывание, но на этот раз оно казалось немного более опасным, как от прикосновения к упавшему проводу.

– Значит, это правда, – с улыбкой произнес мужчи-на, выбравшись из кабины. – Кейт вернулась домой.

– Как поживаешь, Никки?

Он сделал несколько шагов вперед, и я увидела, как он поживает. Он выглядел подвыпившим. Он немного набрал вес, и ему давно уже следовало постричься и побриться. Прошло двадцать лет с тех пор, как я последний раз видела его, но у него был все такой же скрипучий голос и размашистая походка. Его волосы совсем выцвели, а лицо было темным от загара. На нем была замурзанная бейсболка с инициалами Джона Дира^[15], чистая футболка, охотничья тужурка в черную шашечку и джинсы. Он изобразил свою прежнюю лукавую улыбку, и у меня потеплело в груди. Как я уже говорила, если я кого-то люблю, то это на всю жизнь. Несмотря ни на что. Знаю, это бе-зумие, но ничего не могу с собой поделать.

У меня не было серьезных отношений после того, как Джейми наконец ушел от меня пять лет назад к молодой женщине-хирургу. Она беременна, объяснил он, и хочет иметь семью. Мне стало тошно от такой иронии судьбы, и я рассказала ему об аборте.

– Ты мог иметь семью! – отрезала я. – Прямо сейчас ты мог бы иметь одиннадцатилетнего ребенка. Вот твоя паршивая семья!

Когда я увидела его лицо, то поняла, что между нами все кончено. Он никогда не простит меня. Я все испортила сама: эмоционально

отчужденное, скрытное чудовище, убивающее детей.

Она родила ребенка – мальчика по имени Бенджамин, – но ее гражданский брак с Джейми закончился уже через год. Когда я узнала об этом, то подумала, что должна почувствовать себя отмищенной, но этого не случилось. Хотя мы с Джейми друг с другом не контактировали, с годами новости о его похождениях окольными путями все равно доходили до меня. Мой бывший муж, успешный кардиолог, разбил почти столько же сердец, сколько и вылечил.

Сразу же после развода я стала ходить на свидания и заводить одноразовых любовников типа «потрахались и разбежались», но эти встречи оставляли меня разочарованной и опустошенной, и в конце концов я выбрала роль старой девы, отвергавшей предложения даже самых многообещающих мужчин. Коллеги в начальной школе считали меня лесбиянкой, и я не собиралась их переубеждать.

Стоя на крыльце перед парнем, в которого я влюбилась впервые в жизни, – или, вернее, перед женщиной, в которого он превратился, – я произвела быстрый арифметический подсчет. Три года... да, прошло три года с тех пор, как я в последний раз переспала с женщиной. Я понимала, что влечение к Нику Гризуолду было чистым безумием с моей стороны, но опять-таки ничего не могла с собой поделать.

– Никки. – Мне хотелось обнять его, но я удержалась. Вместо этого я опустила на крыльцо и похлопала ладонью рядом с собой.

– Пустынная Роза, – произнес он, усевшись рядом со мной и вытянув длинные ноги. – Хочешь покурить? – Он протянул пачку «Кэмел», и я взяла сигарету, хотя не курила уже несколько лет. – Как насчет выпить? – Он достал бутылку виски «Дикая индейка» из кармана тужурки и сделал глоток.

– Давай-ка, хлебни! – Он протянул мне бутылку.

– Пожалуй, не повредит. – Я взяла бутылку и сделала приличный глоток, так что виски теплой волной растеклось в желудке. В последнее время я предпочитала коктейль «Манхэттен».

– Рада видеть тебя, Никки, – искренне поприветствовала я его. Прожив с матерью около недели, я очень хотела увидеть хоть какое-нибудь знакомое дружелюбное лицо. Кого-то другого, кроме Гэбриэла и Рейвен, которые неизменно завершали свои визиты вопросом о том, нашла ли я подходящее место для моей матери. На самом деле я ничего не искала. Я сказала им, что все еще оцениваю ситуацию, но они без труда угадывали правду: я тянула время, и все об этом знали.

– Ну, как дела? – спросила я.

– Как сажа бела. Кстати, я тоже рад тебя видеть.

– Чем занимаешься? – Я подумала о том, что подслушала в универмаге: в связи с недавним убийством его вызвали на допрос, но из-за драки в баре у него было алиби.

– Всем понемножку. Работаю механиком у Чака на неполный день, ремонтирую двигатели на стороне. Летом подстригаю газоны, зимой убираю снег. Все, чтобы хватало на оплату счетов. У меня есть берлога в окрестностях Мидоуса; всего лишь трейлер, но это мой личный дом. – Он улыбнулся. – А как ты?

– Да почти нечего рассказывать. До сих пор живу в Сиэтле, работаю школьной медсестрой.

– Слышал, ты вышла замуж.

– Уже почти пять лет в разводе.

Он кивнул.

– Дети?

– Нет. – Я отвела взгляд. – У меня нет детей.

Он немного помолчал, потом кивком указал на дом:

– Как поживает твоя мама?

– Не очень.

– Слышал, она собирается в дом престарелых.

– Я еще не знаю. Наверное, ей нужно туда поехать, но не уверена, что это правильно. Она настроена против. Сейчас я отвечаю за ее жизнь, и у меня есть примерно две недели, чтобы принять решение. Потом отпуск закончится, и мне придется вернуться в Сиэтл.

– Ты все сделаешь правильно.

Мы еще немного помолчали, слушая, как последние листья шелестят на деревьях, перешептываясь бумажными голосами.

– Ты слышала о девочке, которую нашли в лесу?

Я еще раз как следует отхлебнула из бутылки, перед тем как ответить:

– Само собой. Просто из ряда вон, да? Думаю, это случилось на другой стороне холма, где стояла старая хижина для охоты на оленей.

– Она все еще там, – сказал Ник.

– Не может быть. – Должно быть, мое удивление порадовало Ника: он кивнул и улыбнулся. – Я была уверена, что она рухнула несколько лет назад.

– Накренилась, но еще стоит. Вроде меня, а? – Он подмигнул.

Я покраснела и отвела взгляд.

– Будь я проклята.

Возможно, из-за виски, но я вдруг вспомнила, что когда наши

отношения с Джейми начали портиться, я начала спрашивать себя, каково было бы выйти замуж за Ника. Дело не в том, что он никогда не делал мне предложения. И даже не в том, что мы не знали друг друга, когда стали взрослыми. Но в моем воображении он стал идеальным мужчиной, серьезным и грубоватым, – человеком, который никогда не причинит мне зла.

Никки отхлебнул еще виски и помолчал, прежде чем спросить:

– Кейт, ты что-нибудь знаешь об убитой девочке?

– Довольно мало. Я читала в газете, что ей было четырнадцать лет, ее звали Виктория Миллер, а друзья звали ее Тори. Опал и другие дети, с которыми она была в лесу, не слышали ничего странного.

– Ее матерью была Элли Буши; она вышла замуж за одного из Миллеров. Элли и ее муж Джош держали антикварную лавку, унаследованную после того, как у мистера Миллера случился удар. Его жена ненадолго пережила его.

– Элли. Я уже давно о ней не вспоминала. – К моему горлу подкатил комок, – плотный, болезненный комок: я вспомнила об Элли Буши и ее чудных обещаниях.

– Да, я помню это имя, – продолжал Никки, закуривая вторую сигарету. – Что-то произошло между вами и нашей Дел. А потом я вспомнил про Арти Пэриса.

Боже, еще одно имя, которое я предпочла бы забыть. Никки вытаскивал все скелеты из шкафа.

– А что Арти?

– Да вспомнил, что он обращался с Дел, как настоящая сволочь. Все говорили, что это он окунул ее в грязь в тот последний день в школе. Он дразнил ее и пел тупые стишки про одну картошку и две картошки.

«Нет, – подумала я. – Мы все их пели». Комок в моем горле уплотнился.

– Да, он был заводилой, – сказала я. – Уверена, он таким и остался.

– А вот и нет, Кейт. Он умер. Это случилось несколько месяцев назад.

Я медленно переваривала эту новость. Всегда неприятно слышать, что кто-то умер, а когда это человек твоего возраста, все кажется еще более трагичным, даже если этот человек никогда тебе не нравился. Отчего он умер, от сердечного приступа? Попал в аварию? От цирроза печени? В сущности, это не имело значения.

– В самом деле? – спросила я. – Хотелось бы сказать, что мне очень жаль.

– А ты хочешь знать, как он умер?

Я пожала плечами, и он продолжил:

– Люди говорят, что он подавился сырой картошкой и задохнулся. От кусочка сырой картошки.

Я безуспешно попыталась подавить смешок. Это звучало подозрительно похоже на последнюю байку о Картофельной Девочке. Городской фольклор в действии.

– Есть кое-что еще, Кейт. Он был дома один. Его жена работала в ночную смену на обувной фабрике.

– Ну да. – Я закатила глаза, не в силах поверить, что Ник клюнул на такую наживку.

– Просто послушай, ладно? – нетерпеливо продолжил он. Удовлетворенный моим молчанием, он наклонился вперед и продолжал тихим доверительным тоном: – В доме не было картошки. Ни одной штуки. Арти ненавидел картошку и не разрешал жене покупать ее. Но когда коронер провел вскрытие, он обнаружил кусочек сырой картошки, застрявший в его дыхательном горле.

Я снова усмехнулась.

– Полагаю, ты видел доклад coronera? Или, может быть, сам говорил с ним?

Лицо Ника немного покраснело.

– Наверное, у него был сердечный приступ, Никки. Но из этого не состряпаешь хорошую историю, поэтому мало-помалу его смерть как следует приукрасили. Так уж принято в этом городе. Даже самый безумный слух становится фактом, когда проходит через третьи руки.

– Нет, это был не сердечный приступ, – настаивал Ник. – Он задохнулся. Его жена говорила то же самое. В итоге все списали на несчастный случай, но люди знают, в чем дело. И я знаю, в чем дело. Этот сукин сын был убит.

– Кем именно? – поинтересовалась я.

– Да ладно тебе, Кейт. Мне что, нужно назвать имя? Сначала Арти и картошка, а теперь дочь Элли убили в лесу точно так же, как Дел. Это она, Кейт, больше некому.

Я не понимала его. Или, скорее, не хотела понимать. Нет, сэр, только не это. И только не я.

– О ком ты говоришь, Никки? Что за «она»?

– Дел.

Я помолчала, прежде чем заговорить. Мне вспомнились истории, на которых я выросла и которые с каждым годом становились все более запутанными. Из-за своего убийства Дел приобрела мифический статус.

Вырастали поколения детей, не знавших, когда был основан Новый Ханаан, или не способных назвать индейское племя, считавшее эту долину своим домом, но все они слышали рассказы про Картофельную Девочку. Они пели стишки о ней, прыгая через скакалку. Они знали шутки о ней. Дети на вечерних сборищах перед сном сидели перед зеркалом в темной комнате и монотонно произносили «Картофельная Девочка, Картофельная Девочка» до тех пор, пока она не появлялась, заставляя их с визгом бросаться врассыпную.

Несомненно, Дел бы это понравилось. Она бы радовалась своей способности вселять страх. Но считать, что эти истории реальны? Что Дел – Картофельная Девочка – на самом деле восстала из могилы и бродила по лесу в поисках возмездия, без разбору убивая людей? Может быть, они верили и во Всадника без головы?

Одно дело – когда двенадцатилетняя девочка вроде Опал увлекается подобными идеями... но взрослый мужчина?

Тот Ник, которого я видела перед собой, больше не был поджарым и высоким красивым пареньком из моего детства, но он не стал менее искренним. Меня поразило, какой тяжелый отпечаток оставило на нем горе и чувство вины. Ему казалось едва ли не утешением верить в то, что его младшая сестра, такая храбрая и находчивая, перехитрила даже смерть. Но только не для меня. Я не собиралась возвращаться в прошлое. Единственным призраком, в которого я верила, был добрый маленький Каспер^[16], и я не собиралась ничего менять.

– Никки, – начала я, нацепив лучшую из сочувственных улыбок для пациентов психиатрической клиники и мягко положив руку ему на колено. – Думаю, виски добралось до тебя. Хэллоуин был полторы недели назад.

Он раздраженно покачал головой.

– Может, это звучит глупо, но ты просто задумайся. Спроси себя: а что, если я прав? Если это Дел, она может прийти и за нами. Подумай об этом. Помнишь, какой сердитой она была в тот день перед убийством? Если она бродит вокруг и выбирает людей, на которых у нее есть зуб, то мы в ее списке. – Он с хлюпаньем допил бутылку и устался на растрескавшуюся ступеньку между своими рабочими ботинками. – Лучше бы тебе в это поверить.

У нас за спиной открылась входная дверь, и мы разом обернулись. Я быстро убрала руку с колена Ника, чувствуя себя как провинившаяся школьница.

– Кто ты такой? – спросила моя мать и наклонилась, чтобы

рассмотреть лицо Ника в тусклом вечернем свете. – Кто он?

Она была заляпана пятнами акриловой краски. Судя по всему, она вытирала руки об одежду и задела лицо. Повязки на ее руках напоминали расплывчатые радуги. Некоторое время назад она сказала мне, что хочет поработать над картиной, но я полагала, что она забудет о своем намерении, прежде чем дойдет до дела. Рейвен говорила, что моя мать уже несколько месяцев не работала с красками. С учетом количества лекарств, которыми я ее накачала в тот день, было странно, что она вообще могла стоять, а тем более работать над своим последним ше-девром.

– Я Ник Гризуолд, мэм.

– Ты живешь у подножия холма. – Она показала в сторону перевязанными руками.

– Да, жил там раньше.

– Мне так жаль твою сестру. Бедняжка! Когда будут похороны?

Ник смотрел не на меня, а на мою мать. У него был вид загнанного зверя.

– Э-ээ... они уже состоялись, мэм.

– Значит, она упокоилась с миром?

– Думаю, да, – пробормотал Ник.

– Хорошо. Мертвые должны обрести покой.

– Да, мэм, – согласился он и поднялся на ноги. – Приятно было встретиться с вами, дамы. Я еще загляну к вам.

Мы наблюдали, как Ник садится в пикап и заводит двигатель. Он опустил окошко и сказал на прощание:

– Подумай о том, что я сказал, Кейт. Это все, о чем я прошу.

– Кто это был? – спросила моя мать, пока мы смотрели на удаляющийся автомобиль.

– Друг, мама. Ну, чем ты занималась в своей студии? – Она непонимающе взглянула на меня. – Давай посмотрим, над чем ты работала, хорошо? Это еще один натюрморт?

Мы вместе прошли в студию, где стояла моя койка. На мольберте стоял большой холст три на четыре фута, покрытый пятнами краски, в основном красными, желтыми и оранжевыми. Среди них затесались несколько синих и фиолетовых бликов.

– Очень красивые цвета, – сказала я и запоздало поняла, что мать может сказать такое четырехлетнему ребенку. Болезнь матери дала возможность для кардинальной смены ролей.

– Это огонь, – обратилась она ко мне. – Пожар, от которого у меня случился инсульт.

– У тебя не было инсульта, ма. – Я прикоснулась к ее костлявому плечу утешительным жестом, который она не заметила. Мать отступила от меня и подошла к своей картине.

– Она внутри.

О, Господи. Опять это.

– Кто? – Я тоже подошла ближе и встала прямо за спиной у матери. Ее тщедушная фигура не мешала смотреть на холст.

– Разве ты не видишь ее?

Я изучила полотно, но разглядела лишь толстые мазки акриловой краски.

– Нет, мама, не вижу. Пойдем, тебе нужно умыться. Скоро мы будем ужинать.

– Я не голодна, – сказала она.

– Но тебе нужно поесть.

– Где Мэгпай? – Она огляделась по сторонам и внезапно пришла в отчаяние. – Что ты сделала с моей кошкой?

После ужина, когда я дала матери дозу ночных успокоительных и уложила ее в постель, пришла Опал.

– Я видела здесь автомобиль Ника Гризуолда, – сказала она.

– Он заехал поздороваться со мной, – объяснила я, но мои слова прозвучали так, словно я оправдывалась. Почему я должна объяснять свои мотивы двенадцатилетней девочке? Как это могло случиться? И почему в последнее время каждый раз, когда я видела Опал, она заставляла меня нервничать? Я подозревала, что дело в ее расспросах о Дел, которые уводили меня в прошлое и заставляли вспоминать целую главу моей жизни, к которой я не хотела возвращаться. Не говоря уже о том, что иногда при взгляде на Опал у меня возникало впечатление, что я вижу Дел. Это было сродни ее собственной одержимости; Опал становилась похожей на умершую девочку. Знаю, это безумие, но так мне казалось.

– Как поживает твой биплан? – спросила я.

– Отлично! Я закончила фюзеляж, а это самая трудная часть.

Она задумчиво огляделась, будто вспоминая, зачем пришла сюда.

– Я тут подумала, что, может быть, Дел приходит за мной из-за чего-то, связанного с моим дедом и бабушкой, – проговорила она – Возможно, они имели какое-то отношение к ее убийству.

Я не удержалась от смеха. Это был нервный, но искренний смех.

– Доя? Она едва знала Дел, и она была величайшей пацифисткой, которую я знала. Она плакала, когда случайно разрежала червяка лопатой в

саду. А твой дед... ну, ты, наверное, слышала, что он был в числе подозреваемых, но его оправдали.

– Возможно, они были неправы, – предположила она.

– Я так не думаю. Он многое делал неправильно, но никогда не стал бы убивать человека. У него было доброе сердце. А так называемые улики, из-за которых его имя связали с убийством, оказались совершенно ошибочными. Это было лишь большое недоразумение.

– Но откуда ты знаешь? – спросила она.

Потому что я была причиной этого недоразумения.

– Просто знаю, можешь мне поверить.

Опал ушла разочарованной после того, как задала мне несколько колоритных вопросов по поводу убийства Дел, на которые я предпочла не отвечать. Девочке и без того снились кошмары, и не стоило давать ей новую пищу для страховок. С нее хватало потрясения, которое она испытала, увидев мертвую подругу. Судя по ее описанию, эта сцена была точно такой же, какую увидел Ник в тот день, когда обнаружил тело Дел. Но Опал не следовало знать об этом.

После ее ухода я легла в постель и задумалась над ее словами. Меня почему-то особенно беспокоило, что на Тори была куртка Опал. Что, если Опал была права? Не насчет призрака, разумеется... но что, если убийца, – который, несомненно, был живым человеком, – на самом деле охотился за ней?

Но у кого в целом мире была хоть какая-то причина охотиться на Опал?

В ту ночь я проснулась и услышала, как моя мать разговаривает сама с собой. Сначала я подумала, что это вернулась кошка, и мать укоряет ее за причиненное беспокойство. По правде говоря, я так и не смогла запереть мать по ночам в ее комнате. Я каждый вечер подходила к двери с латунным замком в руке, но так ни разу и не заперла дверь на замок. Это казалось неправильным, но я понимала, что не могу стать тюремщицей для собственной матери. Поэтому я спала с открытой дверью, полагая, что услышу, если она встанет и решит прогуляться, успев перехватить ее.

Я вышла в гостиную и увидела, что мать разговаривает по телефону. Лунный свет проникал в комнату через морозные узоры на окнах. Огонь погас, и в домике было холодно.

– С кем ты разговариваешь, мама?

Мать расплакалась. Она выпустила трубку, которая, болтаясь на проводе, то и дело ударялась о стену. Я наклонилась и взяла трубку. Пластик был теплым.

– Алло, – сказала я, приглядывая за матерью, которая сидела на полу и плакала. – Кто это?

– Служба неотложной помощи. Будьте добры, назовите ваше имя.

О, Господи. Что дальше?

– Простите, ради бога. Меня зовут Кейт Сайфер. Вы говорили с моей матерью, у нее болезнь Альцгеймера. Мне очень жаль.

– Она говорит, что вы убили ее кошку.

Я вздохнула, физически ощущая, как раздражение, накопившееся за последние шесть дней, рвется наружу.

– Мне жаль. Я уже сказала, что она больна.

– По ее словам, вы знали убитую девочку.

Это стало последней каплей. Вообще-то я по натуре спокойный и терпеливый человек. Я редко выхожу из себя, особенно в разговоре с официальными лицами, но с самого приезда на моем красивом фасаде стали появляться тонкие трещинки.

– Вот как? Вы меня слушаете? У нее болезнь. *Альц-геймера!* Она говорит о том, что случилось, когда я была маленькой девочкой! Она не знает, какой сейчас год, как печь оладьи, кто жив, а кто умер. Просто забудьте об этом, ладно? Господи, ну почему вы не можете оставить нас в покое?

– Мэм, я...

Я повесила трубку, чтобы больше не слышать этот тихий, понимающий голос, и помогла матери лечь в постель. Когда она уснула, я заставила себя повесить латунный замок, защелкнула дужку и для пущей уверенности подергала ее.

Глава 7

Конец мая 1971 года

– Ты дружишь с Картофельной Девочкой?

Я посмотрела на девочку, стоящую под гимнастической лесенкой на школьной площадке, – Элли Буши. У нее был вздернутый нос, усыпанный веснушками, и от нее пахло клубникой.

Я промолчала. Элли хвостом следовала за мной в течение всей перемены, а ее закадычная подруга Саманта все время держалась рядом. В конце концов Саманта потеряла терпение и присоединилась к игре в классики на краю площадки.

– Я спрашиваю только потому, что Трэвис видел, как вы разговаривали, когда сели в автобус сегодня утром, – продолжала Элли, прищурившись. – И потом он еще несколько раз видел, как ты говорила с ней.

Меня бросило в жар. Если Элли уже знает, то новости быстро распространятся, и к концу дня все узнают мой секрет. Значит, про меня тоже начнут сочинять дразнилки.

– Если я с кем-то говорю, это еще не значит, что мы друзья. Ты разговариваешь со мной, верно? Разве это означает, что мы подруги? – спросила я, глядя сверху вниз на Элли, которая запрокинула бледное веснушчатое лицо, обдумывая ответ.

– Ты могла бы подружиться со мной. У меня много друзей. – Она оценивающе посмотрела на меня, словно прикидывая мой потенциал в качестве подруги. Жалкая девочка-хиппи? Я знала, что у меня нет шансов, но почему бы и нет? Я представила, как мы с Элли играем на гимнастической лесенке, сидим за одним столиком на ланче, обмениваемся записками в классе.

– У меня уже есть лучшая подруга – Саманта, но почему бы тебе не стать другой лучшей подругой? – продолжала она. Это была игра. Элли дразнила меня. Ей удалось разговорить меня, чтобы потом ловушка захлопнулась. – Но я не могу дружить с теми, кому нравится Картофельная Девочка. Ни сейчас, ни потом. – Она покачала головой и отвернулась, словно желая этим жестом подчеркнуть свои слова.

– Может быть, она на самом деле мне не нравится. Может, я только притворяюсь. – Я сочиняла на ходу, надеясь, что она обернется. Мне удалось привлечь ее внимание. Она на самом деле повернулась и,

прищурившись, посмотрела на меня.

– Зачем тебе это нужно?

– Чтобы шпионить за ней, – импровизировала я, спустившись с лесенки. – Собирать информацию.

– Какую информацию? – спросила Элли, недоверчиво глядя на меня.

– Всякие интересные вещи. Секретные вещи. Сведения о Картофельной Девочке, которые будут известны только мне.

– Например?

– Много чего есть...

– Ну, расскажи что-нибудь.

– Ладно, – сказала я. – У нее есть свиньи, да? Одна свинья съела трех своих поросят, так что остались лишь хвостики. Знаешь, что с ними случилось? Дел сохранила их. Она держит их в своей комнате, в банке со спиртом. Она смотрит на них каждый вечер перед сном. И это первое, что она видит, когда просыпается утром.

Элли рассмеялась:

– О, боже! Тошниловка! И зачем она это делает?

Я пожала плечами.

– Кто знает, почему она делает то или это? Я не говорю, что понимаю ее поступки, просто есть вещи, которые я знаю о Дел. Много разных вещей.

– Надо об этом рассказать Саманте, – сказала Элли. – А ты еще что-нибудь такое знаешь?

– Да, много.

– И все такое же гадкое?

– Некоторые истории гадкие, другие просто странные.

Прозвенел звонок, возвещающий об окончании перемены.

– Завтра расскажешь еще, – попросила она, и я улыбнулась в ответ.

Вот так я поняла, что дружба с Дел может помочь мне купить дружбу с Элли и Самантой, у которых было много друзей, и я рассчитывала войти в их круг, как недостающее звено в цепи. При этом мне не обязательно предавать Дел. Я могу выдумывать все, что угодно, и рассказывать об этом другим. Буду вставлять кусочки правды здесь и там, но в основном расскажу о том, что они на самом деле хотят услышать от меня: самые грязные и очень странные подробности о жизни Картофельной Девочки.

Когда я в тот день встретилась с Дел после школы, Ник был вместе с ней и нес за плечом ружье. Он старался не смотреть на меня. Зеленый горошек вырос и вился тонкими бледными усиками по проволочным

шпалерам. От вороны по-прежнему воняло, ее перья обтрепались и засалились.

– Заместитель шерифа Пустынная Роза, – с серьезным видом поприветствовала меня Дел. – Сегодня мы идем на охоту.

Я пристроилась рядом с ними, и мы стали подниматься по тропе, слушая птичий щебет: дружный посвист синиц-гаичек, трель одинокого пестрого дрозда. Стояла весна, день был чудесным. Мы все немного вспотели от жаркого предвечернего солнца и быстрой ходьбы.

– На кого мы охотимся? – поинтересовалась я, нарушив тишину.

– На тигров, на белок, – кто попадется. – Ник наконец мне улыбнулся. Дел поймала его взгляд, и он смущенно отвел глаза.

– Предатели, – прошипела Дел, но произнесла слово так быстро, что звуки слились в одно целое. С таким же успехом она могла сказать «приятели» или «податели».

Никто не ответил. Сучья и прошлогодние листья на тропинке похрустывали у нас под ногами. Ник снял ружье, уперся прикладом в плечо и повел стволом из стороны в сторону в поисках цели. Мы повернулись к охотничьему домику. Ник прицелился в цокающую рыжую белку на дереве и выстрелил, но промахнулся. Белка спрыгнула вниз и убежала с сердитым стрекотом.

– Вот срань! – пробормотал Ник и вытер пот с глаз тыльной стороной ладони.

– Хорошая попытка, – сказала я ему, уже понимая, что сморозила глупость. Я искоса взглянула на Дел и увидела, как она закатила глаза. Маленькая хижина выросла прямо перед нами: странный кособокий островок среди моря папоротников.

Внутри было гораздо прохладнее, но пахло плесенью и мышами, отчего у меня запершило в горле. Дел первой поднялась по лестнице, потом последовали мы с Ником. Дел сунула в рот сразу три сигареты, несколько раз глубоко затянулась, чтобы раскурить их, и передала по одной мне и Нику. Тот положил ружье на кровать, взял замызганный журнал и быстро пролистал его, переворачивая страницы, словно просматривал скучное деловое обозрение или что-нибудь в этом роде. Я старалась подсмотреть картинки, притворяясь безразличной, в отличие от него. Я так сосредоточилась на журнале и на Нике, что даже не замечала Дел. Она держала духовое ружье старшего брата и целилась прямо мне в лоб. Потом она подошла ко мне вплотную и ткнула ружьем так, что металлическое дуло прижалось к моей коже. Я затаила дыхание. На лице Дел не шевельнулась ни одна мышца.

– Какого дьявола ты делаешь? – спросил Ник, оторвавшись от журнала. Его голос звучал скорее раздраженно, чем испуганно.

– Настало время для допроса, – ответила Дел. – Пустынная Роза, о чем ты разговаривала с Элли сегодня в школе?

– Мы просто болтали, – прошептала я и наконец выдохнула, а потом набрала в грудь побольше воздуха.

– О чем?

– Ни о чем. – Я рассматривала потрепанный матрас, страшась ее взгляда.

– Ерунда. Такого не бывает, чтобы разговаривать ни о чем.

– Правда, ничего важного. Я даже не помню. Вроде бы она пыталась стать моей подружкой или что-то в этом роде. Глупая болтовня, вот и все.

Твердый и холодный ствол продолжал упираться мне в лоб. Я знала, что это духовое ружье, и выстрел не убьет меня, но будет очень больно, и на лбу останется шрам. Тогда я не сомневалась, что Дел выстрелит, если я скажу что-то не так.

– Ты моя заместительница! Ты моя подруга! Ты поклялась, что будешь предана только мне! – Ее голос был таким громким и пронзительным, что у меня свело зубы. Я наконец посмотрела на нее и осторожно кивнула.

– Скажи это! Скажи, что клянешься быть верной только мне одной!

– Клянусь, что буду верной только тебе одной.

– И ты будешь делать все, что я скажу.

– Да. Все, что ты скажешь.

– Потому что я шериф этого вонючего городка!

– Ты шериф.

– И твоя лучшая подруга, – добавила Дел. Теперь ее голос звучал тише и спокойнее.

– Ты моя лучшая подруга.

– Навсегда, – напомнила она.

– Навсегда, – обещала я.

– Ладно, вы, двое. – Ник потянулся, отвел ствол ружья от моего лба и направил его в пол. – Теперь поцелуйтесь и помиритесь.

– Девочки не целуют девочек. – Дел плюнула в его сторону.

– Те, кто в этой книжке, точно целуются, – ответил Ник и указал на журнал. – Ну, по крайней мере, пожмите друг другу руки.

Дел отложила ружье и протянула мне руку. Когда мы обменялись рукопожатием, ее гримаса превратилась в довольную улыбку. Потом Дел подалась вперед и поцеловала меня в середину лба, где, должно быть, осталась отметина от дула ружья. Ее губы были влажными и прохладными;

дыхание напоминало жаркий ветер, неожиданно подувший из сырой пещеры.

– Теперь давайте охотиться! – Ник поднял с пола ружье и пристроил его на своих коленях, а потом потушил окурок сигареты в смятой банке из-под тунца.

Около часа мы бродили по лесу на склоне холма, охотясь на тигров, крокодилов и прочих диких зверей. Каждый раз, когда мы слышали неизвестный звук, Дел называла какое-нибудь новое и невероятное животное: гиппопотам, питон, вепрь.

Блуждая по лесу в поисках добычи, мы разговаривали о том, какие тупые другие девчонки в школе. По словам Дел, они заслуживали того, чтобы их поставили на место.

– Элли и Саманта думают, что их дерьмо не воняет, – сказала она.

– Мы могли бы приструнить их, – предложила я.

– Каким образом?

– Точно не знаю, но у меня есть идея. – Так оно и было: у меня быстро созрел подходящий план. – Я могу шпионить за ними. Понимаешь, притворюсь их подружкой, они будут мне доверять. Потом узнаю их грязные секреты, – что-нибудь такое, что мы сможем обратить против них.

– Какие секреты? – спросил Ник, заинтересовавшись незнакомыми школьницами.

– Еще не знаю. Но у всех есть секреты, разве не так?

– Думаешь, даже у таких девчонок есть секреты? – Дел приподняла брови; ее правая рука неосознанно поднялась над сердцем и прикрыла ткань грязной блузки, защищая ее собственный секрет.

– Есть только один способ выяснить это, – заявила я.

– Хорошо, заместитель шерифа. Ты получаешь приказ шпионить во вражеском лагере. Но ты должна рассказывать мне все, что узнаешь, все до последнего слова. Если обманешь, тебя будут судить за измену, – предупредила Дел и указала на меня пальцем, изобразив пистолет. Потом она «выстрелила» мне прямо в грудь и рассмеялась.

Я согласилась с Дел и молча поздравила себя с хитроумной манипуляцией; теперь я свободно могла дружить с ней и с другими девочками. Идеальный план.

После долгого нытья Дел уговорила Ника вернуть ей ружье. Она сказала, что чувствует свою удачу, и в конце концов он уступил, – не только потому, что устал от ее приставаний, но и потому, что она выступила с новыми угрозами поведать всему миру его большую тайну.

Дел находилась примерно в десяти шагах перед нами и целилась в

верхушки деревьев. Ник держался рядом со мной и незаметно взял меня за руку. Так мы шли несколько минут: Дел сосредоточилась на охоте, а Ник крепко сжимал мою руку, словно боялся, что я убегу.

Внезапно Дел выстрелила во что-то на сосне и издала торжествующий крик. Ник отпустил мою руку, и мы побежали посмотреть, кого она подстрелила. Лишь когда добыча упала на землю, я увидела, что это каролинская плачущая горлица. Когда мы приблизились, она была еще жива: изящная серая птица с заостренным хвостом, бьющая крыльями и неистово семенящая по кругу.

Не знаю, как долго мы стояли в молчании, наблюдая за бедной горлицей, борющейся за жизнь на лесном ложе. Мне показалось, что прошло несколько часов. Когда птица наконец сдалась и замерла, раскинув заломленные крылья на сосновых иголках и кленовых листьях, Дел опустилась на колени, чтобы потрогать ее. Она нежно погладила горлицу и взяла ее в руки, как очень хрупкую вещь. Повернув птицу, она нащупала место, куда попала пуля: маленькое кровавое отверстие в белой грудке. Она понесла мертвую птицу домой, спрятав ее в мягких складках своей рубашки. Дел даже не попрощалась со мной. Ник с мрачным видом двинулся следом. Он тоже не произнес ни слова.

Глава 8

14 ноября 2002 года

Ночью, после того как Ник попытался убедить меня, что призрак Дел убивает людей, и после того как я начала запирать спальню моей матери, мне приснилась Пэтси Маринелли. «Мертвые могут винить нас, – повторяла она. – Скажи, что самое плохое, что ты сделала в своей жизни?»

Когда я проснулась, еще только рассвело, и я опять испытала странное ощущение, будто кто-то следил за мной во сне. Я сосчитала до трех и посмотрела в дальний угол... там ничего не было. Потом я посмотрела на картину, по-прежнему стоявшую на мольберте, где моя мать изобразила пожар. В темноте я не могла разглядеть мелкие детали, но когда я изучала темные силуэты на фоне светлых, то заметила в верхней левой части картины что-то похожее на глаза, наблюдавшие за мной. В полусонном состоянии мне показалось, что взгляд немного сместился, словно наблюдатель покосился на меня.

Я едва не свалилась с кровати. Дрожащими пальцами я зажгла масляную лампу рядом с кроватью, поднесла свет к картине и, разумеется, не увидела ни глаз, ни лица. Только мазки яркой краски, похожие на детскую мазню кончиками пальцев. Нелепая история о призраке все-таки подействовала на меня.

Я надела шлепанцы и искала часы, уверенная в том, что оставила их на коробке рядом с постелью. Но их там не оказалось. Я подумала, что кошка могла опрокинуть часы, но потом вспомнила, что Мэгпай находится в самовольной отлучке. Поиски на полу тоже ни к чему не привели.

– Вот дрянь, – пробормотала я.

У меня есть нездоровая привязанность к моим походным часам. Это необычные часы для подводного плавания с цифровой индикаторной подсветкой, таймером, будильником, секундомером и другими «прибамбасами». Они принадлежали Джейми, но перешли ко мне, когда он купил свой первый «Ролекс». Я никогда не занималась дайвингом, но мне нравится брать их с собой в душ или в горячую ванну и понимать, что я в любой момент могу погрузиться в воду и точно знать, сколько прошло времени. И, пусть это покажется патетичным, мне нравится вспоминать о том, что они принадлежали Джейми. Мое обручальное кольцо давно пропало, но часы остались.

После тщетных поисков я побрела на кухню, держа в руке масляную

лампу. Без старых громоздких часов запястье казалось маленьким и беззащитным. Утро выдалось холодное, и я энергично развела огонь в кухонной плите, а потом наполнила водой голубой эмалированный кофейник, отмерив молотый кофе в ситечке. Я открыла ключом замок на двери материнской спальни и собралась вернуться к плите, когда услышала мяукающий звук. Да, снаружи доносилось тихое, но настойчивое мяуканье.

– Мэгпай?

Я приоткрыла входную дверь и с надеждой замерла у порога. Нет, никакой кошки. Что, мне почудилось? Не может быть.

Единственным сюрпризом был свежевыпавший снег, первый в этом году. Я нырнула в дом, надела пальто и сапоги прямо на пижаму и вышла в белесое утро. За ночь выпало немного меньше дюйма белого пушистого снега, засыпавшего крыльцо и передний двор. Миски с тунцом и сливками стояли пустые, и я была уверена, что кошка прячется где-то поблизости. В моем воображении возник мучительно соблазнительный образ: я аккуратно пристраиваю кошку рядом со спящей матерью и наблюдаю абсолютный восторг, когда она просыпается и видит Мэгпай – немного растрепанную, но целую и невредимую, – в постели рядом с собой. Кейт в роли спасительницы. Но я не заметила кошачьих следов, ведущих к пустым мискам. То, что я увидела в зыбком утреннем полусвете, гораздо больше напоминало человеческие следы. Маленькие следы. Такие отпечатки могут остаться от детских сапожек.

Мой все еще полусонный мозг пытался отыскать смысл в том, что я увидела. Одиравший ребенок в лесу, которому нравятся сливки и консервы из тунца?

Следы вели к мискам, а потом обратно по тому же пути, которым пришли: через дорожку к крыльцу и дальше в лес. Я глубоко вдохнула холодный, пахнувший снегом воздух и пошла параллельно отпечаткам ног, следуя за ними направо к тропе, спускавшейся по склону холма. Это была та самая тропинка, по которой я ежедневно ходила к Дел и обратно много лет назад. Вчера я увидела здесь Опал, шарившую в траве длинной палкой, как будто она искала змей. Я не спускалась по этой тропинке с того самого дня, когда убили Дел, и хотя сейчас мне хотелось иметь при себе длинную палку, но я определенно боялась не змей.

Валун размером с «Фольксваген», за которым когда-то прятались мы с Дел, подслушивая женщин, которые пекли хлеб, находился слева от конца тропы. «По-моему, это неуважение», – заявила тогда Мими, обращаясь к Дое. Лишь потом я поняла, о ком они говорили. Когда выяснилось, кто настоящий отец Рейвен, это стало большим потрясением для Нью-Хоупа.

Я прислонилась к холодному валуну, вдыхая запах древесного дыма из печной трубы материнского дома и глядя на две цепочки маленьких следов: одна приближалась, другая удалялась. Любопытство заложено в моем характере. Мне не нравятся нерешенные загадки. Я оттолкнулась от валуна и вступила в лес, исполненная решимости найти ребенка.

Я едва ли не слышала звук шагов Дел: она как будто подобралась ко мне сзади и собиралась положить свою руку мне на плечо. «Фу! – сказала она. – Моя лучшая подруга живет в проклятом индейском типи».

Старая тропинка, ведущая к ферме Гризуолдов, сильно заросла, но не стала непроходимой. Некоторые побеги, проросшие посередине тропы, недавно были подстрижены, и это указывало, что кто-то расчистил путь. Опал была единственной, кого я видела с садовыми ножницами, так что, наверное, это было делом ее рук. Но следы выглядели слишком маленькими для Опал; она была высокой девочкой, как и ее мать. Мои сапоги погружались в мягкий снег так же глубоко, как и детские ноги. Я продолжала идти, хотя сердце колотилось как бешеное. Я чувствовала себя немного ошеломленной и дезориентированной. Какая-то часть моего существа превратилась в десятилетнюю девочку, которая торопилась на встречу с Дел.

Догони меня, если сможешь.

У боковой тропинки, которая вела к покосившейся охотничьей избушке, следы поворачивали направо... и я как будто ожидала этого. Я остановилась у развилки и попыталась убедить себя, что нужно вернуться домой. Повернись. Кофе уже готов, а примерно через час солнце растопит снег, и следы исчезнут. Тогда я смогу внушить себе, что это мне приснилось. Это была часть сна, который начался с предупреждения Крошки Маринелли: «Мертвые могут винить нас».

В моей памяти всплывали скудные подробности последнего убийства. Где нашли тело Тори? Возле старой хижины? Если я пойду туда, то не наткнусь ли на полицейское ограждение из желтой пленки? Остались ли там следы совершенного убийства? Возможно ли, что убийца Дел нанес новый удар? Может, он все это время тихо жил в городе, ждал и наблюдал за событиями? И была ли Опал его предполагаемой целью? Каждый следующий вопрос казался более абсурдным, чем предыдущий.

Я испытывала хорошо знакомое ощущение опасности, которое чувствовала, когда находилась в охотничьей хижине, и плотнее закуталась в пальто. Я размышляла, стоит ли продолжать начатое. Сами посудите: я пришла сюда в семь часов утра, во фланелевой пижаме. Я была не готова бродить по месту преступления или встретиться лицом к лицу с убийцей. Я

еще даже не выпила кофе.

Несмотря на учащенное дыхание и холодный ужас, охвативший меня, было слишком поздно поворачивать назад. Я стояла и смотрела на тропу, ведущую к старой избушке, которую построил дедушка моей подруги Дел. Эта тропинка вела к тому месту, где я не была со дня перед убийством Дел, когда она в ярости набросилась на меня и Ника. Ник сказал, что домик все еще стоит, и я решила, что должна убедиться в этом сама. Нечего бояться. Я всего лишь стараюсь найти ребенка. В конце концов, я работала в начальной школе и умела обращаться с детьми. Я направилась к хижине, не сводя глаз с детских следов на снегу.

Старый охотничий лагерь был ближе, чем я помнила. И меньше. Он был похож на слегка увеличенный игрушечный домик. Он не был огорожен ярко-желтой полицейской лентой с предупредительными надписями, я не заметила никаких признаков того, что здесь произошло преступление на прошлой неделе... или тридцать лет назад. Входная дверь по-прежнему отсутствовала, и внутрь намело снегу. Маленькие следы вели прямо к скособоченному дверному проему. Я остановилась и внимательно посмотрела на покосившуюся избушку. Карточный домик, подумала я. Только тронь, и упадет.

Потом я услышала смех, доносившийся изнутри: тихое детское хихиканье.

– Кто там? – окликнула я. – Это ты, Опал?

Тишина.

– Можешь выйти, я знаю, что ты там!

Снова тишина.

– Тебе ничего не будет. Я не сержусь на тебя. Просто хочу, чтобы ты вышла. – Я пыталась придать своему голосу авторитетность и уверенность взрослого человека, которую я вовсе не ощущала.

Ничего. Ни звука, ни движения.

– Я сосчитаю до трех, а потом войду внутрь. Я серьезно! Один, – начала я, переминаясь с ноги на ногу в надежде увидеть маленькое испуганное лицо в дверном проеме.

– Два! – Я не хотела идти туда. Не сейчас. Никогда. С меня было достаточно видеть темную маленькую хижину. Я была готова отправиться домой, налить себе кружку горячего кофе и забыть о следах. Я слишком старая, чтобы играть в Нэнси Дрю^[17].

– Три!

Ладно, это просто ребенок. Ребенок, играющий в странные игры. Нечего бояться.

Я собралась с духом и вошла внутрь. Внутри точно так же пахло плесенью и мышами. Старые койки стояли вдоль стен, пузатая плита еще больше проржавела, но все осталось на своих местах. Ничего не изменилось. Сюда не добрались вандалы и не оставили на стенах надписи вроде «Тед любит Мэри-Энн». Если дети и бывали здесь, они отнеслись к этому месту с уважением, как к святыне или храму.

Я заглянула под койки и в темные углы. Внизу явно никого не было. Потом на чердаке что-то зашуршало. Тихий шуршащий звук вызвал в воображении абсурдный образ гигантского краба.

– Кто там? – позвала я.

Просто ребенок. Ребенок, который крадет сливки и тунцовые консервы. Ни клешней, ни жвал, ни жуткого экзоскелета.

– Эй, кто там?

Можно сказать, что я ожидала услышать знакомый голос: «Это Дел и Никки. Поднимайся, покурим вместе».

Но это было тридцать лет назад.

Я подошла к лестнице и начала подниматься, крепко держась за каждую перекладину и останавливаясь на каждой ступеньке. Лестница казалась крутой и опасной; ясное дело, мне уже не десять лет. Шуршащий звук раздался снова, потом стих. Я прильнула к лестнице, хотя поднялась почти наполовину, затаила дыхание и прислушалась.

– Эй, кто-нибудь! – Мой голос прозвучал визгливо и испуганно, несмотря на все усилия держаться молодцом. Ответа не последовало. Никаких звуков. Я продолжила подниматься; перекладины поскрипывали под весом моего тела.

Когда моя голова поднялась над уровнем пола второго этажа, я нервно осмотрела открытое пространство и с удивлением, но и с облегчением поняла, что здесь никого нет. «Это мыши, – сказала я себе. – Или белки». Какие-то мелкие грызуны, нарушившие покой этого места. Но разве я сама не была нарушительницей? И как насчет следов? Ребенок не может просто раствориться в воздухе. Я обвела взглядом пустой чердак, вполне уверенная, что нахожусь здесь одна.

Там не было матраса. Никаких журналов. Нет места, где мог бы спрятаться ребенок. Лишь старый коробок деревянных спичек, изгрызенный мышами. Вокруг были разбросаны спички с голубыми головками, но в их расположении ощущался некий порядок. Там, где раньше лежал матрас, кто-то выложил спичками крупные буквы, составлявшие вот такие слова:

НАЙДИ ЗАКА,

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ШЕРИФА

Мое сердце медленно поднялось к горлу, и я почувствовала, как оно стучит там и душит меня. Приказ, выложенный спичками, взывал к подчинению. Мой разум жаждал объяснения, как будто вращая жернова в песке, пока не возникла правдоподобная идея, возвращавшая меня на твердую землю. Я вернулась в мир живых. Опал. Должно быть, это Опал, отчаянно хотевшая, чтобы я ей поверила. Потом до меня дошло, что лишь один человек, кроме Дел, знал мое старое прозвище.

– Никки. – Я прожевала имя, все еще слишком испуганная, чтобы производить членораздельные звуки. Потом я подбросила спички носком сапога, разбросав их.

– Сукин сын, – выдохнула я. – Он знал, что я приду сюда. Вот *сукин сын!*

Я медленно попятилась, осторожно нащупывая каждую перекладину под собой. Как только я соскочила на дощатый пол, то снова услышала шорох на чердаке, но, вместо того чтобы подняться обратно, стремглав выскочила из хижины. Мои легкие истосковались по свежему воздуху.

Яркое, почти ослепительное солнце взошло над вершинами деревьев. Снег быстро таял, уничтожая следы, по которым я шла сюда. Я торопилась домой, гадая, как ловко Ник провернул фокус со следами; должно быть, он заплатил какому-то ребенку, чтобы привлечь мое внимание. Еще вчера он сделал надпись из спичек. Потом он заглянул на огонек и *настроил* меня определенным образом разговором о старой охотничьей хижине. Я угодила прямо в мышеловку... правда, жалкая роль. Но почему он пошел на такие ухищрения, какую цель он преследовал? Хотел отправить меня в прошлое на охоту за дикими гусями? *Найди Зака, заместитель шерифа*. Какого черта Ник хочет, чтобы я нашла Зака, – человека, о существовании которого я почти забыла? Который, насколько я помню, жил теперь где-то в Канаде.

Зак уехал из Нью-Хоупа вскоре после убийства Дел. Полицейские несколько раз вызывали его на допрос (как они сделали с несколькими постоянными жителями Нью-Хоупа), а когда с него сняли все подозрения, он взял свои книги и гитару и уехал из города автостопом.

Я шла быстро, постепенно разгораясь от гнева, и вскоре достигла валуна и увидела дым из кухонной трубы материнского дома. Чашка горячего, крепкого кофе – именно то, в чем я нуждалась, чтобы избавиться от паутины воображаемых шорохов и детских смешков в моей голове. В дверях дома появилась человеческая фигура. Она вышла на крыльцо и отчаянно замахала руками, повернувшись ко мне. Это была Рейвен.

– Кейт! – крикнула она. – Где твоя мать?

Вот дерьмо. Пропала моя чашка кофе.

Я побежала, оскальзываясь в тающем снегу.

– У себя в комнате? – с надеждой спросила я, но внезапно вспомнила, как открыла замок, а потом услышала мяуканье.

– Нет. Дверь спальни отперта, и ее нет в доме. Я думала, она с тобой. Где ты была?

– Пошла прогуляться. Меня не было всего лишь двадцать минут, самое большее полчаса.

Рейвен раздраженно посмотрела на меня, и я поняла ее состояние: за полчаса моя мать могла причинить много вреда.

Но могла ли она на этот раз вернуться с ножом? С кровью, засохшей на повязках?

– Пошли, нам нужно найти ее. Думаю, она вышла на дорогу.

Я заскочила в «Шевроле Блейзер» Рейвен, благора-зумно натянув длинное пальто, чтобы прикрыть пижаму.

– Мне показалось, что я слышала Мэгпай, – сказала я ей, не потрудившись упомянуть о детских следах. – Опал не ходила в лес сегодня утром, правда?

– Господи, Кейт. Разумеется, нет. Она встала в шесть утра и была на автобусной остановке без пятнадцати семь.

Я попыталась представить себе размер ноги Опал. Чем больше я думала об этом, тем больше убеждалась, что она не могла оставить те следы. Они должны были начинаться от большого амбара. Следы же, которые я видела, начинались и заканчивались у старой охотничьей хижины.

Просто какой-то ребенок, которому Ник заплатил пять баксов. Ребенок, обладающий даром левитации. Может быть, она пролетела всю дорогу от хижины и обратно, прыгая с ветки на ветку, как Тарзан.

Мы с Рейвен выехали на тропу вслед за расплывшимися следами, которые могла оставить моя мать. Они вели из Нью-Хоупа на Буллраш-роуд, там мы их и потеряли. Рейвен продолжала ехать вперед, и мы обе с надеждой вглядывались в лесные заросли по обе стороны от дороги.

– Кейт, именно поэтому она не может оставаться одна. Я дала тебе телефонные номера, по которым можно все узнать о долгосрочном уходе. В Сент-Джонсбери есть одно заведение, которое идеально подходит для нее.

– Она не хочет в дом престарелых.

– Знаю, что не хочет. Но ты же медсестра, ради всего святого. Ты должна понимать ситуацию. Ей уже не станет лучше. В колледже есть одна

преподавательница, Мэг Хаммерстейн. Она написала книгу о старческом слабоумии и содержит клинику для пациентов с болезнью Альцгеймера. Я оставила тебе ее имя и номер телефона. Ты должна с ней связаться.

Рейвен ехала слишком быстро. Я напряженно вглядывалась в заросший кустарником ландшафт, пронесившийся мимо. Заяц-беляк зигзагами перебежал дорогу и бросился в лес. Белый, как призрак. Были ли призраки белыми? Каспер был белым и безобидным. Кроме того, призраков не существует. Есть лишь отчаявшиеся люди, играющие в замысловатые игры, чтобы кто-то им поверил. Черт бы подрал этого Ника.

– Так получилось, что твоя мать представляет опасность для себя и для других, – продолжала Рейвен. – Тот пожар мог стать настоящей катастрофой. В любом случае мы потеряли типи. Но что, если кто-то спал там? Что, если бы я или Опал находились внутри? Была глухая ночь. Нам просто повезло, что Опал спала у Тори, а я была со своим другом.

– А моя мать в ту ночь, пока шла к типи, никого не видела? Она ничего не говорила? – спросила я.

Рейвен оторвала взгляд от дороги и недоуменно уставилась на меня. Она посмотрела на мое лицо, потом на пижаму и покачала головой:

– Кейт, было три часа ночи. Гэбриэл увидел пламя из своего окна. Он подумал, что я там, прибежал в ночном белье и нашел только твою мать. Она с ним боролась. Она укусила его за руку, когда он вытаскивал ее, как будто не хотела уходить.

Настала моя очередь покачать головой, но не потому, что я была не согласна, а потому, что кое-какие вещи не согласовались друг с другом.

– Она твердит мне, что с ней был кто-то еще.

– Само собой, Кейт. Она все время окружена людьми: мертвыми людьми, старыми знакомыми, которых она не видела долгие годы, молодыми людьми, которые давно выросли. Это часть ее болезни. Она не различает прошлое и настоящее. Она не может сказать, кто находится рядом с ней.

«Может быть, это заразно», – подумала я, вспомнив свою охоту за призраками сегодня утром.

Рейвен ударила по тормозам, когда мы доехали до знака «стоп» у подножия холма. Автомобиль занесло в снег. Ферма Гризуолда находилась слева от нас. Вывеска с надписью «ЯЙЦА. СЕНО. СВИНИНА. КАРТОФЕЛЬ» раскачивалась на ветру у обочины дороги. Я подумала о свиньях и о том, как боялась их бритвенно-острых зубов.

– Черт побери! – Рейвен стукнула по рулевому колесу рукой в перчатке. – Куда она запропастилась?

Мы с Рейвен все утро искали мою мать. Моим наказанием за невнимательность была пробежка по городу в пижаме и расспросы о ней у каждого встречного. Рейвен оставила «Шевроле Блейзер» на стоянке, и мы с ней отправились бродить от двери к двери («Вы случайно сегодня утром не видели пожилую даму в ночной рубашке, проходившую по вашим клумбам?»). Гэбриэл обшаривал все уголки Нью-Хоупа. Джим позвонил в полицию из универмага и собрал добровольцев из пожарной команды для поисков в лесу между городом и Нью-Хоупом. Мы с Рейвен в конце концов вернулись в дом моей матери и стали ждать известий, но обнаружили, что телефоны снова отключились. Телефонная линия, ведущая на холм Буллраш, глохла едва ли не каждый раз, когда дул сильный ветер или шел снег. Иногда телефоны молчали целыми днями без всякой видимой причины. Так было всегда с тех пор, сколько я себя помню.

Я переоделась, а Рейвен начала готовить суп; она сказала, что ей нужно что-то делать, иначе она сойдет с ума. Я вышла на парадное крыльцо и открыла пачку сигарет, которую приобрела в «Хаскис», хотя и понимала, как это глупо. Я не курила с окончания колледжа. Я работаю медсестрой. Я пробегаю трусцой много миль в неделю по дождливым холмам Сиэтла, лишь иногда балую себя нежирным замороженным йогуртом и всегда предпочитаю печеную картошку жареной. Но черта с два я успокоюсь, если порежу кучку моркови и репы.

Опал удивила нас ранним приходом из школы.

– Что случилось? – спросила Рейвен.

– Голова болит.

– Снова?

– Все нормально, мам. Мне просто нужно было вернуться домой.

Рейвен сообщила ей об исчезновении моей матери, возложив на меня большую часть вины, которую я покорно приняла. Опал предложила помощь с супом и засучила рукава свитера, прежде чем приступить к работе.

– Мои часы! – воскликнула я.

Опал озадаченно моргнула. Потом она потрогала часы, застенчиво улыбнулась, сняла их и без объяснений передала мне. Она как будто не сознавала, что взяла их без разрешения, они вдруг просто «материализовались» у нее на руке, когда она вошла в дом.

– Э-э-э... думаю, мне нужно пойти в большой амбар и полежать, – сказала она, обращаясь больше к Рейвен, чем ко мне. Она старательно избегала визуального контакта со мной.

Рейвен кивнула, и Опал выскользнула из комнаты, глядя в пол и сгорбив плечи.

– Она *заимствует* вещи, – объяснила Рейвен после ухода Опал. – Она так поступает только с людьми, которые ей нравятся, поэтому считай, что тебе повезло. В конце концов она бы все равно обязательно вернула часы. Она не хотела ничего плохого. Думаю, чаще всего она даже не сознает, что делает это.

Настала моя очередь кивнуть. Клептомания плюс легкая амнезия для забавы. Добавьте сюда смертельную угрозу от призрака, и какой-нибудь психиатр мог бы получить материал для исследования.

Когда Опал взяла мои часы? Я бы обязательно заметила, если бы она сделала это вчера вечером. Значит, она прокралась в студию, пока я спала? Может быть, это она виновата в моем утреннем ощущении, что кто-то был в комнате и наблюдал за мной во сне? Если да, что еще она могла взять?

– Я знаю, она очень привязана к тебе, – сказала Рейвен. – Но я снова вынуждена просить тебя не поощрять эти фантазии насчет призраков. Я не хочу, чтобы имя Дел Гризуолд упоминали в любом контексте. Надеюсь, это ясно?

– Кристально ясно, – ответила я и плотно застегнула часы на запястье.

Около полудня мы услышали звук двигателя во дворе и выбежали на улицу как раз в тот момент, когда Ник Гризуолд помогал моей матери выбраться из своего грузовичка.

Рейвен бросилась к ней и стиснула в объятиях.

– Джин, ты так напугала нас!

– Нужно было найти яйца, – сказала моя мать. Она посмотрела на меня и подмигнула. – Я тебя знаю, – добавила она.

Рейвен обняла ее за плечи и отвела в дом.

– Где ты ее нашел? – спросила я Ника.

– Она бродила по лесу за нашим старым местом.

– А что *ты* там делал? – Хотя я была благодарна, что он доставил мою мать домой целой и невредимой, но не смогла избавиться от обвиняющего тона.

– Хотел кое-что проверить. Ночью мне приснился кошмар, будто старая хижина сгорела. Кто-то играл со спичками.

Ну, это уже слишком.

– Могу поспорить, так оно и было. – Я больше не могла сдерживаться. – В самом деле, кто-то играл со спичками. У тебя очень странное представление о шутках, Никки.

Он выглядел растерянным.

– Послушай, я только пошел посмотреть, в порядке ли охотничий домик, а потом увидел Джин в ночной рубашке и шлепанцах и сразу же привез ее сюда. Я знал, что ты с ума сходишь от беспокойства.

– Да, но как насчет вчерашнего дня? Вчера ты тоже там был? Тогда ты это и сделал? Это было до разговора со мной или после? И где ты нашел ребенка, который оставил следы сегодня утром?

Он медленно покачал головой и поднял большие руки в успокаивающем жесте. Судя по всему, он был готов постараться, чтобы я чувствовала себя полной дурой. Я не могла поверить, что меня так потянуло к нему вчера на крыльце; сейчас мне хотелось задушить его.

– Кейт, я не знаю, о чем ты толкуешь. Звучит так, словно тебя жареный петух клюнул.

– *«Найди Зака, заместитель шерифа»!* Вот о чем я говорю! Сообщение, выложенное из спичек, которое ты оставил для меня в хижине. Это свинство, Никки. Я не люблю, когда со мной играют.

– Я не оставлял тебе никакого сообщения в хижине. Меня там не было уже несколько месяцев. «Найди Зака»? Чушь какая-то. Зак здесь, в городе. Он преподает в колледже. Время от времени мы встречаемся и идем попить пивка.

Никки был искусным лжецом. Он умел говорить убедительно, и это бесило меня. Я судорожно вздохнула.

– Спасибо, что привез мою мать домой, но теперь я хочу, чтобы ты ушел.

Он был похож на пса, получившего пинок под брюхо. Я немного сожалела о своей резкости.

– Послушай. – Он пожевал нижнюю губу, прежде чем продолжить. – Есть кое-что еще. То, что я нашел в лесу, прежде чем наткнулся на твою мать.

Он подошел к задней части грузового автомобиля, потянулся и достал сверток, обмотанный красной тканью. Я подошла поближе с подозрением, но и с любопытством. Рейвен открыла дверь, спустилась к нам и доложила, что моя мать переодета в сухое и ест на кухне ланч.

– Что это? – спросила Рейвен, глядя на фланелевый сверток в руках у Ника.

Он поднял уголок, и мы увидели клочок шерсти. Когда я протянула руку и откинула старую фланелевую рубашку, то издала сдавленный крик.

– О, Господи!

Это была Мэгпай. С перерезанным горлом. Белая шерсть на ее груди промокла от крови. Тело кошки было мягким и вялым, кровь еще не

высохла. Значит, ее убили недавно. Я отдернула руку и вытерла ее о джинсы.

– О, Господи, – повторила я.

– Это кошка твоей матери, да? – спросил Ник.

Я кивнула и посмотрела на Рейвен. Ее глаза стали огромными.

– Думаешь, это куница? – спросила она. – Или койот?

– Это не животное, – Ник медленно покачал головой. – Во всяком случае, не четвероногое животное.

Он сунул руку в карман и вытащил поношенную красную бандану. Когда он раскрыл ее и достал швейцарский армейский нож, я отпрянула. Это выглядело слишком похоже на *мой* нож. Но такие ножи – обычное дело. Красный нож с большим и малым лезвием, открывалкой, штопором и отверткой. А мой нож надежно спрятан в кармане сумочки, не так ли?

– Ей перерезали горло этим ножом с одного удара. Я нашел его рядом с трупом. Насколько мне известно, кунице не нужен швейцарский нож.

Рейвен передернула плечами.

– Где ты ее нашел?

– В лесу возле тропинки между нашим старым местом и вашим домом.

– Минутку, – сказала Рейвен. – Кейт, разве ты не ходила туда сегодня утром?

– Да, но я ничего не видела. На кухне мне показалось, что я услышала кошку, поэтому вышла посмотреть. – Мои слова звучали неубедительно даже для меня самой. Я хорошо понимала, что лучше умолчать о незначительных подробностях, таких как детские следы на снегу и хихиканье, которое я слышала в охотничьей хижине.

Рейвен накинула на Мэгпай старую рубашку. Она забрала кошку у Ника и отнесла сверток к своему «Шевроле Блейзер», где аккуратно пристроила его на заднем сиденье.

– Я похороню ее, – сказала она. – Джин не должна ничего знать и тем более видеть. Это погубит ее. И я хочу получить этот нож, Никки.

Ник протянул ей швейцарский армейский нож. Прощаясь, он кивнул нам обеим, забрался в свой грузовичок и задним ходом выехал с дорожки. Рейвен последовала за ним, но сказала, что вернется попозже и проверит состояние моей матери.

– Больше не оставляй ее одну. – Ее слова были скорее похожи на предупреждение, а не на просьбу.

Я немного постояла, слушая звуки отъезжающих автомобилей. Когда я повернулась к дому, в дверях появилась мать с куском хлеба в руке, на который она положила ломтик индейки, щедро политый горчицей.

– Куда он уехал? – осведомилась она. – Я принесла ему сэндвич. Такой приятный мужчина. Если бы ты не была замужем, пожалуй, он составил бы тебе хорошую партию.

– Никки – порядочный говнюк, мама.

– Кто?

– Ник Гризуолд. Мужчина, который привез тебя домой. Тот, для которого ты сделала сэндвич.

Мать безмятежно кивнула:

– Такой приятный мужчина. Его сестру убили в лесу. Бедная девочка! Знаешь, ей перерезали горло.

Нет, Дел задушили. Это кошке перерезали горло.

Мать откусила кусок сэндвича и ушла в дом.

– Бедная маленькая девочка, – пробормотала она с набитым ртом.

Глава 9

Начало – середина июня 1971 года

В последний школьный день, шестнадцатого июня, мой хитроумный план сработал против меня, как это происходит со всеми планами, которые придумывают отверженные пятиклассники в тщетной попытке завести друзей. Даже сейчас я хорошо помню эту дату, так как позже в тот вечер было обнаружено тело Дел. Эти два события – мое предательство и ее убийство – так прочно связаны в моем сознании, как будто одно не может существовать без другого. Не считая убийцы, я была последним человеком, который видел Дел живой. И когда я последний раз видела ее, она убегала от меня. Убегала так быстро, как только могли унести ее тощие ноги с ободранными коленками.

Вот-вот я должна была окончить пятый класс, а жизнь Дел Гризуолд уже висела на волоске. Обстановку в нашем типи нельзя было назвать мирной. Оказалось, что Ленивый Лось был отцом Рейвен, дочери Дои. Мими сообщила об этом моей матери, которая, вместо того чтобы грустно и с достоинством поблагодарить ее за откровенность, немедленно обрушилась на нее с обвинениями и назвала сплетницей, которая завидует чужому счастью. Мими вышла из типи, а мать крикнула ей вслед: «Ты ничего не знаешь об этом!» Вскоре после этой неловкой сцены Ленивый Лось пожаловал собственной персоной, несомненно, по настоянию Мими или даже самого Гэбриэла. Он признал, что да... возможно, он позабавился с Доей один, два или три раза, но они просто хорошо проводили время, и с тех пор много воды утекло... наверное, они покурили, прежде чем завалиться в постель, но это не имело никакого отношения к его птичке, к его Джинни. Его чувства к Джинни всегда оставались неизменными. Но «птичка-Джинни» не желала ничего слышать. Она колотила кулачками по его груди, рыдала и кричала «лжец!» до тех пор, пока не устала. Потом она велела ему убираться вон.

В тот вечер в большом амбаре состоялась горячая дискуссия между членами общины, которая затянулась далеко за полночь. Шона, который жил вместе с Доей, не было в числе участников; должно быть, он сел в свой помятый седан «Эльдорадо» и уехал в Калифорнию сразу после того, как узнал, что Рейвен – не его дочь. Меня выдворили уже через час, когда ситуация накалилась добела. Время от времени я слышала громкие голоса и взаимные обвинения, доносившиеся из-за двери. Доя и моя мать

ссорились друг с другом; Ленивый Лось попытался вмешаться, но тогда обе набросились на него. Казалось, у каждой были припасены свои отборные словечки для Ленивого Лося. Гэбриэл снова и снова утверждал, что корень проблемы кроется в обмане. Никто не осуждал Ленивого Лося за то, что он спал с Доей. В конце концов, все они были взрослыми людьми, поступавшими по взаимному согласию, и никто из них не выдвигал патриархальных требований обязательной моногамии и не имел права собственности на тело другого человека. Но дело в том, что он всем лгал и сделал Дою своей соучастницей. Его судили именно за ложь и в конце концов сочли виновным. Единогласное решение было вынесено около часу ночи: Ленивого Лося больше не хотели видеть в Нью-Хоупе. Поэтому на следующий день Марк Любовски запихал свою одежду, стол и запасы самодельной бижутерии в мини-автобус «Фолькс-ваген» и нашел себе квартиру в городе. Никто точно не знал, почему он не уехал куда-нибудь подальше. Некоторые предполагали, что он хотел видеть своего ребенка. Другие шептались, что он по-прежнему любил мою мать и надеялся, что она примет его обратно.

Я склонялась к последней теории. В следующие дни после его изгнания с холма я неоднократно ездила в город на велосипеде и нарезала круги возле дома, где он жил. Однажды я заметила, как он наблюдает за мной из верхнего окна. Я жестом предложила ему спуститься, но он лишь неуклюже помахал и задернул занавеску.

Прежде чем Ленивый Лось навсегда покинул типи, я кое-что украла у него. Это было ожерелье, которое он изготовил из кусочков резного дерева, пивных крышек и ружейной гильзы. Я хранила его под подушкой как мой собственный талисман, залог его возвращения.

Уже через несколько дней после отъезда Ленивого Лося моя мать сделала самого молодого члена общины Нью-Хоуп (не считая меня и малышки Рейвен), – девятнадцатилетнего Зака, который даже не окончил колледж, – своим любовником. Моей матери тогда был сорок один год, столько же, сколько и мне сейчас. Зак был вдвое моложе ее и лишь на несколько лет старше меня.

Для этого ему понадобилась лишь одна душещипательная песня. Он пришел в типи с гитарой, когда Ленивый Лось вывез остатки своих вещей, и спел моей матери песню (на этот раз собственную, а не Боба Дилана). Он сказал: «Я написал ее, думая о том, что случилось с тобой, Джин», и запел о том, что несправедливость и обман – еще не повод для того, чтобы навеки закрыть свое сердце. Я стояла за его спиной, делала вид, будто меня тошнит, и пыталась перехватить взгляд матери и перекреститься. Но моя

мать со слезами на глазах обняла его и так долго прижимала к себе, что я начала опасаться, что она никогда не отпустит парня. Я глазам своим не верила.

– Это просто глупая песня, – сказала я, пока она обнимала его.

Она сверкнула на меня глазами из-за его плеча и приказала мне убраться... как Ленивому Лося. Я выбежала на улицу. Позже, когда я вернулась, гитара Зака стояла у задернутой занавески возле ее постели.

– Просто тупая песня, – пробормотала я, когда легла и схватила ожерелье.

В отличие от Ленивого Лося у Зака не было никаких ожиданий относительно меня. Он не пытался относиться ко мне как к дочери или как-то подружиться со мной. Он не брал меня на прогулки по лесу и не рассказывал мне истории о хитроумном Койоте перед сном. Зак едва замечал меня; он приходил в постель к моей матери и уходил оттуда как вор, с нервной улыбочкой на лице. Если я достаточно долго смотрела на него, у него начинали гореть уши.

Но в их коротком романе мне больше всего запомнилось, как он заставлял мою мать смеяться. Не знаю, что он говорил или делал, но ночь за ночью я слышала смех матери из-за занавески, окружавшей ее постель. Сначала она смеялась тихо, может быть, немного смущенно, потом громче, потом неудержимо, истерично, почти рыдая. А вслед за ее смехом до меня доносился его шепот и шорох простыней.

Примерно в то время моя мать начала шить. Работа с иглой и ниткой была ее первой попыткой приобщиться к миру искусств и ремесел. После этого она перепробовала ткачество, гончарное дело и рисование палочкой, но сначала она принялась за шитье.

Она установила маленький стол для шитья в том месте, где Ленивый Лось раньше делал свои украшения. Ей как будто хотелось заполнить это пространство, каким-то образом присвоить его. Первым ее проектом была подушка с вышитой крестиком надписью «Счастливый дом – это дом любви». Послание казалось забавным с учетом того, что произошло в ее собственном доме. Картинка тоже выглядела смешно: аккуратно вышитый квадратный белый домик с опрятными голубыми занавесками и симметричными деревьями во дворе. Я пыталась представить крошечную семью, которую можно увидеть, если открыть дверь или отодвинуть занавеску. Я знала, что это будет другая семья, не такая, как наша. У детей будут отец и мать. Может быть, собака. Горячая проточная вода. Обед с мясным стейком. Крошечные люди, жившие в этом доме, не имели ничего общего с нашей жизнью... так я думала, когда была десятилетней девочкой

и наблюдала, как шьет моя мать.

Шитье как будто успокаивало ее, отвлекало от тяжелых мыслей, помогало коротать дни. А по ночам у нее был Зак. После ужина, пока она шила, он играл на гитаре, а потом они переглядывались, словно заговорщики, и скрывались за занавеской.

В отчаянии, я однажды уехала в город на велосипеде и положила в ящик Ленивого Лося письмо, где рассказала ему о Заке и попросила вернуться домой и все исправить, пока еще не поздно. Но он так и не вернулся. Думаю, он решил, что уже слишком поздно, с Заком или без Зака.

Когда я поведала Дел сагу об «Унылой Мышке»^[18], решив опустить ту часть, которая была связана с Заком, она рассмеялась и сказала, что мышонку не стоит унывать. По крайней мере, важные части его тела остались целыми и невредимыми. Я сделала вид, будто поняла шутку. Я также притворилась, что мне все равно. В конце концов, моя задница не пострадала, а Ленивый Лось был просто тупым хиппи с дурацкой кличкой.

За день до окончания школьных занятий я отправилась в поле поискать Дел, чтобы подарить ей ожерелье, которое я забрала у Ленивого Лося. Я больше не верила, что оно обладает магической силой, чтобы вернуть его, и хотела от него избавиться. Я также надеялась использовать его в качестве примирительного жеста: Дел была не вполне довольна тем, как я шпионила за Элли и Самантой.

Несколько недель моя схема двойного агента работала как по нотам. Я просто рассказывала обеим сторонам то, что они хотели от меня слышать, перемешивая выдумки с крупицами правды. Когда я устанавливала дружеские связи с Элли и Самантой, то докладывала им, что Картофельная Девочка на самом деле ездит голой на своем пони; я даже сообщила, что его зовут Спитфайр. Я рассказала им, что она спит в овощном погребе и умеет стрелять из ружья.

Дел я поведала о том, что Элли на ночь надевает зубную пластинку, а у Саманты есть умственно отсталая старшая сестра (и то и другое было правдой), и что обе тайно влюблены в школьного хулигана Арти Пэриса (разумеется, это было чистой выдумкой, но Дел проглотила ее).

В последнюю учебную неделю обе стороны крайне нуждались в отборном грязном белье. Их не устраивали крохи, которые я таскала с чужого стола. Я боялась потерять влияние на Элли и Саманту, которые требовали, чтобы я рассказала им что-нибудь действительно стоящее. А Дел оставалась безучастной, когда я выболтала ей, что у Элли и Саманты есть вши, бородавки или глисты. Мне нужны были орудия большого

калибра.

Поэтому я рассказала Дел, что Элли пригласила Арти к себе домой, где дело закончилось поцелуями. Дел не поверила мне: она закатывала глаза, качала головой, а потом просто сказала: «Не может быть». Я изо всех сил старалась убедить ее, придумывая детали на ходу. Они были в подвале у Элли, и сначала он заставил ее целоваться, а потом она поняла, что это не так уж плохо, и уступила. Я даже сказала Дел, будто Элли, ничего не смыслившая в отношениях мужчины и женщины, очень боялась, что забеременела от поцелуев, и постоянно спрашивала подруг, не замечают ли они перемен в ее фигуре.

– Вот тупость! – воскликнула Дел, и мне оставалось лишь гадать, имеет ли она в виду мою историю, или воображаемую беременность Элли.

А Элли и Саманте я рассказала полуправду только потому, что у меня закончились выдумки. Я сообщила им, что у Дел есть татуировка.

– Не может быть! – взвизгнули они. – Какая?

Мы стояли в нашем обычном месте для встреч, под гимнастической лесенкой. Мимо проходили другие дети, и я купалась в лучах славы, сияющая и гордая тем, что они видят, как я день за днем общаюсь с Элли и Самантой. Лишь когда Дел наблюдала за нами, я ощущала холодные волны вины и раскаяния.

– Точно не знаю, – ответила я. – Я видела лишь краешек, когда она переодевалась.

– Ты уверена?

– Богом клянусь. Она прямо у нее на груди.

– Наверное, это картофелина, – предположила Саманта.

– Та часть, которую я видела, была вся черная, – сообщила я.

– Гнилая картофелина! – хихикнула Элли.

Чего я не знала и даже не могла представить в своей роли осведомительницы, так это того, что мальчик по имени Трэвис Грин, который был влюблен в Элли, тоже узнает о татуировке и в свою очередь расскажет об этом большинству своих друзей, включая жирного Томми Дюкетта, главного подручного Арти Пэриса. Я не знала и о том, что в последний день учебы Арти Пэрис задумал нечто особенное: свой прощальный подарок выпускному классу начальной школы № 5.

После того как мне не удалось найти Дел в поле или в овощном погребе, я решила поискать ее в охотничьей хижине. Я начала пробираться к лесу от овощного погреба с ожерельем Ленивого Лося, надежно спрятанным в кармане, но остановилась из-за переполоха в свинарнике.

Похоже, одна свинья совсем обезумела.

Она бегала кругами по загону, то ли хрюкая, то ли вереща. Когда на ее пути попадалась другая свинья, то безумная бросалась на нее, толкаясь и кусаясь.

– Все в порядке, свинка, – сказала я. – Иди сюда.

Но свинья лишь забегала еще быстрее и суматошнее, словно пытаясь взлететь. Словно она думала, что если побежит достаточно быстро, то сможет спастись.

– А ну-ка уберись от свиней!

Я отпрянула от ограды и обернулась. Передо мной стоял отец Дел, человек, которого я до сих пор видела лишь издали. Ральф Гризуолд был высоким мужчиной в грязном рабочем комбинезоне, с широкими квадратными плечами и боксерской челюстью, проросшей черной щетиной. Его темные волосы лохматились из-под кепки и закрывали уши. У него были серо-голубые глаза Дел.

Отец был едва ли не единственным человеком, которого боялась Дел, и вот он стоял в трех футах от меня.

– Я... я просто искала Дел. – Пока я говорила, то смотрела на его ладони, широкие, как доски. В правой руке он держал большой пистолет.

– Ну, ее ведь нет в свинарнике, верно? Давай, жми отсюда! Ты будоражишь свиней! – Он махнул рукой без пистолета. Я бросилась бежать, а когда остановилась у начала тропы, то услышала звук выстрела, но не посмела оглянуться.

Я совсем запыхалась, когда добралась до поляны. Ноги подгибались, как резиновые. Я услышала голоса внутри хижины и позвала у входа:

– Дел? Никки?

Мне никто не ответил, но потом я увидела знакомую фигуру, торопливо пролезавшую в дверной проем покосившейся избушки. Это был Зак, – парень, который смешил мою мать каждую ночь перед сном. На нем была белая футболка и голубые джинсы с дырками на коленях. Босой, как почти всегда. Зак не носил обувь с тех пор, как мы познакомились, если не считать красных резиновых сапог, которые он надевал для прогулок по снегу. Насколько я могла себе представить, постельное белье моей матери совсем испачкалось от его грязных ног.

– Эй, – сказал он, когда заметил меня. Это было его обычное приветствие, сидел ли он напротив меня за столом в большом амбаре, или вылезал из-за занавески у материнской постели ранним утром.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, на самом деле сбившись с толку. Его уши тут же покраснели. Я испытала щемящее неудобство, как будто

мои слова каким-то образом выражали знание или согласие с тем, что он делает. Я бы точно так же удивилась, если бы увидела, как Дел орудует лопатой и ставит каравай в хлебную печь в Нью-Хоупе.

– Ничего. – Он пожал плечами и посмотрел на поляну, словно я наскучила ему. – Просто вышел погулять. Увидимся, Кузнечик!

С этими словами он удалился размашистой походкой, свойственной высоким мужчинам. Сначала Зак вторгся в мою жизнь в типичный, теперь он вторгся в жизнь Дел. За кого он себя принимает?

Я вошла в хижину и услышала шорох на чердаке.

– Дел! – окликнула я. У меня голова шла кругом. Зак пришел сюда, чтобы встретиться с Дел? Мог ли он быть тем таинственным парнем, который сделал ей татуировку? Я вдруг вспомнила, что фамилия Зака Месье; не это ли обозначала буква «М»? От этой мысли мне стало тошно.

– Это я, – донесся сверху голос Ника. Он сунул голову в проем над лестницей и улыбнулся мне: – Поднимайся, Пустынная Роза. Покури со мной.

Я забралась на чердак по лестнице. Ник сидел на матрасе. Рядом с ним стоял приличных размеров мешочек с травкой. В воздухе витал ее сладковатый запах, хорошо известный мне по Нью-Хоупу. Это был запах Ленивого Лося.

– Что нового? – поинтересовался он и протянул мне «Кэмел». Его глаза были красными и остекленевшими. Он играл с охотничьим ножом с пластиковой ручкой, доставая его из кожаных ножен и вставляя обратно.

Слегка задыхаясь, я рассказала Нику о том, что недавно видела в свинарнике, и о встрече с его отцом. Он лишь кивнул в ответ:

– Та свинья уже давно не в порядке. Стала такой, когда опоросилась. Папуля пустит ее на бекон. Достаточно одного выстрела, прямо в лоб, – Ник изобразил пальцами пистолет. – Банг! – произнес он и подул на кончик указательного пальца.

Я немного помолчала. Ник сидел и глупо мне улыбался, как будто его душа витала где-то далеко.

– Ты курил травку, – сказала я.

– И что? – Он приподнял брови.

– Откуда ты знаешь Зака?

– Я знаю многих людей.

– Тогда что он здесь делал?

– Принес мне вот это, – ответил Ник и указал на мешочек.

– Он дает тебе травку?

– Нет, глупышка, я покупаю ее у него. Хочешь немного попробовать?

- Нет.
- Что, слабо?
- Ничего подобного. К твоему сведению, дома я могу курить травку в любое время, когда захочу.
- Он покачал головой и ухмыльнулся:
- Я же вижу, что тебе слабо.
- Дерьмо собачье!
- Ох, юная леди еще и ругается. Ты слишком долго околачивалась вместе с моей сквернословающей сестренкой. Кажется, это называют дурным влиянием.
- Вот забавно. Она говорит о тебе то же самое.
- Тогда два раза ох. Расскажи мне, Пустынная Роза, что Дел говорила тебе обо мне.
- То, что тебе на самом деле только четырнадцать лет, а не шестнадцать. Что у тебя бывают плохие моменты, и еще, что у тебя есть какой-то большой секрет.
- Подумать только, какая у меня разговорчивая сестренка. А она сказала, что это за большой секрет?
- Нет. Но лишь потому, что если я узнаю, мне расхочется тебя видеть. Ник погрыз ноготь большого пальца.
- Ты и впрямь думаешь, что если я расскажу, тебе больше не захочется меня знать?
- Я пожала плечами, заглянула в его влажные глаза и подумала: «Ничего подобного».
- Ты убил кого-то или что-нибудь в этом роде? – Я нервно рассмеялась.
- Нет, ничего такого. Это... в общем, это сложно, вот и все.
- Я много чего знаю о сложностях, – заявила я, вспоминая о недавних событиях, перетряхнувших жизнь в Нью-Хоупе.
- Нет, я не думаю, что ты не поймешь, просто я не знаю, как это правильно объяснить. Но я объясню. Обещаю. Подумаю, как это сделать, и все тебе расскажу.
- Когда?
- Скоро, Пустынная Роза. Я обещаю. – Он потянулся, взял меня за руку, посмотрел на нее и улыбнулся своей фирменной озорной улыбкой. – Но у меня есть другой секрет. Хочешь услышать?
- Наверное, – сказала я, разочарованная тем, что пришлось согласиться на второсортное признание.
- Только если обещаешь, что не убежишь и не подумаешь, будто у

меня сейчас один из плохих моментов.

Я взглянула на Ника, и он крепче сжал мою руку. Он улыбался, и его зубы были такими белыми, что почти светились. Помню, как я подумала: «Зубы – это кости». Это заставило меня улыбнуться в ответ.

– Обещаю, – сказала я.

– Хорошо. Наклонись поближе, я скажу тебе на ухо.

Я наклонилась. Теплое дыхание Ника обдувало мне ухо и щеку. От него пахло марихуаной и сигаретами, но за этим я различала мускусный запах, похожий на пот, только более приятный.

– Я хочу поцеловать тебя. Мне очень этого хочется. И думаю, тебе тоже понравится целовать меня.

Его слова были влажными дуновениями, которые, казалось, проникали под кожу и согревали плоть.

– Хочешь? – спросил он, и его голос стал более низким и сиплым, чем раньше. – Ты тоже хочешь поцеловать меня?

Я кивнула и закрыла глаза, как делали девушки в кинофильмах. Его губы легко прикоснулись к моим, словно опустившаяся бабочка, но когда они оказались там, то прижались сильнее. Он втянул мои губы в рот и пососал их, а потом раздвинул кончиком языка. Его язык ворочался у меня во рту, словно гусеница, выискивая самые темные и влажные уголки. Его зубы столкнулись с моими и так резко лязгнули, что я подумала, у нас обоих останутся щербинки, как у Дел. Наверное, так она и повредила свой зуб, когда целовалась.

Поцелуи были похожи на крушение поезда: такая же неудержимая сила и ощущение неминуемой опасности. Пока мы целовались, я вспомнила звук одиночного выстрела. У меня шумело в голове. Зубы ныли, и мне казалось, что я чувствую вкус крови.

Мы целовались до тех пор, пока наши губы не распухли, а во рту не пересохло. Пока я не забыла о страшных секретах, которые мог хранить Ник. Я научилась пользоваться своим языком так же, как он пользовался своим. Он держал меня за плечи с такой силой, что на следующее утро остались синяки. Его дыхание стало таким тяжелым и учащенным, что я подумала: «Сейчас он посинеет и вырубится».

– погоди, – промямлила я или попыталась промямлить, поскольку он по-прежнему продолжал прижиматься к моим губам. Это могло продолжаться до бесконечности. Это бы продолжалось... но голос Дел все разрушил.

– ПРЕДАТЕЛИ! – завопила она. Ее голос наполнил хижину. Он обладал собственной силой, более мощной, чем крушение поезда или наши

поцелуи, более оглушительной, чем треск пистолетного выстрела ее отца. Мы отпрянули друг от друга и посмотрели вниз с чердака как раз в тот момент, когда Дел выскочила в открытый дверной проем. Я повернулась к Нику, но было уже ясно, что с поцелуями покончено. То, что я увидела в его глазах, не было похоже на любовь, похоть или даже чувство вины. Только страх, чистый страх.

Мы спустились по лестнице вслед за Дел, но ее и след простыл. Ник сказал, чтобы я шла домой. Он добавил, что найдет Дел в их тайном месте и постарается все исправить. Ей понадобится некоторое время, чтобы остыть, но он обещал, что с утра она будет в полном порядке. Я достала из кармана ожерелье, которое принесла для нее.

– Отдай это ей, – сказала я Нику. – И скажи ей, что я все равно остаюсь ее заместителем.

Ник кивнул и пошел вниз по склону холма вслед за своей сестрой.

На следующее утро Дел на меня даже не смотрела. Она не отрывала взгляд от земли на автобусной остановке, и я поняла, что Ник не сдержал обещание и ничего не исправил. И хотя мне больше всего хотелось встать на колени и попросить прощения, я боялась это сделать. Боялась, что она будет и дальше унижать меня и мне станет еще хуже, чем теперь.

Я хотела спросить, получила ли она ожерелье от Ника, пошутить насчет «Унылого Мышонка» или сказать, что я на самом деле всегда была ее заместителем, Пустынной Розой. Ее лучшей подругой на все времена.

Но единственной темой для разговора, которую я смогла найти, была обезумевшая свинья.

– Я слышала, твой папа вчера убил свинью, – выдавила я.

По крайней мере, это привлекло ее внимание. Дел подняла голову, и я увидела, что ее левый глаз был черно-синим, распухшим и почти закрытым. Она смотрела на меня с такой лютой ненавистью, что я была рада услышать подъезжающий автобус и увидеть тормозные огни, когда Рон остановился и открыл двери.

Всю свою жизнь я хотела вернуться в прошлое и по-другому прожить два момента своей личной истории. Я не жаждала совершить путешествие во времени и изменить судьбу, которая заставила меня бросить медицинскую школу и выйти замуж, а потом отказаться от единственного ребенка, которого зачали мы с Джейми. Нет, как бы странно это ни прозвучало, оба момента, которые мне хотелось бы пережить заново, произошли 16 июня 1971 года, когда мне было десять лет.

Первый из них случился утром на автобусной остановке. Я бы опустилась на колени и попросила прощения у Дел. Я бы пообещала сделать все, что она скажет, все, чего она захочет. Я бы захотела узнать, кто поставил ей ужасный синяк под глазом, чтобы обрушить возмездие на этих людей, на любого, кто посмел ее тронуть.

Во-вторых, мне хотелось бы отменить то, что случилось позже в тот же день. Даже сейчас я в глубине души убеждена в том, что это было моим худшим поступком. Да, я бросила свою мать; да, я избавилась от ребенка, которого на самом деле хотела иметь; да, я тысячу раз была жестоким и злобным человеком. Но этот случай вновь и вновь напоминает о себе в моих бесконечных дурных снах и лишает меня покоя; я снова и снова проигрываю сцену в своем воображении и представляю, что все закончилось по-другому, но понимаю, что уже слишком поздно.

Я до сих пор помню последний образ Дел, в страхе убегающей от меня. Долгие годы он преследует меня, как призрак. Мне следовало бы понимать, что она этого так не оставит.

Глава 10

15 ноября 2002 года

На следующее утро после того, как Ник вернул мою сбежавшую мать и ее мертвую кошку, телефоны неожиданно ожили. Я взяла список, составленный Рейвен, и договорилась о визитах в несколько домов для престарелых, а также позвонила Мэг Хаммерштейн – специалисту по проблемам памяти, – которая предложила встретиться во второй половине дня. Я позвонила в большой амбар, и Гэбриэл согласился посидеть с моей матерью, пока меня не будет дома. Как я ни опасалась определить мать в дом для престарелых, было приятно звонить людям и ставить галочки в составленном списке. Гэбриэл был очень рад, что я наконец-то взялась за дело.

Я записывала вопросы, которые собиралась задать Мэг, когда в дверь постучались полицейские, – те же самые, которые пришли ко мне с расспросами после убийства Тори, а потом вернулись и стали задавать вопросы о Дел. Они были одеты в штатское, в их карманах лежали фирменные значки, а оружие лежало в заплочных кобурах. Они снова представились: детективы Стоун и Вейнгартен. Чтобы поговорить с ними, я вышла на крыльцо, оставив мать дома, за кухонным столом перед тарелкой овсянки.

– Насколько нам известно, вы гуляли в лесу, – начал Стоун. Он всегда вел беседу, а другой делал пометки.

– Да. А что?

– Вы ходили в лес в тот вечер, когда была убита Тори Миллер?

– Нет, я уже говорила. Я весь вечер была дома со своей матерью.

Он кивнул и слегка приподнял брови.

– У вашей матери сомнительная память.

– У нее болезнь Альцгеймера. – Мой голос немного дрожал, но я старалась держаться.

– Расскажите о кошке вашей матери.

– О Мэгпай? – Неуместный вопрос выбил меня из колеи.

– Та молодая женщина... Рейвен, она показала нам кошку. Она сказала, что вы были в лесу за несколько часов до того, как обнаружили труп кошки.

Вот тогда я вышла из себя.

– Тогда давайте начистоту: Рейвен думает, будто я убила Мэгпай. Очень хорошо. А она говорила о *мотиве*? Я что, зарезала Мэгпай из-за

завещания?

Оба детектива безучастно смотрели на меня.

– Послушайте, я любила эту кошку, – неуклюже закончила я.

– Нам сообщили, что позавчера вечером ваша мать звонила в службу 911 и сообщила, что вы хотите причинить вред ее кошке. Она также заявила, что вы знали убитую девочку. Вы знали Тори Миллер?

– Нет! Я впервые услышала о ней несколько дней назад. Сколько раз я должна это повторять? Господи, вы же встречались с моей матерью! Разве вам не ясно, что она страдает слабоумием? Она имела в виду Дел Гризуолд. Речь шла о девочке, которую я знала тридцать лет назад.

– Будьте добры, еще раз напомните о ваших отношениях с Дел Гризуолд.

Ну вот, приехали. Все снова и снова возвращалось к Дел.

Я глубоко вдохнула и собралась с силами.

– Здесь нечего рассказывать. Она жила у подножия холма. Мы вместе ездили на автобусе в школу, вот и все.

– Еще одно, мисс Сайфер, – сказал Стоун. – У вас есть швейцарский армейский нож?

Я подумала, что могла бы солгать, но это было бы глупо.

– Да, есть. Он хранится в моей сумочке.

– Можно принести его? – поинтересовался полицейский.

– Разумеется.

Моя сумочка лежала на столе у двери; я открыла ее и стала шарить внутри. Пудреница. Ключи от арендованной машины. Кольцо с ключами от дома. Мобильный телефон, совершенно бесполезный в холмах Вермонта. Упаковка мятной жвачки. Россыпь ручек.

– Уверена, он где-то здесь, – пробормотала я. – Похоже, здесь есть все, кроме кухонной раковины.

Реакции не последовало. Так или иначе, это была паршивая шутка.

Я расстегнула молнию на боковом кармашке и нащупала внутри что-то твердое. Должно быть, это нож. Но то, что я увидела, едва не заставило меня вскрикнуть.

– Нашли, мисс Сайфер? – спросил Стоун.

– Нет. Кажется, его здесь нет.

Мои руки слегка дрожали. Правая рука, засунутая в кармашек, прикасалась к остроугольному предмету, и я молилась о том, чтобы полицейские не успели увидеть его. В противном случае это означало, что я отправлюсь за решетку.

Глубоко в кармане моей кожаной сумочки лежала старая шерифская

звезда Дел из серебристого металла.

Я шериф этого вонючего городка.

Мой лоб и верхняя губа стали влажными от пота.

«Дыши глубже, – внушала я себе. – Веди себя естественно».

– Может быть, это ваш нож? – спросил Вейнгартен и протянул маленький пластиковый пакет с красным ножом внутри.

Я прищурилась.

– Не знаю. Похож... может быть. Но я всегда храню нож в своей сумочке.

А теперь он пропал, и на его месте оказалась звезда Дел. Значит ли это, что тот, кто забрал нож, подсунил мне звезду? Кто-то устроил мне ловушку и решил подставить меня? И как давно исчез мой нож? Как долго я носила в сумке эту звезду?

Дыши. Только не паникуй.

– Нам нужно провести кое-какие анализы с этим ножом.

– Анализы?

– Анализы крови. Нужно убедиться, что на нем только кошачья кровь.

Мисс Сайфер, вы согласны дать отпечатки пальцев?

– Что? Нет! То есть это пустая трата времени. Абсурд какой-то. Я не убивала кошку, даже если выяснится, что кто-то пользовался моим ножом.

Но прямо сейчас я прикасаюсь к старой шерифской звезде Дел.

– Если мы установим связь между этим оружием и убийством Тори Миллер, боюсь, нам придется привезти вас в участок и снять отпечатки, – сказал Стоун.

Я медленно вынула руку из сумочки, убедившись в том, что звезда находится в самом дальнем и темном уголке, и плотно застегнула молнию.

Выходит, меня подставили? Если да, то как далеко зашел убийца? Неужели он срезал моим модным ножиком, который я использовала для открывания вина и нарезки сыра, кусочек кожи с груди Тори Миллер?

Я невольно поежилась.

– Это все, джентльмены? Мне нужно вернуться к матери.

– Мы будем на связи, – пообещал Стоун.

Я приехала в колледж для встречи с Мэг Хаммерштейн и теперь находилась в низком, увитом плющом кирпичном здании, где находились кабинеты преподавателей и старших специалистов. Все это время я старалась не думать о пропавшем ноже или о звезде давно умершей девочки в моей сумочке, а потом увидела надпись на одной из дверей: Захария Месье.

Найди Зака, заместитель шерифа.

Вот и Зак, но было больше похоже на то, что он сам нашел меня.

Дверь была немного приоткрыта, и когда я заглянула внутрь, то увидела мужчину с редеющими волосами и эспаньолкой, сидевшего за письменным столом. Его волосы, некогда буйного каштаново-рыжего оттенка, теперь потускнели и стали седыми, но по-прежнему были длинными – он носил «конский хвост». С годами он располнел и неплохо смотрелся в роли профессора колледжа: белая рубашка, однотонный оливковый галстук, рубчатый вельветовый пиджак светло-коричневого цвета с заплатками на локтях. Единственным предметом, не характерным для профессорского облика, была большая и круглая серебряная подвеска на кожаном шнурке, висевшая у него на шее.

– Зак? – окликнула я его, остановившись у двери.

– Привет! – откликнулся он, с улыбкой изучая мое лицо и явно вспоминая мое имя. Он прищурился над маленькими прямоугольными очками, примостившимися на кончике его носа.

– Я Кейт, дочь Джин Сайфер.

– О боже, ну конечно! Само собой, Рейвен говорила, что ты вернулась в город. Заходи, пожалуйста. – Он одарил меня теплой улыбкой и жестом пригласил внутрь.

Я вошла в маленький кабинет. Задняя стена была закрыта полками, ломившимися от книг. Те, что не поместились на полках, стопками лежали на полу и на столе; многие из них вроде бы имели отношение к Войне за независимость США. На стене висели два диплома и фотография группы людей на фоне парусной яхты. По-видимому, он прошел долгий путь после того, как жил в Нью-Хоупе. Потом я заметила сложное изображение мандалы и гитару, стоявшую в углу за столом. Возможно, никто из нас на самом деле не меняется, несмотря на дипломы, редеющие волосы и элегантные наряды.

Он встал, и громоздкая серебряная подвеска закачалась, когда он потянулся через стол и плотно сжал мою руку обеими ладонями.

– Очень рад видеть тебя, Кейт. – Его рукопожатие было таким же теплым, как и его улыбка.

– Я только на минутку. Вообще-то, я пришла поговорить с Мэг Хаммерштейн. – Я замерла, неловко ожидая, когда он отпустит мою руку. Он наконец сделал это и указал на свободный стул, стоявший у стола напротив него.

– Как поживает твоя матушка, Кейт? – спросил он, когда я села. Я заглянула под стол и с облечением увидела на его ногах обувь. Легкие

черные туфли, начищенные до блеска.

– Э-э-э, не очень хорошо. Я надеялась получить кое-какие советы от этой женщины, Мэг. Рейвен рекомендовала ее.

– Мэг просто великолепна. Она очень начитанная. – Он со вздохом наклонился, приложил одну руку к сердцу. А другую протянул мне. Его взгляд задержался на моем лице; голубые глаза увлажнились, но взгляд их был искренним. Я заметила, что белки глаз были пронизаны красными прожилками.

– Мне так жаль Джин. Время от времени я приезжаю туда, но в последние несколько недель работа совсем одолела, и у меня просто не было ни минуты.

Я понимающе кивнула.

На его столе стоял пластиковый пакет с печеньем. Он увидел, что я рассматриваю печенье, и предложил мне одно. Когда я отказалась, он сунул его в рот.

– Ты уверена? – осведомился он. – Овсяное печенье с ванилью. Я к ним пристрастился.

Я покачала головой.

– Я даже не знала, что ты в городе. Последний раз, когда я слышала о тебе, ты был в Канаде.

– Точно. Когда я уехал из Вермонта, то некоторое время плыл по течению и в конце концов оказался в Галифаксе, где нанялся подмастерьем на лодочную верфь. Через несколько лет я решил, что пора вернуться к учебе, и осел в Торонто. После того как получил ученую степень, нашел там работу преподавателя. Но два года назад я листал журнал и увидел рекламное объявление о вакансии в Новом Ханаане. Казалось, словно работа сама нашла меня и подсказала, что пора вернуться домой.

– Должно быть, Новый Ханаан кажется скучным и серым после Торонто, – сказала я.

– Наоборот, это лучший ход, который я только мог сделать. Я жалею лишь о том, что ждал слишком долго.

Я кивнула и снова посмотрела на фотографию с парусной яхтой.

– Это моя мать рядом с тобой на яхте?

Он с улыбкой снял со стены фотографию в серебряной рамке и протянул ее мне. На палубе стояли Зак, Рейвен, Опал и моя мать, – все загорелые, с растрепанными от ветра волосами.

– Ее сделали в прошлом году. Боже, Джин любила открытую воду. Она была в восторге от яхты и оказалась чертовски хорошим моряком. Тебе стоило бы посмотреть на нее.

– Это твоя яхта?

Он гордо улыбнулся.

– Она стоит на якоре на озере Шамплейн. Знаешь, как я ее назвал? «Плавучая надежда», в честь Нью-Хоупа^[19]. Гэбриэл был очень рад, но мне так и не удалось уговорить его выйти под парусом. Полагаю, он посчитал это слишком буржуазным для себя.

Моя мать никогда не упоминала при мне о прогулках под парусом. Я даже не знала, что Зак в городе, уже не говоря о том, что он брал мою мать на озеро Шамплейн покататься на своей яхте. Сколько еще мелких подробностей о ее жизни, о которых я никогда не узнаю, теперь ушли навсегда?

– Значит, вы с Рейвен оставались на связи?

– Рейвен замечательная. Наверное, ты знаешь, что она хочет получить ученую степень по психологии. Она уже посещает мои занятия. Кстати, это она испекла печенье. Уверена, что не хочешь попробовать?

Я снова покачала головой. Зак взял себе второе печенье.

– А Опал – потрясающая девочка, – продолжал он. – Я так беспокоился за нее после того, как убили ее подругу. Как у нее дела?

– Не сказала бы, что хорошо. Рейвен договорилась о консультации с психиатром.

– Боже, какой ужас ей пришлось вынести. Надо было мне приехать и посмотреть, можно ли что-то сделать для нее. – Он стряхнул с себя крошки.

Я посмотрела на его подвеску, похожую на маленькие часы или карманный хронометр. Она была достаточно толстой, чтобы иметь внутри крошечный заводной механизм, и выглядела так, словно наверху крепилась откидная крышечка.

Он заметил мой взгляд и протянул мне подвеску, чтобы я рассмотрела ее повнимательнее.

– Красиво, правда? Она символизирует Колесо Жизни. Это тибетская вещица.

На передней части были выгравированы три концентрических круга, разделенных на сегменты. Во внешнем кольце насчитывалось двенадцать сегментов, в среднем шесть сегментов, а в последнем – два сегмента. В центре изображены змея, свинья и петух. Внутри каждого сегмента – свой гравированный рисунок: горшечник, обезьяна, срывающая плоды, рожаящая женщина, а также разные люди и божества, которые занимались на первый взгляд непонятными делами.

– Внешнее кольцо символизирует двенадцать звеньев причинности, – пояснил Зак.

Я кивнула, хотя не имела ни малейшего понятия, о чем он говорит.

– А в этом кольце – шесть царств бытия: боги, титаны, люди, животные, голодные призраки и преисподняя.

Мой взгляд был прикован к голодным духам: трем сбившимся в кучку неуклюжим существам с тонкими шеями и жутковатыми глазами.

– Голодные духи? – спросила я.

– После смерти они так сильно связаны своими желаниями с материальным миром, что остаются призраками, жаждущими еды и питья, но не способными удовлетворить свой голод.

– Круто, – заметила я.

Он усмехнулся.

Потом я увидела над колесом чудовищное лицо с ощеренными клыками и злобным взглядом.

– А это что за тип? – Я указала на лицо.

– Бог Смерти. Он вращает колесо.

– Значит, Смерть вращает Колесо Жизни? В этом есть жестокая ирония, не так ли?

– На самом деле это не так мрачно, как кажется, – сказал он.

Вы можете повязать хиппи шелковый галстук, надеть его ученой степенью и членством в местном яхт-клубе, но глубоко внутри он останется все таким же хиппи. Я невольно улыбнулась.

– Зак, могу я задать вопрос, который покажется тебе немного странным?

– Разумеется. Хотя мне ничто не покажется странным, ведь я жил в Нью-Хоупе. – Он подмигнул мне и откинулся на спинку кресла. Неужели тот самый нервный подросток, которого я помнила с детства, теперь стал таким обаятельным и непринужденным?

– Я вот все думала, сможешь ли ты рассказать мне кое-что о Нике Гризуолде. Он сделал очень странную вещь: оставил мне сообщение, что я должна найти тебя. Как ты думаешь, почему он это сделал?

Зак слегка стиснул зубы и набрал в грудь воздуха. Я задела его за живое. Он встал, обошел меня и закрыл дверь. Я чувствовала себя как нашкодивший ребенок в кабинете директора.

– Что было сказано в той записке? – Он наклонил голову набок и приподнял брови.

– «Найди Зака». Это все.

Зак помедлил, собираясь с мыслями перед тем, как продолжить. Казалось, он изучает книги на полках, как будто там могли находиться необходимые ответы.

– Бедный Ник, – наконец сказал он и снова положил одну руку на грудь, а другую на пресс-папье. – Это правда, мое сердце открыто для него... просто я больше не могу участвовать в этом. Прошлое кануло в небытие, и ему нужно не цепляться за старое, а идти своим путем. Ник иногда заходит и предлагает где-нибудь выпить. Я несколько раз ходил с ним по старой памяти, понимаешь? Вероятно, не стоило так поступать, но теперь ничего не поделаешь. Но я мог дать ему неверный сигнал.

– Сигнал?

– Понимаешь... – Его уши вдруг покраснели; я хорошо помнила эту особенность. – Сигнал о том, что я, э-э-э... снова интересуюсь им. Никки – отличный парень, и он мне не безразличен, правда. И я не говорю, будто сожалею о том, что случилось тогда, но мы же были детьми, понимаешь?

Я старалась понять, к чему он клонит, не вполне готовая перейти к выводам, к которым он меня подталкивал.

– Выходит, ты пытаешься мне сказать, что у вас был роман?

Зак какое-то время смотрел на меня; теперь покраснели не только его уши, но и лицо. Потом он нервно рассмеялся и покачал головой:

– Упс. Я думал, ты знаешь. Не хотел тебя шокировать. Полагаю, ты могла бы представить себе, что это было частью периода свободной любви в моей жизни. – Он криво улыбнулся и быстро отвел взгляд, сосредоточившись на своей гитаре. Был ли это тот же самый инструмент? Та же гитара, на которой он исполнял серенады моей матери тогда, в нашем старом типе?

– Бог ты мой, Кейт. Я был уверен, что он рассказал тебе. Вы с ним какое-то время были близки друг к другу. Я не сомневался, что ты знаешь.

– Не имела представления, – призналась я.

Он потербил свою остроконечную бородку.

– Мне было девятнадцать лет. Мне казалось, что бисексуальность – это еще один путь к освобождению разума. Отказ от предвзятых убеждений о природе личности и половой принадлежности. Равновесие между мужским и женским началом, между *инь* и *ян*. Господи, это было в 1971 году! Тогда на все смотрели сквозь пальцы.

Я сочувственно кивнула. На самом деле я не такой уж консервативный человек. Я не то чтобы считала постельные отношения Зака и Ника оскорбительными, но это стало для меня основательным сюрпризом. Решимость Ника хранить их связь в секрете была вполне понятной, но в то же время я чувствовала себя немного уязвленной.

– Дел знала? Я хочу сказать, ей было известно про вас? – Когда я задавала вопрос, то слышала в своей голове голос Дел, предупреждавшей

о нехороших секретах.

– Да, – ответил Зак. – Однажды она застала нас вдвоем, бедняжка. Думаю, сначала она перепугалась до чертиков. Потом, когда все улеглось, она повесила топор у него над головой. Она в буквальном смысле шантажировала его. Она знала его большой секрет и пользовалась этим, как только могла. Ей приходилось сражаться за свое место под солнцем, верно?

Я кивнула и покусала губу, гадая о том, как далеко мог пойти Ник, чтобы помешать Дел раскрыть его большой секрет. А потом я задумалась, знал ли он ее собственный секрет?

– Ник когда-нибудь упоминал о татуировке? – спросила я, стараясь держаться как можно более непринужденно.

Зак вскинул брови.

– О какой татуировке? – спросил он. – У Ника нет татуировок.

– О татуировке Дел.

– У нее была татуировка? Нет, Никки не говорил ни о чем подобном. И я уверен, он никогда этого не видел. Господи, сколько ей было, четырнадцать лет?

– Двенадцать. Дел было двенадцать лет, когда она умерла.

– Татуировка? У двенадцатилетней девочки в 1971 году? Что за таинственный ребенок! Вот уж и впрямь, кладезь сюрпризов. – Он недоверчиво хмыкнул.

Я почувствовала, что краснею, в основном из-за стыда от того, что в конце концов раскрыла секрет Дел. Я не собиралась этого делать, но разговор с Заком был таким непринужденным, что я не удержалась. В тот момент мне казалось, что если я сделаю еще один шаг в нашем откровенном разговоре, это никому не повредит.

– Могу я спросить еще об одном? – Мой голос прозвучал тихо и робко, как у десятилетней девочки.

– Почему бы и нет? Мы уже вытащили из шкафа много скелетов... так сказать.

– Моя мать знала насчет тебя и Ника?

Он долгое время не отвечал, задумчиво глядя на меня. Я понимала, в чем дело. Так или иначе, речь шла о моей матери. Насколько глубоко вам захочется копать, когда дело касается интимных секретов вашей собственной матери?

Но по какой-то причине он решил быть откровенным до конца.

– Конечно, она знала. Думаю, она считала это сексуальным. Она сказала, что не возражает, если я буду спать с парнем, но если я начну спать

с другой женщиной, все будет кончено. Она не хотела повторения сцены с Ленивым Лосем. – Его рука снова потянулась к моей через стол. – Кейт, твоя мама была изумительной женщиной. Тогда я был без ума от нее. Знаю, тебя это совсем не радовало, и мне жаль. Я никого не хотел обидеть, понимаешь? Просто следовал велению своего сердца. – Он снова ухватился за подвеску с Колесом Жизни.

Хотя я не думала, что сердце было единственным органом, за которым Зак следовал в то время, но приняла его извинения. Все-таки он был неплохим парнем. На мой взгляд, слишком чувствительным, но я чувствовала, что он был откровенен со мной, и это меня подкупило.

Я взглянула на часы и увидела, что на десять минут опаздываю на встречу с Мэг.

– Мне пора идти, – сказала я и поднялась со стула. – Наверное, Мэг уже заждалась меня.

– Приятно было повидаться, Кейт. Передай маме, что я люблю ее. Скоро я приеду и встречу с ней, обещаю. – Он вышел из-за стола, чтобы обнять меня; от него слабо пахло сандаловым деревом. Это было одно из слишком долгих и тесных объятий, которые так любят сентиментальные мужчины. Я невольно заерзала, желая поскорее освободиться.

Моя встреча с Мэг прошла не лучшим образом. Уверена, ей показалось, что это у меня проблемы с памятью. Я с трудом могла сосредоточиться во время нашей беседы. Все время, пока я сидела в ее кабинете, я думала о том, кто мог положить звезду Дел в мою сумочку, и еще о подростковом романе между Заком и Ником. Я начала составлять мысленный список всех людей, имевших доступ к моей сумочке: мать, Рейвен, Гэбриэл, Опал, Ник. Кто-то мог пошарить в ней, когда я делала покупки в «Хаскис». Но кто? И почему у меня?

Мэг что-то говорила о «специализированном учреждении», – очевидно, о доме престарелых с сестринским уходом, – но я вспоминала тот день, когда встретила Зака, выходящего из охотничьей хижины, тот день, когда Ник поцеловал меня. Возможно, он развлекался с Заком всего лишь за несколько минут до этого. А Зак тем временем вернулся в наше типи, в постель моей матери. От этого у меня голова шла кругом. И я продолжала возвращаться к первоначальному вопросу: почему Ник захотел, чтобы я узнала все это? Что им двигало? Чувство вины? Потребность раскрыть старый секрет в попытке заручиться моим доверием? И существовали ли другие, еще более темные секреты, ожидавшие нужного момента, чтобы поднять свои безобразные головы?

Я думала о Боге Смерти с его клыками и злобным взглядом, вращавшем всех нас, словно колесо огромной рулетки: богов, полубогов, смертных и голодных духов. Зака и Ника, меня, мою мать, Опал и Рейвен.

По кругу, по кругу, по кругу вращает,
Когда остановится, никто не знает...

Когда Мэг осторожно предложила встретиться за ланчем на следующей неделе, я с облегчением согласилась. Я понимала, что мать находится в тяжелом положении, но сейчас просто не могла полностью сосредоточиться на этом. Я поблагодарила ее и отправилась домой.

Гэбриэл вместе с моей матерью готовили лазанью, я обнаружила их на кухне. Мать сидела за столом и взбивала яйца, чтобы смешать их с сыром, который натирал Гэбриэл. Она работала медленно, изучая яйца, как некую сложную субстанцию. Возможно, она размышляла над старинным вопросом, что появилось раньше, курица или яйцо. А может быть, она вспоминала наши прогулки вниз по склону холма, чтобы купить яйца под покосившимся навесом Гризуолда.

Ленивому Лосю они не нравятся, потому что иногда в них попадается кровь, но это только потому, что они оплодотворенные.

Гэбриэл был одет в тренировочные штаны с подтяжками, выцветшую фланелевую рубашку и бесформенную шляпу из зеленого фетра.

– Давай-ка посмотрим, Джин. Что мы будем делать дальше? – спросил он, вручив ей бразды правления, или, по крайней мере, имитируя свою беспомощность. Не дождавшись ответа, он поднял тарелку натертой моцареллы и изогнул бровь.

– Сыр, – сказала моя мать.

– Ты по-прежнему лучший повар на этом холме, – заверил он и наклонился, чтобы поцеловать ее в землистую щеку.

– Ты никогда не догадаешься, кого я встретила в колледже, – сказала я.

– Возможно, печально известного Захарию Месье? – предположил Гэбриэл.

– На свете есть что-нибудь, чего ты не знаешь? – спросила я у старика.

– Многое, моя дорогая. Очень многое. Как поживает наш профессор?

– Замечательно. Я была рада встретиться с ним.

– А я был рад, когда он вернулся в город. Благодаря ему Рейвен вернулась к учебе. Ей нужно было получить дополнительный толчок, и он

помог в этом. Кроме того, он хорошо влияет на Опал.

– Зак, – с мечтательной улыбкой произнесла моя мать. – Зак был со мной, когда убили ту девочку Гризуолдов. Бедная малышка.

«Тебе повезло», – подумала я, вспоминая грязные босые ноги молодого Зака и размышляя, пахло ли тогда от него сандаловым деревом. Я пришла к выводу, что хотя тогда я могла предубежденно относиться к нему, меня по-прежнему не устраивал образ Зака в материнской постели.

– Знаешь, это забавно, – сказала я. – Сегодняшний разговор с Заком оставил у меня странное впечатление... как будто я никогда по-настоящему не знала его.

Моя мать громко рассмеялась и кивнула мне.

– Кейт, когда ты в последний раз видела его, тебе было десять или одиннадцать лет, – объяснил Гэбриэл. – Ты была догадливым ребенком, но многое от тебя ускользнуло. Даже теперь есть много чего еще, о чем мы все даже не догадываемся. Мы думаем, будто знаем какого-то человека, а потом узнаем о нем что-то такое, отчего все летит к чертям. Что-то такое, отчего жизнь снова становится интересной и непредсказуемой, – правда, Кузнечик? – спросил он, прищурившись и глядя на меня. Это был подозрительный взгляд, и я подумала, не считает ли он, что это я убила кошку. Я была уверена, что Рейвен поделилась с ним своими тревогами; оставалось лишь предполагать, не заподозрил ли он меня в убийстве Мэгпай. Черт побери, они оба могли думать, что я заодно прикончила и Тори Миллер.

Если бы они только знали, что лежит у меня в сумочке...

Я должна каким-то образом избавиться от шерифской звезды. Чем раньше, тем лучше. «Сегодня, – подумала я. – Сегодня ночью я позабочусь об этом».

– Полагаю, что да, – сказала я. – А сейчас я хочу переодеться, а потом присоединюсь к вам.

– Эй, посмотри на картину твоей матери. Она проработала над холстом большую часть дня. В конце концов мне пришлось прервать ее и дать ей дополнительную порцию лекарств, – верно, Джин? Думаю, ты слишком упорно работала и совсем утомилась. Но сейчас ты чувствуешь себя лучше, да?

Ну да, разумеется. Она была настолько одурманена, что едва не роняла слюну на пол.

Я вошла в студию и сразу же выронила сумочку. Теперь никакой ошибки быть не могло, даже в тусклом вечернем свете. Картина стала более сочной; на холсте появились розовые, багряные и синие мазки,

которых не было раньше. А в верхнем левом углу были нарисованы ясно различимые глаза. Серо-голубые глаза. Они смотрели вперед, но как будто следили за вами, куда бы вы ни направлялись. Глаза, как у Иисуса, на жутковатых темных полотнах с изображением сцены Тайной вечери. Всевидящие глаза. За ними не было лица; просто глаза, глядевшие из языков пламени.

– Ма! – крикнула я. – Мама, ты не подойдешь на секундочку?

Вскоре мать в сопровождении Гэбриэла появилась в дверях.

– Мама, кто это?

Она лишь улыбнулась, глядя на картину.

– Кто там, на картине?

Ее улыбка стала шире, а потом она захихикала. Это не было смехом семидесятидвухлетней женщины. Она подняла руки и прикрыла рот, словно пытаясь подавить смех. Но звук, выходящий наружу, был высоким, почти истеричным хихиканьем маленькой девочки. Начав смеяться, она как будто не могла остановиться. Слезы потекли у нее из глаз, и она продолжала хихикать до тех пор, пока не выбилась из сил. Тогда Гэбриэл увел ее на кухню, бросив на меня раздраженный взгляд, и дал ей еще одну щедрую дозу транквилизаторов.

Глава 11

16 июня 1971 года – осень 1973 года

Тело двенадцатилетней Делорес Энн Гризуолд было обнаружено ее братом Николасом примерно в 19.00. Это событие попало в одиннадцатичасовой выпуск вечерних новостей из Барлингтона. В типичной у нас не было телевизора, но он стоял в большом амбаре, и все обитатели Нью-Хоупа собрались вокруг него. К тому времени полицейские уже совершили первую из многочисленных поездок в Нью-Хоуп: они хотели знать, кто видел Дел в течение дня и где каждый из нас находился все это время. Я сказала, что видела Дел только в школе. Я не стала говорить о том, что на самом деле там произошло. Они знали, что ученики поглумились над Дел, но не имели понятия, до какой степени. Они не знали, что я гналась за ней до самого города и привела прямо в руки убийцы. Полицейские не сказали нам, что случилось, но когда мы спустились к дороге и увидели ряд автомобилей полиции штата с включенными мигалками, выстроившихся перед фермой Гризуолдов, то поняли, что случилось что-то очень плохое.

Когда мы смотрели новости и увидели школьную фотографию Дел, показанную во весь экран, мать положила руку мне на плечо.

– Вы были подругами, Кузнечик? – спросила она.

– Да нет. – Я покачала головой, механически отрекаясь от нее после смерти, как делала и при ее жизни. – Мы просто вместе ждали автобус.

Я подошла как можно ближе к телевизору и опустилась на колени, хотя мать всегда запрещала мне здесь сидеть, предупреждая, что так я испорчу себе зрение. На этот раз она не стала пугать меня. На Дел была свободная белая блузка с мешковатыми рукавами и бантом, кое-как повязанным на воротнике. Это явно была взрослая блузка, что-то из старого гардероба ее матери или даже бабушки. С близкого расстояния я видела, что фотография Дел состоит из сотен крошечных точек, черных и белых пикселей, переданных по воздуху прямо в наш телеприемник. И я испытывала странное ощущение, как будто тоже распадаюсь на части, разделяюсь на миллион частиц, которые больше никто не может собрать таким способом, чтобы картинка напоминала десятилетнюю девочку.

Репортер сказал, что мистер Ральф Гризуолд послал Ника поискать Дел после того, как она не пришла к ужину. В школе, куда позвонили раньше, им сообщили, что Дел прогуляла занятия и не получила аттестат о

среднем образовании.

Журналисты сообщили мало подробностей о ее смерти, если не считать того, что это определенно было убийством. Позднее появилось сообщение, что ее нашли обнаженной. По городу немедленно поползли слухи, которые распространялись десятилетиями. Некоторые говорили, что Дел была обезглавлена, а ее тело порубили на мелкие кусочки. Ее нашли подвешенной вверх ногами с перерезанным, как у оленя, горлом. Убийца вскрыл ей живот и положил внутрь сырую картофелину. Это сделал ее брат. Нет, ее отец. Должно быть, какой-то урод из Нью-Хоупа.

Правда заключалась в том, что независимо от слухов текущей недели общее настроение в городе оставалось неизменным. Какой еще судьбы можно было ожидать от Дел – грязной, сквернословящей, постоянно бегущей без присмотра, возможно, даже слабоумной?

Полиция почти сразу же определила нескольких подозреваемых. Первым был отец Дел, так как все знали, что он бил своих детей (он признался, что выпорол дочь в день перед убийством), и полицейские нашли его окровавленный рабочий комбинезон в корзине для стирки. Следователи отпустили его, когда лабораторные тесты показали, что там была только свиная кровь. Потом они взяли Ника, поскольку он оказался ближайшим родственником Дел. Его арестовали за хранение марихуаны, обнаруженной в его комнате, и отправили в центр для содержания несовершеннолетних правонарушителей после нападения на одного из патрульных, которые задержали его. Они привлекли Майка Шейна за пачку писем с признаниями в любви, но вскоре отпустили и его. Они взяли Зака, но он вышел на свободу, когда моя мать подтвердила, что он весь вечер находился в типе. Зак объявил, что один из патрульных подмигнул ему после того, как его алиби было доказано. Потом они арестовали мужчину, называвшего себя Ленивым Лосем, после того как выяснилось, что ожерелье из ящика Дел оказалось его собственным изделием. В конце концов, этого оказалось недостаточно, чтобы держать его под арестом: когда убили Дел, он находился в пути на ярмарку в Миддлбери, и женщина, работавшая на бензоколонке, опознала его по фотографии и подтвердила его алиби. Так что им пришлось отпустить Марка Любовски. Должно быть, решили они, Дел украла ожерелье. Она была именно таким ребенком.

Вскоре после этого Ленивый Лось уехал из города (жители Нового Ханаана, в отличие от полицейских, так и не избавили его от вечных подозрений), и больше о нем никто ничего не слышал. Перед отъездом он позвонил моей матери и еще раз извинился, сказал, что любил ее, и попросил уехать из города вместе с ним. Она повесила трубку, посчитав,

что он заслуживает именно такого ответа. Спустя годы, когда Рейвен подросла, она попыталась разыскать Ленивого Лося и даже наняла частного сыщика. Но от Ленивого Лося, как и от Марка Любовски, не осталось и следа. Моя собственная мелкая кража превратилась в нечто гораздо большее. Я украла не просто ожерелье; я украла у Рейвен ее отца, отправив его в безвестность, где никто не слышал о Нью-Хоупе, Ленивом Лосе или Картофельной Девочке.

Через два года, после возвращения из центра для содержания несовершеннолетних правонарушителей в Братлборо, Ник наконец рассказал мне, что он видел на чердаке в тот вечер, когда нашел Дел. Мы с ним случайно встретились в городе осенним вечером и сидели на ступенях универмага, потягивая имбирное пиво. Нику тогда было шестнадцать лет. Он выглядел высоким и неуклюжим. Возможно, немного пристыженным. Больше всего мне запомнилось, что он не смотрел мне в глаза.

Мы с Ником встречались время от времени, но это был наш последний разговор перед моим отъездом.

– Она просто лежала там, раскинувшись на старом матрасе. Совсем голая. Только этот кожаный шнурок на шее. Ее лицо было лиловым, язык немного вывалился в сторону. Но там были порезы.

– Порезы? – спросила я.

– Да. Этот больной ублюдок срезал кусочек кожи прямо с ее груди. Как будто пытался пробить дверь к ее сердцу, или что-то в этом роде. Он забрал кожу с собой, словно гребаный трофей.

Тогда я поняла, что Ник не знал о татуировке. Кажется, никто не знал о ней, кроме меня, Дел и ее убийцы. После того как полицейские допросили всех пятиклассников, они поинтересовались тем, что я рассказала Элли и Саманте о татуировке. Напуганная, я ответила, что все выдумала и лгала другим девочкам обо всем, что якобы знала. На самом деле, говорила я, мы с Дел были едва знакомы. Мне просто хотелось произвести впечатление на Элли и Саманту. Я никогда не видела татуировку или даже ее краешек. Дел однажды упоминала об этом, но нет, я ничего не видела. И Дел все равно постоянно лгала, так что не знаешь, чему и верить. Если у нее и была татуировка, я не знала, что там такое. В то же время я полагала, что они видели татуировку, когда нашли ее. Зачем тогда я им понадобилась?

Когда Никки рассказал мне о срезанном с груди Дел кусочке кожи, я уже было решила обратиться в полицию. Я думала об этом, но мой двенадцатилетний разум внушил мне, что уже нарушила достаточно обещаний, данных Дел Гризуолд. Ее тайна останется со мной. Я рассудила,

что это самое меньшее, чем я обязана ей.

Но много лет по ночам, когда я закрывала глаза перед тем как уснуть, то снова оказывалась в овощном погребе, где Дел раздевалась передо мной. *Ты хочешь посмотреть, или как?* – спрашивала она. А когда я отрывала взгляд от грязного пола, то видела букву «М».

Это хорошая боль.

Глава 12

15–16 ноября 2002 года

Все дети сказали полицейским, что видели звезду, приколотую к груди Дел в последний день, когда она была в школе, но среди одежды девочки, сложенной в аккуратную кучку возле ее тела, звезды не оказалось. И, разумеется, звезды не было в ее комнате, рядом с ее припрятанными сокровищами: мертвой горлицей, записками от немого Майка, карточкой с образцами красок и странным ожерельем, изготовленным из дерева, алюминиевых пивных крышечек и стреляных гильз. Было твердо установлено, что в тот день Дел так и не добралась до дома.

Теоретически предполагалось, что убийца столкнулся с Дел вскоре после ее ухода из школы. Возможно, они договорились встретиться в охотничьей хижине. Возможно, он даже увидел, как она идет домой, и предложил подвезти ее. Но, что бы ни произошло, серебряная звезда исчезла, и полицейские подозревали, что убийца взял ее вместе с квадратным кусочком кожи, аккуратно срезанным с ее тела старым ножом с костяной ручкой. Полицейские полагали, что это трофеи. Памятные вещи для маньяка.

Но теперь, спустя столько лет, звезда оказалась у *меня*, не так ли? Для того чтобы я могла носить эту важную пропавшую улику в своей сумочке, прикасаться к ее острым концам и проводить пальцами по выгравированному слову «ШЕРИФ».

Но я вовсе не собиралась долго хранить ее. Эта вещь была губительной для меня. Я уже солгала полицейским и сказала им, что практически не знала Дел. Мой швейцарский армейский нож забрали, подозревая, что именно им была убита кошка; хуже того, им могли воспользоваться для убийства Тори Миллер. Как я буду выглядеть, если полицейские узнают, что шерифская звезда все это время находилась у меня?

Я решила закопать ее.

Для этого я выбрала место, где Дел поделилась со мной своим секретом: старый овощной погреб. Я отправилась туда ближе к полуночи, спустя довольно долгое время после того, как мы доели лазанью, Гэбриэл вернулся в большой амбар и я заперла мать на ночь в ее комнате. Я взяла с собой карманный фонарик и лопатку и осторожно спустилась по тропинке через лес, потом прошла по старому полю и пастбищу к тяжелой двери,

вделанной в склон холма за фермерским домом. Немного поколебавшись, я взялась за поношенную металлическую ручку и потянула на себя. Дверь медленно распахнулась на скрипучих петлях, словно я открывала вход в древнюю гробницу из кинофильма.

Холодная влажная земля. Просевшие полки. Гниющие корзины, некогда полные корнеплодов, которые давно обратились в пыль. Забытые консервы в стеклянных банках: помидоры, плавающие как куски соединительной ткани, груши, похожие на крошечные зародыши. Немного поодаль в треснувшей банке из-под джема стоял огарок свечи, который Дел зажгла и поднесла к своей груди, чтобы показать мне свой секрет.

Воздух был затхлым, полным запаха гнили и сырой земли. Это был запах Дел. Я задержала дыхание, торопливо спустилась по деревянной лестнице, наугад выбрала место на земляном полу и начала копать, испытывая ужасное ощущение, что Дел все время находится рядом со мной. Можно сказать, что я видела ее краешком глаза.

Если я покажу тебе свой секрет, обещаю, что никому не скажешь.

Руки мои дрожали, но я постаралась как можно глубже закопать звезду, потом приотпала землю и воспользовалась висевшей на стене старой метлой, чтобы замести все свои следы перед уходом.

Потом я побежала к Нью-Хоупу, спотыкаясь о древесные корни и камни. Мое сердце стучало в ушах, словно звук шагов другого человека.

Догони меня, если сможешь.

Когда я миновала поворот к охотничьей хижине, то увидела свет, плясавший на тропинке передо мной. Я застыла как вкопанная и около минуты наблюдала за светом, качавшимся взад-вперед и приближающимся ко мне. Я с трудом успокоила хриплое дыхание, вырывавшееся из груди.

Дел?

Нет, не может быть. Дел давно мертва. А я не верила в призраков.

Я включила свой фонарик и направила луч прямо вперед, в сторону загадочного света.

К своему облегчению, я не увидела ни призраков, ни голодных духов. Это оказался человек из плоти и крови с собственным фонариком, одетый в джинсы и спортивную фуфайку с темным капюшоном. Как только мой свет упал на ночного путешественника, он (или она) обернулся посмотреть на меня и бросился бежать вверх по склону по направлению к Нью-Хоупу.

– Проклятье, – пробормотала я и понеслась следом, светя фонариком в спину мужчины.

Само собой, погоня за незнакомцем в лесу, где несколько дней назад была убита Тори Миллер, была далеко не лучшей идеей, но хотелось мне

того или нет, я должна была собрать хотя бы отдельные фрагменты головоломки, если собиралась спасти собственную задницу. Кто-то подставил меня. Может быть, это убийца, а может, и нет. Одно я знала наверняка: нужно иметь чертовски вескую причину для того, чтобы выходить в этот лес посреди ночи. Садовая лопатка в моей левой руке напоминала о моей причине. Теперь я хотела узнать, что заставило незнакомца выйти на улицу в такой поздний час.

Кем бы он ни был, он находился в хорошей физической форме. Я совсем неплохо бегаю, но мне было трудно сократить расстояние, а тем более догнать его. Но потом убежавший споткнулся и упал на землю, что дало мне несколько драгоценных секунд. Я поравнялась с таинственным бегуном как раз в тот момент, когда он поднимался на ноги, и ухватила его за воротник фуфайки, с приглушенным стуком опрокинув беднягу на спину.

Я поймала убийцу? Или кого-то, кто притворялся призракoм?

Я замахнулась лопаткой, словно кинжалом, и направила луч фонарика на свою добычу.

Луч ударил в лицо Опал, и она вскрикнула.

– Опал? Господи! Что ты здесь делаешь? Ты напугала меня до смерти. – Я опустила лопатку.

Она заплакала. Я наклонилась, чтобы обнять ее, и она бросилась ко мне и прижалась изо всех сил.

«Она просто ребенок, – подумала я. – Не старше, чем Дел».

Пока Опал держалась за меня, я думала о чертах сходства между нею и Дел. Обе были худыми девочками с едва оформившейся грудью под мальчишеской одеждой. У их грязных волос был одинаковый светлый оттенок, выцветший почти до бесцветности. И было нечто еще, чего я пока не могла точно определить, – что-то вроде решительного, целенаправленного отчаяния, которое маскировалось под харизму.

Я обвила ее руками, отчаянно желая защитить девочку и вспоминая последний раз, когда так же обнимала ее два года назад перед большим амбаром, пока она прижимала руку к боку, словно птица со сломанным крылом.

Там кто-то есть.

Теперь Опал рыдала в моих объятиях.

– Я думала... Я думала, что ты – Картофельная Девочка, – прошептала она.

А я приняла за нее тебя.

– Тише, Опал. Это всего лишь я. Это Кейт, милая. Ты в безопасности. – Я стала баюкать ее, покачивая взад-вперед. – Что ты делала здесь в такой

час?

– Просто гуляла, – ответила она.

«Нет, – подумала я, вспоминая, как шарил по тропинке луч ее фонарика. – Ты что-то искала. Но что?»

– А что *ты* здесь делаешь? – спросила она и вдруг отодвинулась от меня, словно осознавая, что старая добрая тетушка Кэт может оказаться не той, кем ее считали. – И зачем тебе это? – Она указала на грязную садовую лопатку.

Меньше всего на свете я хотела, чтобы Опал меня боялась. Вместе с тем я не собиралась раскрывать ей причину моего ночного путешествия в овощной погреб. Девочка что-то скрывала, и если она не будет откровенна со мной, я уж точно не собиралась говорить ничего такого, что позволило бы изобличить меня.

– Ходила за грибами, – сказала я и осознала всю абсурдность своего заявления лишь после того, как произнесла слова. Я не любительница грибной охоты. Я не отличила бы лисичку от мухомора и надеялась, что Опал не устроит мне быстрый экзамен по видам грибов в Новой Англии.

Мы скептически разглядывали друг друга в свете моего фонарика, и каждая из нас хорошо понимала, что другая лжет ей.

– Что скажешь, если мы пойдем обратно? – предложила я, и она облегченно кивнула. Мы начали бок о бок подниматься по склону, освещая дорогу фонариками. Время от времени я поворачивалась и смотрела на нее, а потом напоминала себе, что рядом со мной идет не Дел, а Опал.

– Кейт?

– Да?

– Ты сердисься на меня? Я имею в виду, из-за часов.

– Нет, не сержусь, – сказала я. – Я просто удивилась.

– Я бы вернула их.

– Знаю. И я дала бы тебе поносить их, если бы ты попросила. Ты часто так поступаешь? Берешь у людей вещи?

Опал помолчала.

– Иногда, – наконец ответила она.

– Опал, ты брала у меня что-нибудь еще?

Например, красный армейский ножик с гербом Швейцарии.

– Нет. Только часы.

– Честное слово?

– Клянусь тебе, – ответила она.

Ее следующие слова заставили меня повернуться и направить свет фонарика прямо ей в лицо, словно на допросе из дешевой детективной

книжки. Тебя действительно зовут Опал? Или же ты на самом деле Делорес Энн Гризуолд, восставшая из мертвых?

– Чтоб мне сдохнуть, если я вру, – сказала она.

– Мама, от твоего рисунка у меня мурашки по коже, – призналась я. Был поздний вечер. Мы поужинали, и она стояла перед мольбертом, нанося при свете лампы новые мазки. Мы провели день вместе и не выходили из дома; никаких встреч, никаких дискуссий о доме для престарелых.

Единственное более или менее значимое событие произошло во второй половине дня, когда я ответила на стук в дверь и увидела Зака, стоявшего на крыльце с букетом цветов в руках. На нем были джинсы, модные английские сандалии и расшитая мифическими птицами свободная хлопчатобумажная рубашка, поверх которой был надет тот же пиджак, в котором я недавно его видела.

– Я принес цветы для Джин, – сказал он и наклонился, чтобы обнять меня. На этот раз у меня едва не закружилась голова от запаха травки, пропитавшего его одежду. Должно быть, он курил ее в автомобиле по пути к нам. Надо же, прошло столько лет, а он так и не избавился от этой пагубной привычки.

– Спасибо. Заходи, она в студии. Уверена, она будет рада, если ты заглянешь туда и поздороваяешься с ней.

Зак прошел в дом следом за мной и направился в студию, а я отнесла цветы на кухню и нашла старую стеклянную банку, чтобы поставить их. Я устраивала букет на столе, когда услышала грохот в студии и бросилась туда.

Зак вышел из комнаты с посеревшим лицом и плотно закрыл за собой дверь.

– Что случилось? – спросила я.

– Думаю, она не в том настроении, чтобы беседовать, – сказал он. Тут я заметила, что левый рукав его пиджака был запачкан ярко-красной краской. Он начал вытирать ее носовым платком.

– Иди на кухню. Там есть мыло, вода и щетка в раковине. Я сейчас приду.

Зак отправился на кухню, а я постучалась и осторожно открыла дверь студии, где увидела свою мать, погруженную в работу за холстом.

– С тобой все в порядке, мама?

– Все замечательно, Кузнечик.

Я тихо прикрыла дверь и вышла на кухню, где Зак оттирал рукав своего пиджака.

– Мне очень жаль, – обратилась я к нему. – Она не в себе. Никогда

нельзя предсказать, как она поведет себя.

Я подошла к запертому ящику с лекарствами и мысленно напомнила себе, что завтра утром надо позвонить доктору Кроуфорду. Похоже, ежедневное увеличение дозировок давало лишь незначительный эффект. У матери очень быстро развивалась устойчивость к лекарствам. Или ее здоровье резко начало ухудшаться?

Я положила в карман парочку таблеток, собираясь дать их ей сразу же после ухода Зака.

– Это не проблема, Кейт. Мне не следовало удивляться ее состоянию. – Он мимолетно улыбнулся. – В следующий раз я буду надевать халат. И, может быть, добрый старый фартук.

– Ладно. Лучше сними свой пиджак, я замочу его. Или можно отдать его в химчистку.

– Не стоит, все равно мне скоро нужно идти. – Он промокнул пятно бумажным полотенцем. – Кейт, я заехал в основном потому, что хотел поговорить с тобой про Опал.

– Что такое?

– Проклятье, это даже как-то неловко. Сегодня утром ко мне приехала Рейвен. Она была вне себя.

– Послушай, Зак, если это насчет кошки...

– Кошка? Нет. В последнее время поведение Опал сильно беспокоит ее. Она очень встревожена и считает, что твое общение с Опал, пожалуй, не очень хорошая идея.

Я нахмурилась.

– Рейвен попросила, чтобы ты приехал сюда и сказал мне об этом?

– Я сам предложил. Я опасался, что если она попытается поговорить с тобой в том состоянии, в котором она находилась...

– Понимаю, – перебила я.

– Послушай, Кейт. Я думаю, что Рейвен все равно приедет; сейчас она немного не в себе, но этого можно ожидать. Она – расстроенная мать, которая пытается делать то, что кажется ей правильным. Ее тревожит одержимость Опал историями о Картофельной Девочке и ее привязанность к тебе из-за твоей связи с Дел.

– Мы нормально общались с Опал до того, как у нее появился интерес к Картофельной Девочке, – возразила я. – Она привязалась ко мне во время моего последнего приезда, и это не имело никакого отношения к Дел.

– Я знаю, Кейт. – Зак вскинул руки в оправдательном жесте. – Не стреляй в гонца, приносящего дурные вести. Я понимаю, что твоя связь с Опал не сводится к истории Дел. В сущности, я думаю, что ты оказываешь

на нее положительное влияние. Но сейчас Рейвен придерживается иного мнения.

– Опал нужно с кем-то разговаривать, – заметила я.

– Знаю. Я стараюсь как можно чаще приезжать к ней. А Рейвен на следующей неделе отведет ее к психиатру; школьный психотерапевт помог получить направление к нему. Он считается лучшим специалистом в нашем округе.

– Психиатр проведет с ней целый час, если у него, конечно, будет время, и познакомит ее с чудесным миром психотропных препаратов. Ей нужен человек, с которым она действительно может поговорить. Кто-то, кому не будут платить за то, чтобы он выслушал ее. Она говорила тебе, что она видела? Говорила о том, что Дел якобы хочет добраться до нее?

Он глубоко вздохнул.

– Да, я знаю. Она все рассказала. Я знаю, что ей больно, и она пытается найти какой-то смысл в том, что случилось с Тори. Я также думаю, что Рейвен ведет себя неразумно, когда говорит, что ты вообще не должна проводить время с Опал. Я буду стараться, чтобы она пришла в себя. Но сейчас, по крайней мере, лучше всего будет уважать ее желания. Мне действительно жаль.

– Хорошо. – Я драматически вздохнула, под стать ему. – Мне следует привыкнуть, что меня считают плохим парнем.

Зак улыбнулся и прикоснулся к своей подвеске с Колесом Жизни.

– Все мы по мере сил избавляемся от своей кармы.

– Суцая правда, – согласилась я и посмотрела на подвеску, где Бог Смерти, восседавший на вершине, ответил на мой взгляд злобной гримасой.

Глаза в левом верхнем углу картины моей матери начали обретать телесную форму – на самом деле всего лишь тень, призрак формы. Ничего определенного.

– Я почти чувствую, как эти глаза следят за мной, – сказала я ей.

– Она видит тебя, – подтвердила мать и ткнула кистью в холст.

– Кто?

Я начала уставать от этой игры.

– Она наблюдает. У тебя есть кое-что, что принадлежит ей. Она хочет, чтобы ты вернула это.

Новый, незнакомый страх проснулся внутри меня, провозглашая невероятные вещи.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, мама.

Мать продолжала стоять спиной ко мне, а лицом к картине. Она сгорбилась, но потом отвела плечи назад и выпрямилась как солдат по стойке смирно.

– Верни ее, заместитель шерифа! – выкрикнула она.

Этот голос, как и вчерашнее хихиканье, не принадлежал моей матери. Это был детский голос, жесткое требование двенадцатилетней девочки. Голос, исходивший из уст моей матери, принадлежал Дел.

Но ведь это было невозможно. Я что, схожу с ума? Неужели все, что мне пришлось пережить на прошлой неделе, так сильно повлияло на мой рассудок?

– Что? – Я отступила от нее, охваченная ужасом, несмотря на все попытки разумного объяснения ее странного поведения. Меня пугало, что сейчас она повернется, и я увижу светлые глаза Дел, смотрящие на меня с морщинистого лица моей матери.

– Я сказала, что тебе лучше бы вернуть ее, Кузнечик. – Теперь снова зазвучал голос матери. Она сгорбила плечи и заметно расслабилась.

– Только что ты назвала меня иначе. – Мой собственный голос дрожал.

Она продолжала рисовать. Ее туловище закрывало большую часть холста, так что я не видела, над чем она работает.

– Как ты только что назвала меня, мама?

– Не знаю. Мне отшибло память из-за инсульта. Это случилось после пожара.

– Что, если я верну ее? – Я изо всех сил старалась скрыть раздражение, охватившее меня после короткого приступа паники. Должно быть, я просто ослышалась.

Мать снова захихикала, положила кисть и отступила от полотна в сторону. Над мольбертом висела масляная лампа, а на столе рядом с деревянной палитрой для красок горела свеча. Мигающий огонек озарял картину, порхал над ней и делал ее более живой. Я заметила в левом углу что-то светлое и блестящее и подошла к мольберту, чтобы рассмотреть получше.

Я разинула рот и почувствовала, как к горлу подступил утробный крик. Быстро закрыв рот ладонью, я заморгала, уверенная в том, что мне привиделось. Этого *не могло быть*. Но это было.

Там, на туловище сотканной из теней фигуры с горящими блуждающими глазами, моя мать изобразила пятиконечную серебристую звезду со словом «ШЕРИФ», выведенным крошечными темными буквами.

У меня дрожали руки, когда я набирала телефонный номер.

- Алло?
- Ник, это Кейт. Творится что-то безумное. Ты можешь приехать?
Он немного помолчал.
- Это можно понимать как извинение? – спросил он.
- Да, извини, что я была такой стервой. Я просто схожу с ума. Мне нужно с тобой поговорить.
- Буду через пятнадцать минут.
- Привези бутылку «Дикой индейки».
- Кулдык, кулдык, – проквохтал он и положил трубку.

Мать крепко спала. Я навесила замок и надежно заперла ее на ночь. Потом я пошла на кухню, зажгла несколько свечей и положила в плиту очередное полено. Вернувшись в студию, я переоделась и начала причесываться, когда мельком увидела свое отражение в зеркале на комодке и застыла на месте. Мое отражение было не единственным. В верхнем правом углу я различала фигуру с картины моей матери: ее глаза смотрели на меня, смотревшую на саму себя в зеркало. В то же мгновение в дверь тихо, но настойчиво постучали. Я чуть не выпрыгнула из собственной кожи. Разумеется, это Ник. Я тяжело сглотнула, взяла лампу и отправилась открывать дверь.

Мы устроились за столом на кухне. Я достала немного сыру с крекерами, а Ник налил нам две щедрые порции бурбона.

Ник был выбрит, причесан и надел чистую, недавно выглаженную белую рубашку, которая придавала ему вполне цивилизованный вид. Но для доказательства своей сельской натуры поверх рубашки он все-таки натянул джинсовую куртку, практически протертую на локтях и с обтрепанным воротником.

- Почему ты не сказал мне? – спросила я, не желая тратить время на околичности.
- О чем? – Он настороженно посмотрел на меня.
- О тебе и Заке. Вчера я поговорила с ним, и он все рассказал.
- Что именно он рассказал? – спросил Ник.
- Достаточно. Боже, мне кажется, у тебя была другая жизнь, о которой я даже не догадывалась. То есть не имела представления. Я думала, он тебе поставлял травку.
- Так и было, – произнес Ник, глядя в свой стакан.
- Но он значил для тебя гораздо больше, не так ли?
- В определенном смысле, – признал Ник, по-прежнему глядя в янтарную жидкость.

– Послушай, Никки, здесь происходит целая куча непонятного дерьма, и я была бы очень признательна, если бы ты хотя бы на этот раз был честен со мной. Как ты можешь ожидать, что я серьезно отнесусь к твоим рассказам о призраках, если ты постоянно мне лжешь? – Мой голос задрожал. – Мне нужен хотя бы один человек, с которым можно поговорить откровенно. У всех в этом городе есть секреты, спрятанные внутри других секретов, словно русские матрешки. Пожалуйста, умоляю тебя: больше не лги мне.

– Я никогда не лгал. – Он продолжал смотреть в свой стакан, затем поднес его к губам и осушил одним глотком.

– Я бы назвала ложью умолчание о некоторых подробностях твоих отношений с Заком. Давай же, Ник, расскажи мне об этом. Я имею право знать.

Ник задумчиво покусывал нижнюю губу. Он поднял голову и встретился со мной взглядом, потом виновато отвел глаза. Потянувшись к бутылке, он налил себе еще одну порцию, выпил ее и закурил сигарету.

– Ты же знаешь, я не голубой.

– Никки, это не имеет значения. – Я накрыла ладонью его руку.

– Не больше, чем все остальное. За эти годы у меня были кое-какие женщины. В отличие от тебя я не завел семью, но однажды подошел к этому очень близко. То дело с Заком... настоящее безумие. Я хочу сказать, когда я теперь думаю об этом, все кажется далеким сном. Словно кино, которое я посмотрел много лет назад. Это можно понять?

Я кивнула. Многие периоды моей жизни вызывали точно такие же чувства. Все любовные увлечения Джейми, все годы, когда я разыгрывала беспомощную жертву.

– Парень потерял из-за меня голову, – продолжал Ник, выдохнув клуб дыма. – И я с головой окунулся в это. Я верил всему, что он говорил. Он говорил, что сексуальность не имеет постоянной природы, и близость с ним не делает меня... ну, гомиком, или как там еще. Он читал мне Уолта Уитмена. Дьявольски заумные вещи для пацана, самое большое удовольствие для которого – стрелять ворон и белок. Оглядываясь назад, я думаю, что именно опасность, какая-то *неправильность* происшедшего делала все это таким могущественным. Это случилось лишь несколько раз, и каждый раз я говорил себе, что больше этого не повторится, но потом он приходил, клал руки мне на плечи, и я не мог отказать ему. Страх оказаться застуканным только еще сильнее разжигал это, понимаешь?

Он посмотрел на меня; его глаза увлажнились, а взгляд рассеялся – это был взгляд нетрезвого человека. Я кивнула.

– Но почему ты так и не сказал мне?

– Я пытался. Я десятки раз собирался сделать это. Но я боялся рисковать, боялся отпугнуть тебя. Тогда я был немного влюблен в тебя. – Его щеки порозовели, и он застенчиво улыбнулся мне. – Я сам не понимал, что со мной происходит, а тем более не мог объяснить это девчонке, к которой меня тянуло.

Настала моя очередь покраснеть. Я сжала руку Ника, потом отпустила.

– Потом вас застучала Дел, – сказала я и налила себе еще виски.

– Да, Дел поймала нас. – Он с сокрушенным вздохом выдохнул еще один клуб дыма. – Маленькая засранка тайком забралась на лестницу и подсматривала за нами. Я даже не знал, что она там, пока мы, гм... не закончили.

– И что она сделала?

– Черт, ты же помнишь, какой она была. Она пригрозила, что расскажет, кому захочет, и пользовалась этим каждый раз, когда ей что-то было от меня нужно. Она почти всегда добивалась своего.

– Но она кому-нибудь рассказала?

– Охо-хо. Если и рассказала, мне об этом не известно. Я думал, что она, наверное, поделилась с тобой, но, как видно, ошибался.

– Никки, есть еще что-нибудь, о чем ты не рассказал мне? Что-нибудь насчет Дел?

– В каком смысле? – В голосе Ника появились сердитые, угрожающие нотки. – Например, что я убил ее? Боже мой, Кейт!

– Я не это имела в виду.

– Теперь твоя очередь, – сказал Ник. – Расскажи мне о том, чего я еще не знаю.

Я съела кусочек крекера и глотнула бурбона. Я решила, что пора сознаться и рассказать Нику о том, как я предала его сестру. Он наконец рассказал мне о своем секрете, теперь настала моя очередь выложить правду. Я начала с татуировки.

– Бог ты мой, буква «М»? – Ник выпрямился. – Ты уверена, что это была буква «М»? Понимаешь, что это значит? Это же чертова улика. Вероятно, один из инициалов убийцы. Полицейские подозревали, что это был знакомый человек, с которым она чувствовала себя спокойно.

Я согласно кивнула, но продолжила свою исповедь. Я рассказала Нику о своем плане насчет Элли, о своей игре в двойного агента и о позорном провале. Я старалась не придумывать для себя оправданий. Я описала последний день Дел в школе. Глаза Ника наполнились слезами, а потом потемнели от гнева. Я заставила себя продолжать, опасаясь, что, возможно,

зашла слишком далеко, что я рискую отвратить его от себя и стать его врагом, но было уже слишком поздно. И, как бы я ни стыдилась содеянного, этот запоздалый рассказ все-таки облегчил мою душу.

Я описала последние моменты моей дружбы с Дел, когда я гналась за ней с камнем в руке. Потом я перескочила вперед и рассказала ему обо всем, что случилось с тех пор, как я вернулась в Новый Ханаан: об исчезнувшей кошке, которую потом нашли убитой, а рядом с ней лежал мой нож, об отпечатках на снегу, о послании, выложенном из спичек, о картине моей матери. Я рассказала ему про Опал: как она сказала, что видела Картофельную Девочку, что она уверена в том, что именно ее хотели убить, как я дважды застала ее в лесу, когда она искала что-то непонятное. Я описала сегодняшнюю сцену, когда моя мать заговорила голосом Дел, требуя вернуть ей звезду. Я поделилась с ним опасениями о том, что я схожу с ума, что я не верю в призраков и сверхъестественное, но у меня не осталось рациональных объяснений случившегося. Либо я совершенно слетела с катушек, либо мой осязаемый, упорядоченный, научный подход к восприятию окружающего мира оказался полным дерьмом. Паршивый выбор. И наконец, я рассказала Нику, как нашла в своей сумочке звезду.

Когда я закончила, то налила в свой пустой стакан на два пальца виски и в два глотка осушила его. Моя рука дрожала. Ник опустил глаза. Мне хотелось взять его лицо в ладони и осторожно повернуть к себе, чтобы прочитать ответ в его глазах.

Он налил себе еще и устоялся на свет масляной лампы.

Когда он наконец заговорил, его голос звучал хрипло, словно он был готов заплакать или закричать. Мне было немного страшно.

– Ты знаешь, от кого Дел получила эту звезду, Кейт? Она когда-нибудь рассказывала тебе?

– Нет, никогда.

– Тот немой мальчик, Майк Шейн, подарил ее Дел. В итоге я сам додумался до этого. Она говорила, что мальчик, который дал ей звезду, любил ее. По ее словам, эта вещь должна была напоминать ей, что она – его путеводная звезда, или что-то в этом роде. Щенячья любовь, понимаешь? Он писал ей сообщения, вроде любовных записок. Бедный дурачок не мог говорить, зато умел писать. Изливал ей в словах чувства своего маленького немого сердца. Дел любила эту чертову звезду. Думала, что она и в самом деле шериф, как будто звезда наделяла ее властью и приносила удачу.

Ее талисман.

Ник поиграл с зажигалкой, крутя ее между пальцами. У него были

руки механика: грубые пальцы, грязь под ногтями, следы от машинного масла, вьевшиеся в складки кожи. Нравится вам это или нет, но я хотела, чтобы эти пальцы прикоснулись ко мне. Я хотела вернуться в прошлое.

– Помню. – Я кивнула и отвела глаза от его рук. – Я помню и Майка Шейна. Тебе известно, что с ним стало?

– Я слышал, он живет в Барлингтоне. Мой приятель в гараже знает его семью. Настоящее говно, полные нищоброды. Сэмми, – парень, с которым я работаю, – говорит, что отец Майка прижигал детей сигаретами, и все такое. Грустная история.

– Да, согласна. В школе он получал почти столько же тумаков, как и Дел. Неудивительно, что они потянулись друг к другу.

Ник кивнул.

– Кейт, я хотел бы увидеть картину твоей матери.

Я взяла свечу и повела его в студию. Он подошел прямо к холсту с бутылкой «Дикой индейки» и всмотрелся в туманную форму, возникающую из пламени. Я стояла за ним и держала свечу.

– Жутко, – прошептал он и отступил на шаг, столкнувшись со мной. Какое-то мгновение мы так и стояли: его спина прижата к моей груди, я дышу ему в шею. Я знала, что должна отступить, уйти в сторону, но было слишком поздно. Я подалась вперед и положила левую руку ему на плечо, постепенно опускаясь вниз и протягиваясь к груди, где под мягкими складками хлопка я ощущала биение его сердца. Но когда я просунула руку под джинсовую куртку, его сердце оказалось не единственной вещью, которую я нащупала.

Подтяжки? Так мне показалось сначала, когда я нащупала эластичный ремешок, но после того, как моя рука скользнула к выпуклости на его левом боку, я поняла, что это такое.

– Что это?

– Защита, – сказал он, быстро достав маленький автоматический пистолет и убрав его в кобуру.

Хотите верьте, хотите нет, но вид оружия оказал на меня возбуждающее действие. Что я могу сказать? Наверное, у меня есть тайная страсть к плохим парням, вооруженным пистолетами. В любой день я предпочту разбойника уважаемому кардиологу.

– От маленькой девочки? – прошептала я ему в затылок, нащупывая ремни кобуры.

– Ничего нельзя угадать заранее, – сказал он.

Я нащупала верхнюю пуговицу его рубашки и расстегнула ее, потом вторую. Потом сунула руку под рубашку, скользнув по его правому соску.

– Это правда, – сказала я. – Наверное, тебе не следовало так быстро сдавать свое оружие.

Он наконец повернулся ко мне.

Наш второй поцелуй, случившийся спустя тридцать с лишним лет после первого, был не менее страстным и движимым чистым отчаянием, неведомым для нас, когда мы были детьми.

– Кейт, что случилось со звездой? Куда ты ее дела?

Ник повернулся ко мне лицом, опершись на локоть и держа бутылку между нами. Свеча мерцала на столике рядом с кроватью, свет играл на его коже и волосах. Он выглядел чудесно.

– Закопала в овощном погребе, – сонно ответила я. – Вчера ночью. – Я провела пальцами от его горла до низа живота. Мне не хотелось думать о звезде. Так хорошо снова быть с мужчиной. Слишком хорошо. А он хотел все это разрушить.

– Ты знаешь, что мы должны сделать, правда?

Я не ответила. Я была совершенно уверена, что мне не понравится его предложение.

– Мы должны это сделать. Нам нужно вернуть ей звезду.

Я отдернула руку от его груди и раздраженно выпрямилась в постели.

– Боже мой, Ник, мы говорим о девочке, которой нет в живых уже больше тридцати лет. Как мы можем отдать ей настоящую, реально существующую вещь? Хочешь раскопать ее могилу и бросить туда звезду?

Он покачал головой:

– Думаю, нужно отдать ее твоей матери. Она знает, что нужно делать.

Великолепно. Мой сексуальный герой и его блестящие предложения.

– Моя мать! Ну просто замечательно. – Моя речь была слегка невнятной из-за выпитого бурбона. – Если ты не забыл, моя мать вот-вот отправится в дом для престарелых. По сути дела, я уговорила ее завтра утром посетить один из них. Ты видел ее. У нее сплошная каша в голове. Она не поймет, что происходит, если мы вручим ей какую-то старую ржавую звезду. Это лишь еще больше собьет ее с толку.

– Может быть. Но все же она каким-то образом общается с Дел. Картина точно указывает на это. И потом, она говорила с тобой голосом Дел и просила вернуть звезду.

– Мне могло пригрезиться. Она говорила не своим голосом, вот и все. Дел тут ни при чем. Моя мать не знает, что она говорит, Никки. Она больна. Теперь он выпрямился.

– Как тебе угодно, Кейт. Ты можешь давать задний ход, если тебе так

хочется. Я всего лишь говорю, что нам нужно достать звезду. Не обязательно показывать ее Джин сегодня вечером или когда-либо еще. Просто пойдем и заберем ее. Какой от этого вред?

Я не ответила и даже не напомнила ему, что закопала звезду в отчаянной попытке избежать тюрьмы. Для полицейских старей значок Дел был весомой уликой, и каждому, у кого его найдут, предстояло многое объяснить.

– Вот так, – сказал он и одарил меня своей лукавой, кокетливой улыбкой, прежде чем соскочил с кровати и начал одеваться. – Никакого вреда. Давай, Пустынная Роза, одевайся и пойдем на прогулку.

Я неохотно подчинилась. Когда я застегивала блузку, мой взгляд упал на картину и фигуру, изображенную в верхнем левом углу. Глаза – ее глаза – сверлили меня насквозь.

Опять попалась.

Я провела лучом фонарика по полкам и земляному полу. Никаких признаков моей деятельности предыдущей ночью заметно не было; я хорошо замела следы. Сейчас, в полупьяном состоянии, я не имела ни малейшего понятия, где закопала звезду. Оставалось только копать по новой. Просто выбери место и начни. Хей-хо, хей-хо.

Ник отглотнул из бутылки, которую прихватил с собой, и поставил ее на полку. Я выбрала место поближе к задней части – тогда я находилась возле свечи в банке из-под джема, правильно? – отступила назад и воткнула в землю металлическое лезвие, едва не упав при этом.

Нет, я была основательно пьяна. Алкоголь не успел выветриться во время прогулки по лесу и по тропе к подножию холма. К тому времени, когда мы добрались до поля, некогда засеянного зеленым горошком, я цеплялась за Ника и задавала ему вопросы, каждый из которых начинался со слова «помнишь».

Помнишь ворону, которую ты застрелил и повесил на проводе?

Помнишь, как тебя звали Билли Кидом?

Помнишь, как ты учил меня стрелять из старого духового ружья?

Помнишь, как мы стукнулись зубами, когда целовались? Такая сила! Словно крушение поезда.

Ник помогал мне держаться ровно, пока мы шли, хотя сам то и дело налетал на древесные корни и заросли сорняков. «Да, – отвечал он, – я помню». Я прислонялась к нему, ощущала его тепло и мечтала снова оказаться в постели.

Потом Ник открыл дверь овощного погреба, и я стала ощупью

спускаться по ступеням, окруженная запахом Дел. Я пропустила последнюю ступеньку, подвернула лодыжку и приземлилась на четвереньки. Потом включила фонарик и осмотрелась. Ник протянул мне рабочий инструмент: у него была своя небольшая лопата.

– Давай сделаем это, – сказал он. – Выкопай ее.

То, как он произнес слово *ее*, прозвучало так, как будто он предложил мне раскопать могилу.

Копай. Копай. Прокопай тоннель до Китая. Раскопай могилу. Выкопай картошку. *Раз картошка, два картошка...* Я начала напевать эту мелодию, но почувствовала, как желчь подступает к горлу.

– Сейчас сблую, – сказала я.

– Продолжай копать, – посоветовал он. – Это пройдет.

И это пройдет. Я копала, как старый пес, который старается найти вкусную косточку, которую недавно зарыл. «Зубы – это кости», – вспомнила я. Оставалось гадать, как сейчас выглядят кости Дел, глубоко скрытые в металлическом гробу. Металл. Металлическая лопата. Металлическая звезда. В моем рту появился жестяной привкус.

Звезды не оказалось на том месте, где я рассчитывала ее найти. Там, где я недавно ее закопала.

– Нам понадобится металлодетектор, – жалобно проямлила я.

– Мы найдем ее, – пообещал Ник. – Ты просто должна вспомнить.

Он воткнул лопату в земляной пол.

Вспомнить. Да, я помнила. Помнила, как выглядела буква «М» на груди Дел. Она была вздутой и воспаленной. Ее секрет. *Это хорошая боль.* Я прекратила копать, потянулась к бутылке и допила остатки, чтобы уничтожить металлический привкус во рту. Сказала «кулдык, кулдык» и вернулась к работе. Гном в шахте. Хей-хо, хей-хо.

– Что там копали семь гномов? – обратилась я к Нику и рассмеялась, едва не упав на пол. – Проклятые гномы. У них все получалось легко.

Я еще раз с силой погрузила лопату в землю, примерно на расстоянии одного фута с правой стороны. Я знала, что звезда должна быть там. Звезда чудес. Звезда ночи. Яркая звезда великой красоты^[20].

– Помнишь тот первый день? – спросила я – Как ты распахнул дверь погреба, и там была Дел без рубашки, и я смотрела на тебя и на нее, и никто из нас не знал, что будет дальше? Никто не знал, что это катастрофа и все мы едем на проклятом поезде, который сойдет с рельсов. Помнишь, что никто не знал?

Что-то лязгнуло: моя лопата наткнулась на металл. Я наклонилась и пошарила в грязи. Вот и она, опять со мной. Ржавая и острая. Тяжелая, она

лежит на моей ладони. Больше похожая на бремя, чем на осуществленную мечту.

– Боже, – сказала я. – Заместитель шерифа нашел ее.

Потом я наклонилась над ямой и блеванула.

Часть 2. Последние дни

17 ноября 2002 года

16 июня 1971 года

Раз картошка, два картошка, она здесь жила немножко,
Три картошка, вот и зверь: запирай скорее дверь.

Глава 13

17 ноября 2002 года

– Я здесь не останусь!

– Никто и не говорит, что тебе нужно это делать, мама. Мы просто пришли посмотреть.

Глаза моей матери были пустыми и безумными; ее взгляд сосредоточился на точке над моим правым плечом.

– Я здесь не останусь!

Я с извиняющимся видом посмотрела на миссис Шрусбери – даму, которая устроила нам ознакомительную экскурсию, и, как ни печально, она очень напоминала мелкого грызуна с глазками-бусинками^[21].

– Возможно, вашей матери будет удобнее посидеть в классе для художественных занятий, пока мы не закончим осмотр, – сказала миссис Шрусбери, глядя на нас поверх очков.

Я кивнула, и мы усадили мою мать за длинным столом, где несколько пожилых людей с толстыми кисточками, большими листами газетной бумаги и чашечками с темперной краской основных цветов пытались что-то изобразить. Я помогла матери надеть пластиковый фартук и посмотрела, как учитель жи-вописи вводит ее в курс дела.

– Я здесь не останусь, – повторила она, но уже не таким безапелляционным тоном. Когда она неуклюже взяла кисточку забинтованной рукой, то сразу же начала рисовать, забыв о том, где находится.

Миссис Шрусбери показала мне комнаты постоянных жильцов, столовую, холл для встреч с посетителями и календарь мероприятий. Я неопределенно кивала, слишком удрученная своим похмельем. Подвернутая лодыжка болезненно пульсировала, и я немного хромала. Мне не терпелось завершить осмотр и избавиться от ужасного запаха этого места – тошнотворной смеси антисептика и вареных бобов.

Ночные события сливались в одно целое. Я знала, что мы с Ником ходили в овощной погреб, чтобы выкопать звезду, и нашли ее; ржавый шерифский значок утром лежал у меня под подушкой, грязный от налипшей земли. Я не помнила, как добралась до дома или легла в постель. Я не помнила, когда ушел Ник, но понимала, что это случилось до рассвета. Когда Рейвен зашла к нам по пути на работу и оставила матери несколько булочек с отрубями, она сделала замечание по этому поводу. «Я видела, что

у тебя был ночной гость», – сказала она. Когда я объяснила, что мы просто разговаривали, она лишь вскинула брови и сказала: «М-мм...» Было ясно, что Рейвен больше не верит мне. Я тоже не испытывала теплых чувств к ней после разговора с Заком. Если она не хочет, чтобы я общалась с ее дочерью, да будет так, но она хотя бы должна набраться смелости и лично сказать мне об этом. Или она на самом деле боится меня?

– Я знаю, как трудно это бывает, – сказала миссис Шрусбери. – Это кардинальное решение, и ваша мать вроде бы... противится ему. Но как медсестра вы понимаете, какого внимания и ухода требует состояние вашей матери. Круглосуточный уход не под силу одному человеку.

Я кивнула, думая о картине матери и ее новой привычке говорить голосом Дел. *Ты не знаешь и половины, землеройка.*

– Родственники всегда испытывают чувство вины, – продолжала миссис Шрусбери. – Но со временем вы поймете, что поступили правильно. Все устроится. Честно говоря, люди в состоянии вашей матери не могут затаить обиду. Через несколько недель она будет чувствовать себя так, словно она всегда находилась здесь.

Это нужно считать утешением?

– Здесь она будет в безопасности и о ней хорошо позаботятся. Как я сказала по телефону, у нас есть две свободные комнаты. Если хотите, она может пере-ехать уже на этой неделе.

Я кивнула и сказала, что не хочу принимать поспешных решений. По правде говоря, меня одолевало желание покончить с этим безобразием, сесть на самолет и улететь в Сиэтл. Надежно пристроенная в доме для престарелых, моя мать может рисовать, что ей заблагорассудится, и сколько угодно говорить голосом Дел. Но пока я думала об отъезде, меня вдруг посетила другая мысль. *Убийца по-прежнему здесь. И что, если Опал угрожает реальная опасность?*

Миссис Шрусбери похлопала меня по руке и повторила, что знает, как это тяжело. Потом она отвела меня в гостиную, где громко трещал телевизор. Три пожилые женщины с ходунками, стоявшие поблизости, смотрели телевикторину. Старик, сидевший в оранжевом пластиковом кресле, чавкал беззубыми деснами и напевал песенку. Мелодия показалась мне знакомой, но я не могла определить ее; что-то детское и мелодичное.

– Девочка-картошка, девочка-картошка, повоняй немножко, – напевал он.

О, боже. У меня пересохло во рту. Может быть, я ослышалась?

– Что вы сказали? – спросила я и наклонилась так, чтобы оказаться на

одном уровне с глазами беззубого старика в запачканной пижаме. Его глаза были блеклыми и водянистыми. От него пахло прокисшим молоком.

– О, это мистер Макензи, – сказала миссис Шрусбери. – Он у нас певец, не так ли, Рон?

– Раз картошка, два картошка, она здесь жила немножко. – Теперь он не пел, а декламировал, и его влажные затуманенные глаза не отрывались от моего лица. – Три картошка, вот и зверь: запирай скорее дверь.

– Рон Макензи? – спросила я. – Вы водили школьный автобус?

Старик лишь ухмыльнулся и пошлепал губами. Струйка слюны стекала по его небритому подбородку.

– Вы водили школьный автобус, правда, Рон? – спросила миссис Шрусбери. – Ну конечно, пока не ушли на покой. Еще вы работали механиком в городском гараже, верно?

– Теперь она придет *за тобой*, запирай скорее дверь, – произнес Рон, не сводя с меня глаз и демонстрируя широкую беззубую улыбку.

– Вы помните Дел Гризуолд? – Мой голос звучал пискляво и испуганно. – Картофельную Девочку? Она ездила на вашем автобусе.

Я положила руку на его рукав и подавила желание выбить из него ответ.

Он ухмыльнулся и снова капнул слюной.

– Она была мартышкой, – наконец сказал он. – Грязной маленькой мартышкой. Как и ее брат.

– Какой брат? Вы имеете в виду Ника?

– Девочка-картошка, повоняй немножко, – пробормотал он.

Я уставилась на старика, ощущая на лице его жаркое, кислое дыхание.

– «М» – значит мартышка, – прошептал он. – Она была мартышкой.

Жуткая догадка озарила меня под флуоресцентными лампами в гостиной, со смехом телезрителей на заднем плане и с женщиной-землеройкой рядом со мной, наклонившей голову с выражением легкого любопытства на лице. Догадка, такая же тухлая и прогорклая, как и его дыхание.

– Вы сделали Дел букву «М», мистер Макензи? Это вы сделали? – Я с трудом выдавливала слова, заранее страшась ответа. Возможно ли, что я нахожусь лицом к лицу с убийцей Дел, выжившим из ума стариком в засаленной пижаме?

Рон Макензи улыбнулся и стал раскачиваться взад-вперед на стуле, что-то мыча себе под нос. Постепенно мычание перешло в низкий стонущий вой. Старый водитель школьного автобуса завывал как койот, все громче и громче с каждым следующим вдохом. Миссис Шрусбери

положила маленькую сморщенную клешню на мою руку, чтобы я отошла в сторону, и сказала, что нам нужно идти, пока он не довел себя до исступления. Мы повернулись, собираясь выйти из комнаты, но тут его завывания прекратились, и он ласково позвал меня слабым, дрожащим голосом.

– Эй, заместитель шерифа! – сказал он. Я замерла на месте. По моей спине пробежал холодок. – Лучше верни этой маргышке то, что ей нужно. Лучше верни ее звезду. Лучше отдай ей звезду-уу!

Я посмотрела на старика, который когда-то работал в НАСА, и увидела темное пятно, расплывающееся у него в промежности. Он смотрел на меня и тихо смеялся, а моча струилась по пластиковому стулу и собиралась в лужицу на кафельном полу в клеточку.

– Я хочу домой, – заявила мать, когда мы присоединились к ней за столом для художественных занятий. – Ты не можешь оставить меня здесь.

Поверь, мы уберемся отсюда так быстро, как только сможем.

Я обернулась и посмотрела в коридор, уверенная в том, что увижу старого Рона Макензи, который преследует меня. Но там была только уборщица в розовой униформе, толкавшая перед собой швабру и пластиковое ведро на колесиках.

– Я не оставлю тебя, мама. Мы уезжаем сейчас же. – Мой голос был таким же слабым, как и мои руки, пока я возилась с завязками ее фартука. Мне понадобилась вся сила воли, чтобы не схватить ее за руку и не выбежать наружу с безумным криком, таща ее за собой.

– Я нарисовала картину, – сообщила моя мать. – Она для Опал.

– Это здорово, мама.

Раз картошка, два картошка, она здесь жила немножко,
Три картошка, вот и зверь: запирай скорее дверь.

Кто-то напевал эти слова или они звучали только у меня в голове?

– Я надеялась, что вы останетесь на ланч, – сказала миссис Шрусбери. – Мы могли бы посмотреть некоторые документы.

– Я хочу домой, – повторила моя мать.

– Знаю, мама, я тоже. Пойдем, наденем пальто.

Я извинилась перед женщиной-землеройкой и сказала, что нам нужно уйти, но я позвоню ей попозже, когда мы примем решение.

Я повернулась, чтобы помочь матери надеть пальто, и взглянула на

картину. И снова мне пришлось удержаться от крика.

Там, на большом листе газетной бумаги, была нарисована огромная звезда шерифа, аккуратно раскрашенная оттенками серого цвета.

– Мама, почему ты хочешь подарить эту картину Опал?

– Что, Кузнечик?

– Картина. Ты сказала, что она для Опал.

– Разве я так сказала? – Она немного подумала, наклонив голову. – Бедная маленькая Опал. Думаешь, она знает?

– Что знает, мама?

– Знает, кто ее отец?

– О чем ты говоришь? Кто он? – Я была уверена, что она назовет имя Ленивого Лося; разумеется, она перепутала Опал с Рейвен, которую часто принимала за Дою. Господи, иногда было трудно поспевать за ходом ее мыслей.

– Это же Ральф Гризуолд, глупенькая! Человек со свиньями и яйцами, который живет внизу. Ты ведь это знала, Кузнечик? – Она вопросительно смотрела на меня, словно собираясь поинтересоваться: «У тебя что-то с памятью?»

– Послушай, Кейт, сегодня я говорил с Джимми и спросил его насчет Майка Шейна. Можешь представить, чем этот ублюдок занимается в Барлингтоне?

Мы с Ником сидели за столом на кухне и ели сэнд-вичи с тунцом. Мать работала над картиной. Я позвонила Нику и пригласила его на ланч, как только мы вернулись из центра опеки для престарелых «Холлоуз». Мне не терпелось передать ему слова матери о том, что его отец также был отцом Опал, но я решила пока что придержать язык. Возможно, это была игра ее воображения.

Но что, если нет? Что, если Опал на самом деле была сводной сестрой Дел? Я понимала, что если хочу узнать правду, мне придется обратиться к человеку, который меньше всего склонен чем-то делиться со мной: к Рейвен.

Ник не стал ждать, пока я догадаюсь, чем занимается Майк.

– Ты не поверишь, но все сходится. Майк Шейн – гребаный татуировщик. Он владеет салоном татуировки «Дракон Майк» в Барлингтоне.

Я с трудом усвоила эту новость, обдумывая возможности, которые она открывала. Возможно, татуировка Дел была одной из первых работ Майка. Более долговечным подарком, чем звезда шерифа. Возможно, моя догадка о

старом Роне Макензи была заблуждением.

– Это может оказаться совпадением, – допустила я.

– Совпадением? Черт возьми, это явная улика. Разве ты не говорила о букве «М» на груди Дел? «М» означает «Майк». Готов поспорить, это был он. Он сделал ей татуировку, потом убил ее и срезал татуировку, чтобы скрыть связь между ними.

– Конечно, это надо проверить, но я не могу представить, как ласковый паренек Майк Шейн мог убить Дел. Ему было одиннадцать или двенадцать лет. И в тот последний день в школе он находился в очень плохом состоянии. Насколько я помню, его увезли в больницу.

– Но, Кейт, он же чертов татуировщик!

– Знаю. Это очень странное совпадение. Как я уже сказала, его нужно проверить. Но позволь мне сказать тебе, что я выяснила сегодня. Ты что-нибудь помнишь о Роне Макензи, водителе школьного автобуса?

– Немного. Вспыльчивый тип, но он скрывал свои чувства. Он называл нас мартышками, это я помню.

Я рассказала ему об утреннем посещении дома престарелых и о словах Рона.

– Значит, с помощью татуировки он мог заклеить ее, – проговорил Ник. – «М» значит «мартышка», вроде багрового рубца или другой дряни. Вот грязный ублюдок! – У Ника дернулось лицо.

– Не знаю... буква была такой изящной и красивой, – сказала я. – Если бы кто-то вроде Рона сделал ее из ненависти, она была бы грубой и небрежной. Мне всегда казалось, что тот, кто сделал татуировку, нежно относился к Дел.

– Так нежно, чтобы задушить ее и разрезать, словно кусок мяса. Думаю, нам нужно поговорить и с Шейном, и с Макензи. Черт возьми, наверное, нам следует обратиться в полицию.

Я покачала головой:

– Что мы можем рассказать? О болтовне слабоумного старика, который обмочился у меня на глазах? Если он убил Дел, то получил по заслугам. Он уже сидит в тюрьме. Мне его даже жаль. И мы можем быть совершенно уверены, что он не мог сбежать и убить Тори. Единственная улика, которая у нас есть насчет Майка, – это буква «М», которую я видела, но о которой больше никто не знает. Черт побери, возможно, они сделают меня подозреваемой номер один, если уже не сделали.

– Что? Полицейские не считали тебя подозреваемой.

– Не тогда, а теперь. Судя по тому, как они вели себя, я первая в их списке подозреваемых.

– Полная чушь! Ты не имела к этому никакого отношения.

– Да, и ты тоже, но они подозревали тебя, верно? Разве ты не был первым, кого они стали искать после убийства Тори Миллер? Это просто невезение, Ник.

Он немного подумал, пока я убирала тарелки со стола.

– А как насчет звезды? – спросил он. – Теперь, когда ты слышала о ней еще и от Рона, тебе не кажется, что лучше что-то с ней сделать? Если, как я уже говорил, мы имеем дело с Дел, то она знает, что звезда у тебя.

– Послушай, о чем ты говоришь? Ты несешь почти такую же околесицу, как мистер, который работал в НАСА, а теперь мочится на пол. Да, я получила звезду, но что с ней можно сделать? Ничего. Было бы разумнее, если бы мы оставили эту проклятую штуку лежать в земле. Не надо было мне поддаваться на твои уговоры.

– Может, ты и права, – признал Ник. – Мы здорово напились, и я вроде как извлек из этого выгоду.

Я рассмеялась:

– Не уверена, кто из кого извлек больше выгоды.

Он застенчиво улыбнулся краешком рта. Я почувствовала, что краснею, и в замешательстве стала изучать морщинки вокруг его глаз. «Гусиные лапки». Словно птица, которую он убил, каким-то образом отомстила ему. Он был каким-то ранимым, почти как ребенок.

– Никки, я должна быть честной. У меня не слишком складываются отношения с мужчинами. Мой брак почти с первых лет начал разваливаться. Наверное, у меня что-то не так с эмоциональной привязанностью.

Я посмотрела на мужчину перед собой и снова увидела четырнадцатилетнего паренька, покрытого темно-коричневым загаром от работы под открытым небом, с глазами, горящими от желания. От него пахло бензином и сигаретным дымом. Он снял фуражку с логотипом компании «Джон Дир» и положил ее на стол.

– Прошлая ночь много значила для меня, – начал он. – И конечно, я надеюсь, что это еще не конец. Я не прошу о каких-то серьезных обязательствах. Я знаю, что у тебя своя жизнь, а у меня своя. Не могу давать никаких обещаний, не знаю, к чему это может привести или не привести, но, елки-палки, теперь мы взрослые люди. Мы не можем вернуться обратно, но можем двигаться вперед, – понимаешь, о чем я? Просто дай мне шанс, ладно? Давай посмотрим, что из этого выйдет.

Его голос был мягким, как вкус виски, и когда он перешел на шепот, в нем появилась хрипотца, от которой по моей шее пробежало приятное

тепло. Я наклонилась и прижалась губами к его губам.

На этот раз мы не стукнулись зубами, и в нашем поцелуе не было такой же неодолимой силы, как вчера ночью. Он был нежным и легким. В нем не было отчаяния, лишь намек на сдерживаемое желание. Возможно, это было не плотское желание, а стремление вернуться в прошлое, пережить все заново и получить второй шанс. Я положила ладонь ему на затылок и привлекла к себе поближе. В тот момент мы снова были детьми на чердаке, и нам обоим не хватало воздуха, но это было приятное удушье.

– Кэт и Ник сидят на дереве и целу-у-уются!

Певучий, детский голос моей матери рывком вернул нас к настоящему и заставил отпрянуть друг от друга. Это был голос Дел, и, глядя на испуганное лицо Ника, я понимала, что я не единственная, кому так показалось.

Возможно, дело было в неожиданном свидетеле, в эмоциональном истощении, в похмелье или даже в гормонах, но в тот момент мои подсознательные страхи бурным потоком хлынули в сознание. Дел говорила через мою мать, используя ее как одну из говорящих кукол и дергая за невидимые космические нити. Это было неоспоримым фактом. Дел нашла дорогу назад, и, как и предупреждал Ник, она была чрезвычайно зла на нас.

– Когда свадьба? – спросила она. Слышать голос мстительного ребенка из уст моей бедной старой матери было просто непристойностью. Она повернулась и с хихиканьем удалилась в студию, захлопнув за собой дверь. Оттуда послышался треск и грохот, как будто она разносила комнату на части.

– Тебе нужно идти, – прошептала я. – Я позвоню позже.

– Кейт, я...

– Иди, иди. Все в порядке. Потом поговорим.

Вот и весь второй шанс.

Он взял засаленную бейсболку и нахлобучил ее.

– Мне жаль, – сказал он.

– Мне тоже, – ответила я. А потом он ушел.

Глава 14

17 ноября 2002 года

Час спустя, когда я подметала разбитое стекло в студии, появилась Опал.

– Вот чума! – воскликнула она. – Что здесь случилось?

– Моя мать решила сделать косметический ремонт.

Комната действительно как будто лежала в руинах. Мать постаралась уничтожить в основном мои вещи. Она достала одежду из моих чемоданов и порвала, что смогла. Кровать, на которой я спала, была перевернута, постельное белье разбросано.

– Я пришла сказать тебе, что закончила с Дженни. Я только что приклеила фигурку к крылу биплана и повесила модель.

– Она будет счастлива там, особенно если подумать, что все ее другие пластиковые братья и сестры засунуты в игрушечные поезда и обречены ездить по кругу.

Опал кивнула и устроилась на полу.

– Ты знаешь, что мне запретили встречаться с тобой?

– Да, знаю.

– Моя мать говорит, ты можешь быть опасной, – сказала Опал.

– Вот как?

– И готова поспорить, ты ничего не знаешь о лесных грибах.

– А я готова поспорить, что той ночью ты не нашла в лесу того, что искала. Что ты искала, Опал? Что-то, связанное с убийством Тори? Это мой нож, не так ли? Ты брала мой швейцарский армейский нож?

Все краски схлынули с ее лица, и она стала похожа на призрака, которого так боялась.

Могла ли Опал быть сводной сестрой Дел? В тот момент сходство между ними было ошеломительным и заставляло меня забыть обо всем остальном. Мне страшно хотелось защитить Опал, потому что я так и не смогла защитить Дел.

– Я могу помочь тебе, – сказала я. – Просто ты должна быть откровенной со мной. Пожалуйста, Опал. Ты можешь мне верить. Что ты искала в лесу? О чем ты мне не рассказала?

Она открыла рот, собираясь заговорить и наконец сказать правду, но что-то остановило ее. Я проследила за ее взглядом до мольберта в углу, где стояла картина моей матери, единственная вещь в комнате, которая не

пострадала от ее последнего припадка.

– Что это? – спросила Опал, и ее лицо побледнело еще сильнее, когда она подошла к картине.

– Последняя работа моей матери. Она изобразила пожар в типи.

Только не обращай внимания на пару блуждающих серых глаз в углу.

– Но там кто-то есть, – сказала Опал и протянула руку, прикоснувшись к фигуре на картине. – Кто-то со звездой шерифа. Кто это?

– Не знаю, Опал, – ответила я.

– Это она, верно? Это Дел. У нее была такая звезда? – Голос Опал дрогнул.

– Опал...

– Скажи мне! Скажи правду об этом, и я больше никогда не буду спрашивать тебя о Дел. Оставлю тебя в покое, как хотят все вокруг.

Звезда Дел не была какой-то ужасной тайной. Опал стоило лишь поговорить с кем-то из взрослых, кто тогда ходил в школу, или посетить библиотеку и просмотреть старые газетные статьи.

– Хорошо, хорошо. Да, у Дел была сереб-ристая шерифская звезда. Просто дешевая жес-тянка, детская игрушка. Она постоянно носила ее. Даже в тот день, когда ее убили. Но звезду так и не нашли.

– Выходит, убийца забрал ее? – Лицо девочки было страдальчески-сосредоточенным.

– Теоретически это так. – Я ожидала залпа уточняющих вопросов, но они так и не прозвучали. Опал молча смотрела на картину.

– Так что теперь, Опал? – спросила я. – Это в самом деле значит, что мы покончили с разговорами о Дел?

– Жизнью клянусь, – ответила она, отвернувшись от картины, и поспешно вышла из комнаты.

Я была благодарна за то, что она не добавила: *чтоб мне сдохнуть*.

Я набрала телефонный номер большого амбара, и Рейвен ответила мне после второго гудка. Я лишь надеялась, что она не заметила, что ее дочь отлучалась.

– Привет, Рейвен, я на какое-то время собираюсь уехать в Барлингтон. Не могла бы ты присмотреть за моей мамой, пока меня не будет дома? Я бы попросила Гэбриэла, но он был с ней вчера. Постараюсь вернуться к ужину. Я позвоню из Барлингтона, чтобы убедиться, что у вас все в порядке.

Рейвен помедлила с ответом, явно давая понять, что не хочет оказывать мне никаких услуг. Она не собиралась лезть из кожи вон ради убийцы кошек.

- Что за дело в Барлингтоне? – с подозрением в голосе спросила она.
- Хочу навестить старого знакомого.

Она вздохнула.

– Я не возражаю помочь Джин. До того, как ты приехала сюда, я проводила с ней каждую свободную минуту. Она ни разу не уходила из дома, когда я следила за ней.

Я оставила эту шпильку без внимания.

– Большое спасибо. Послушай, с мамой не-давно случилось что-то вроде припадка. Я дала ей гало-перидол и положила в постель. Возможно, она проспит все время, пока ты будешь присматривать за ней.

– Буду через десять минут, – сказала Рейвен.

– Я решила, что мы можем выпить чашку чая перед моим отъездом, – сказала я, когда пришла Рейвен, и жестом пригласила ее на кухню, где расставила чайник и чашки. У Рейвен был недоверчивый вид. – Я хотела кое-что обсудить с тобой.

Рейвен уселась за стол, налила себе чашку зеленого чая и аккуратно положила туда ложечку меда из горшка, который я поставила в центре стола. Я подумала, что она предложит мне сделать первый глоток, чтобы убедиться, что чай не отравлен.

– Если это касается Опал, то, боюсь, тема закрыта для обсуждения. Думаю, на данном этапе ты оказываешь на нее дурное влияние.

– В сущности, это касается Опал, но не имеет отношения ко мне.

– Что же тогда? У тебя есть какой-то потрясающий родительский совет? Если так, можешь придержать его при себе.

– Я хочу знать, кто отец Опал.

Рейвен выглядела по-настоящему ошеломленной.

– Что?

– Ты меня слышала.

Она презрительно скривилась.

– Это уж точно не твое дело! За кого ты себя принимаешь?

– Это был Ральф Гризуолд?

Ее темные глаза стали непроглядно черными.

– Кто это тебе сказал? – требовательно спросила она.

– Сведения из надежного источника, – солгала я.

– Это Ник сказал? – Она обеими руками пригладила волосы. – Я убью этого пьяного болвана.

Значит, в конце концов, это оказалось правдой. И у Ника был еще один секрет, который он утаил от меня.

– Опал не знает, верно?

– Бог ты мой. Конечно, не знает. Разве твой «источник» не сказал, что меня изнасиловали? Я не собираюсь взваливать на нее эту ношу: ее биологический отец был отвратительной деревенской скотиной, расистом, а возможно, еще и педофилом. Как она это воспримет?

– Я на самом деле не знала, как это случилось. Мне так жаль...

Рейвен фыркнула:

– Я не нуждаюсь в твоём сочувствии. Это случилось давно, и сукин сын оказал нам услугу, когда вскоре сдох. У меня есть прекрасная дочь, которая для меня дороже всего на свете, и если ты хотя бы *подумаешь* о том, чтобы рассказать ей об этой истории, то пожалеешь сильнее, чем можешь себе представить.

Я внезапно поняла, почему она так свирепо возражала против знакомства Опал с историями из жизни Дел и семейства Гризуолдов.

– Разумеется, я ничего не скажу Опал, – благора-зумно согласилась я. – Это твоё дело, а не моё. Но мне кажется, на каком-то уровне она подозревает, в чём дело. Я хочу сказать, это объясняет её одержимый интерес к Дел, не так ли?

Рейвен раздражённо посмотрела на меня:

– Кажется, ты хотела куда-то уехать, Кейт? Лучше поторопиться, а то погода ухудшается.

Я поняла намёк, взяла свою куртку и ключи, оставив Рейвен сидеть за столом.

Интересно, кто ещё знает правду об отце Опал?

Перед поворотом на шоссе I-89 до Барлингтона я остановилась в городе возле универмага «Хаскис», где я купила стакан кофе и баночку аспирина. Моя лодыжка до сих пор пульсировала болью, и голова по-прежнему была тяжелой. Я решила воздерживаться от виски до конца визита.

– Слышал о кошке твоей матери, – сказал Джим Хаскуэй, когда пробивал чеки на мои покупки. – Чертовски странно, что ей перерезали горло таким образом.

Ну, нет. Только не это. Я спешила и была не в настроении выслушивать мелкие городские сплетни.

Тем не менее я кивнула.

– Ещё одна странная вещь, – продолжал Джим, – я имею в виду старое убийство Дел Гризуолд. Когда я встретился с Элли Миллер на похоронах Тори, то упомянул, что ты вернулась в город и помогаешь своей матери.

Слово за слово, и Элли сказала, что вы с маленькой Делорес когда-то были лучшими подругами. Насколько я понимаю, Элли была потрясена убийством дочери и могла что-то перепутать, поскольку ты раньше говорила, что была едва знакома с дочкой Гризуолда.

Он наблюдал за моей реакцией с явным подозрением. Отлично, сыщик-любитель из маленького городка, – берегись, Анжела Лэнсбери^[22]. Я хотела предложить, чтобы Джим придерживался роли бригадира пожарной команды, но мне помешал сигнал его полицейского сканера, приковавший общее внимание. Вслед за сигналом послышался потрескивающий голос диспетчера, сообщившего об авто-мобильной аварии в городе возле водопада. А потом воздух зазвенел от целой серии электронных гудков.

– Должно быть, Элли ошиблась: это было очень давно. – Я положила деньги на стойку и поспешила к выходу, не дожидаясь сдачи. Он слишком сосредоточился на сканере и не окликнул меня.

Я остановила взятый напрокат автомобиль перед антикварной лавкой Миллера, и когда заглянула за вывеску «Закрыто до весны», прикрепленную к оконной витрине прозрачной пленкой, то увидела женщину, сидевшую за столом и перебиравшую кучу открыток, в которой сразу же узнала Элли. Она мало изменилась с тех пор, как я последний раз видела ее в день окончания средней школы. Она по-прежнему могла похвастаться превосходной осанкой, модной и очень аккуратной одеждой. Ее волосы стали светлее, чем раньше, и она носила их собранными в узел на затылке. Когда она подняла голову и увидела меня, я почувствовала, что должна поздороваться с ней, и подошла к двери магазина, которая, несмотря на вывеску, была открыта.

– Я слышала, что ты в городе, – ровным голосом произнесла она.

Я тоже рада видеть тебя, Элли.

В лавке пахло старой кожей и политурой для мебели. Сигнальные колокольчики, подвешенные на тонкой веревке, зазвенели вразнобой, когда закрылась дверь.

– Слово не воробей, – отозвалась я, изобразив дружелюбную улыбку. Элли вернулась к открыткам, которые она разбирала на столе. Старые, раскрашенные сепией, образы Вермонта давно минувших дней. Перед стопками пожелтевших открыток лежали серебряный ножичек для открывания писем, ручка и блокнот. Стол был маленьким, почти детского размера, и Элли сидела, с трудом умещая колени под крышкой, что казалось чрезвычайно неудобным.

В самом магазине царил беспорядок, как будто там устроили большую

реорганизацию перед началом нового сезона. В глубине стояла лестница, прислоненная к рядам пустых книжных полок, выстроившихся от пола до потолка. Вокруг были разложены коробки с аккуратными надписями, планшеты, ценники и справочники о старинных вещах и коллекционных предметах.

– Сожалею о твоей утрате, – сказала я. Слова прозвучали фальшиво. Она не подняла голову и продолжала разбирать открытки, как будто это была колода Таро с картами, предвещающими неопределенное будущее.

– Люди говорят, – наконец произнесла Элли подрагивающим голосом. – Люди говорят, ты могла быть причастна к тому, что случилось с Тори.

Ее лицо исказилось, когда она произнесла имя дочери. Она провела пальцами по пятнистой открытке с изображением старого водяного колеса, некогда вращавшего жернова городской мельницы. Давным-давно. Дерево сгнило, металл обратился в пыль.

– Я?

– Ты и Ник Гризуолд.

Великолепно. Преступный дуэт в развитии.

Я, не удержавшись, рассмеялась.

– Я и Ник Гризуолд, – повторила я. – Ты правда так думаешь, Элли?

Она поджала губы и с прищуром взглянула на открытку с фотографией: упряжка лошадей и мужчина, везущий ведра с кленовым сиропом. Квинтэссенция Вермонта.

– Да нет. Теперь я уже так не думаю. Когда теряешь ребенка, то перестаешь думать. – Ее слова были резкими, взгляд не отрывался от открытки. Я сочувственно кивнула, понимая, что она все равно не видит.

– Я слышала, что думает Ник, – сказала Элли. – Он шатается по городу и говорит, что это сделала Картофельная Девочка. – Она презрительно фыркнула. – Когда здесь что-то случается, все винят Картофельную Девочку. Если случается засуха, это ее вина. Автомобиль врезался в столб – она виновата. Но мне уже тошно это слышать. Мне тошно, когда я слышу ее имя в сочетании с именем моей Тори. – Ее пальцы дрожали, когда она проводила ими по открыткам, наугад раскладывая их.

– Понимаю, – сказала я.

– Нет! – гневно возразила она. – Нет, ты не понимаешь. Зачем ты вообще приехала сюда, Кейт? Напомнить о старых временах? Сказать, что тебе жаль о том, что случилось с моей дочерью?

Элли впервые посмотрела на меня, пригвоздив к месту горящим взглядом. Она еще больше выпрямила спину и со стуком уперлась

коленими в маленькую деревянную столешницу.

– Мне *правда* жаль. – Я едва не скулила. – Я лишь хотела выразить соболезнование. Сейчас я уйду и оставлю тебя в покое.

– Хорошая мысль, – сказала она. – Почему бы тебе не сесть в твой маленький автомобиль и не убраться из Нового Ханаана, Кейт? Ты приехала сюда, и начались неприятности.

В этом она была права. Мог ли мой приезд стать спусковым крючком? Привести в движение некие силы? Или это было лишь неудачное стечение обстоятельств?

– *Убирайся!* – рявкнула Элли. Она быстро встала и указала рукой на дверь. При этом она зацепила коленями столик, и тот перевернулся. Открытки разлетелись по полу; маленький ножик скользнул к моим ногам. Элли наклонилась, поднимая открытки, и начала всхлипывать. Я подобрала ножик и шагнула к ней, чтобы помочь ей собрать открытки. Элли отпрянула и обхватила горло рукой.

– Теперь ты собираешься прирезать меня? Думаешь, я мало страдала? Думаешь, ты можешь причинить мне еще больше боли?

Теперь она рыдала. Я уронила ножик на пол.

– Господи, нет. Прости, я только хотела... Из-вини.

Элли все еще прикрывала горло ладонью.

– Знаешь, на самом деле я думаю, что ты не убивала мою дочь, – сказала она сквозь слезы.

Прежде чем я сообразила, что ей ответить, она продолжила:

– Но, думаю, тебе известно, кто это сделал. Я вижу это в твоих глазах. Я вижу это так же ясно, как и то, что ты на самом деле была лучшей подружкой Дел, и все, что ты рассказывала о ней мне и Саманте, было дерьмом собачьим. Я права, Кейт?

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, ну просто что угодно – *не твое дело, ради всего святого, мы учились в пятом классе, какая теперь разница*, – но вместо этого я захлопнула рот, развернулась и вышла на улицу. В конце концов она заставила меня почувствовать себя преступницей.

– Я права? – окликнула Элли, в отчаянии повысив голос. Я захлопнула дверь, прыгнула в автомобиль и уехала, не оглядываясь назад.

Салон татуировки «Дракон Майк» находился на Перл-стрит, зажатый между школой косметологии и китайской закусочной, торгующей навынос. Передняя была плохо освещена, а стены обклеены узорами тату. В углу стоял большой металлический стол, рядом с ним – мягкое кресло и

раскладной стул. Позади стола висела красная занавеска, из-за которой доносилось монотонное жужжание двух голосов, мужского и женского. Через минуту оттуда вышла женщина с пурпурными волосами, преображенными с помощью лака в острые шипы. На ней были узкие джинсы, мотоциклетные ботинки, белая футболка и кожаный жилет.

– Как дела? – спросила она.

– Нормально.

– Ну и хорошо. Не торопитесь, посмотрите все наши предложения. У нас есть несколько альбомов. Спрашивайте, если захотите узнать цену или что-то еще. Вы раньше делали татуировку?

– Нет.

– Девственница, значит? Ну, по правде говоря, на одной вы не остановитесь. В них что-то есть, поэтому их никогда не бывает достаточно. Что-то вроде неистребимой привычки.

Она раскинула руки, выставив свои тату на обозрение. Руки женщины были увиты десятками алых роз с вплетенными сердцами, черной пантерой и ярко раскрашенными бабочками.

– Это лишь вершина айсберга, – сказала она и подмигнула. – Настоящая красота остается скрытой.

Я очень надеялась, что она не предложит мне посмотреть.

Это хорошая боль.

– Вообще-то, на самом деле я пришла не за татуировкой, – призналась я. – Я надеялась поговорить с Майком.

Она скептически посмотрела на меня:

– Вы знаете Майка?

– Да, мы вместе ходили в школу.

– Тогда вам известно, что он не любитель поболтать.

Я кивнула, и она продолжала, задумчиво глядя перед собой:

– Некоторые мои подруги удивляются, что я делаю рядом с парнем, который не может говорить, но я так понимаю, что Бог забрал у него одну вещь и дал взамен другую. Этот человек – художник. У него есть дар. Понимаете, о чем я говорю? Нужно быть благодарным за то, что у тебя есть, а не горевать о том, чего нет. Верно?

Я снова кивнула. Она широко улыбнулась, показав несколько зубов с золотыми накладками.

– Сейчас он наносит последние штрихи на очередную работу. Я передам, что его ждут. Кажется, вы говорили, как вас зовут?

– Кейт. Кейт Сайфер. Не знаю, помнит ли он меня.

– Я все передам. – Она снова исчезла за занавеской, оставив меня

изучать рисунки на стенах. Я оказалась лицом к лицу с черепами, со змеями, выползающими из глазниц, и с черепами, увитыми венками роз.

«Кости, – подумала я. – От Дел остались только кости». Или нет? Я поежилась.

Женщина вышла из-за занавески.

– Он освободится через минуту, а мне пора домой. Устраивайтесь поудобнее. – Она указала на старое виниловое кресло с откидывающейся спинкой, стоявшее в углу. Рядом с ним находился кофейный столик с кипами журналов о татуировке. Женщина достала из-под стола кожаную куртку и направилась к выходу. – До встречи, – обронила она на прощание.

Через несколько минут занавеска отодвинулась в сторону, и в комнату вошел здоровенный детина в сопровождении высокого худого мужчины с волосами, собранными в «конский хвост». Я помнила, каким высоким и худым был Майк, и теперь мне казалось, мало что изменилось, пока я не услышала слова худого парня.

– Спасибо, Майк, – сказал он и вручил неуклюжему великану пачку купюр. Тот кивнул и улыбнулся. Худой вышел из салона.

– Майк? Майк Шейн?

Я сама едва не онемела. Мой старый школьный знакомый теперь напоминал вариант Халка^[23] в байкерском варианте, плюс золотое кольцо в ухе. На нем были драные джинсы и черный кожаный жилет, натянутый на голое тело. Его обнаженная кожа в буквальном смысле бугрилась мышцами, а его бицепсы в окружности были почти такими же, как моя талия.

Он кивнул мне с бесстрастным выражением лица.

– Я Кейт Сайфер. Мы вместе ходили в школу, помнишь?

Последовал еще один кивок.

– Я пришла сюда по делу... хотя оно довольно странное. Это насчет Дел Гризуолд.

На этот раз кивка не последовало. Он вдохнул и на какое-то время задержал дыхание, отчего его невероятно широкая грудь еще больше увеличилась в размере. Потом он жестом указал на стол, и я устроилась на складном стуле напротив него. Он достал отрывной блокнот и ручку, написал одно предложение и повернул бумагу ко мне.

Что тебе нужно?

– Я хочу узнать о татуировке Дел.

Он прищурился.

О какой татуировке?

– О букве «М» у нее на груди. Ее сделал ты, верно?

Он почти целую минуту смотрел на меня, но так ничего и не написал. Я поняла, что он не собирается ни о чем мне рассказывать, если я не поделюсь с ним первой.

– Никто не знает о татуировке, Майк. Думаю, я была единственной, кому Дел показала ее. Она очень гордилась этой татуировкой. Она говорила, что ее сделал особенный человек.

Я не убивал Дел.

– Я верю тебе. Мне просто нужно узнать о татуировке.

Он стал что-то быстро писать, а потом вызывающе толкнул блокнот в мою сторону. Листок был покрыт аккуратно выписанными, немного наклонными печатными буквами, удивительно разборчивыми для такой скорости письма.

Когда убили Дел, я находился в отделении «Скорой помощи». Мне сделали рентген, вправили руку и нос. Ты видела, как меня избили в тот день. Полицейские знали, что я не убивал Дел. Им было достаточно заглянуть в палату и увидеть мою сломанную руку.

– Полицейские так и не узнали о татуировке, Майк. Убийца срезал ее.

Его лицо обмякло, глаза остекленели, и он уперся взглядом в крышку стола.

– Я заключу с тобой сделку, – продолжала я. – Если ты расскажешь мне правду о татуировке, я не стану сообщать о ней в полицию. Я верю, что ты не убивал ее. Как ты и сказал, это было невозможно. Но я думаю, что ты мог изобразить на ее груди эту букву «М». Еще я думаю, что эта часть истории может представлять большой интерес для полиции.

Он посмотрел мне в глаза и написал:

Это было 30 лет назад.

– Да, я знаю. Но если ты не слышал, то произошло еще одно убийство, один в один похожее на старое. Убили дочь Элли Буши. Поэтому полицейские внезапно заинтересовались нераскрытым делом Дел Гризуолд. Одно из двух: либо я расскажу им о том, что мне известно, либо ты поможешь мне. Я не хочу для тебя никаких неприятностей, Майк. Я просто хочу знать, что произошло на самом деле. Я хочу понять все, что только смогу, о последних месяцах жизни Дел.

Майк взглянул на меня, потом посмотрел на свой желтый блокнот. Он взял ручку и начал писать. Он нахмурил лоб и прищурился. Он так крепко сжимал ручку, что казалось, она вот-вот переломится пополам. Сначала Майк писал медленно, потом все быстрее и быстрее, буквы спешили друг за другом, словно бегуны на короткой дистанции. Он заполнил три страницы; когда он заканчивал одну страницу, то отрывал ее, толкал ко мне

и сразу же начинал следующую. Когда он закончил, то вытер пот со лба и отложил ручку.

Большинство людей не знали Дел так же хорошо, как я. Они считали ее туповатой или даже слабоумной; полагаю, ко мне они относились точно так же. «Два боба из одного стручка», – вот что я писал в своих записках для Дел. Она говорила, что мы больше похожи на луковицы, чем на бобы, и у каждого из нас есть много слоев. Когда люди смотрели, они видели нашу грязную шелуху, и не более того. Так говорила Дел.

Я сделал себе первую татуировку, когда мне было 12 лет. Маленькое сердце с инициалами «ДГ» внутри, на правом бедре. Я сказал Люси, что это значит «Дорогой Господь», но она должна была догадаться, что это неправда. Я никогда не рассказывал ей о Дел и не собираюсь этого делать. Не думаю, что она уйдет от меня, но если она узнает, что я так сильно любил другую, это может разбить ей сердце. Даже несмотря на то, что я тогда был ребенком. А если она узнает, что та девушка умерла, то никакого соперничества не получится. Нельзя соперничать с первой любовью, особенно если она умерла. Ты всегда будешь чувствовать себя второй.

Я на самом деле любил Дел. Все ее слои. Даже если мне приходилось плакать, когда я раскрывал их. Эта девочка всегда находила новые способы доводить меня до слез. Она говорила, что у нее были другие парни. Иногда она описывала, чем занималась с ними, как будто от этого я должен был беситься или ревновать, но на самом деле я только плакал. Но она называла меня своим единственным избранныком. Я был особенным человеком. И в доказательство она попросила меня вытатуировать мое имя на ее груди. Так мы будем навеки связаны друг с другом... Да, навеки.

Как тебе известно, вечных вещей не существует. Я дошел только до буквы «М». Потом какой-то ублюдок, – думаю, один из тех других парней, – убил ее. Может быть, он увидел татуировку и обезумел от ревности. Может быть, поэтому он и порезал Дел: чтобы она принадлежала только ему. Я мог понять это, пусть даже извращенным образом. Но я не имел представления, что он срезал татуировку. Я все время ожидал, что полицейские найдут связь между мной и буквой «М», но этого так и не произошло.

Так или иначе, я не убивал ее и не знаю, кто это сделал. Эта девочка была чертовски таинственной. Да, я любил ее, но так и не приблизился к центру, если ты понимаешь, что я имею в виду. К ядру луковицы. Я лишь поцарапал поверхность. Оставил метку в виде первой буквы моего имени.

Я завершила чтение и подтолкнула исписанные листки в сторону Майка. Меня одолевали противоречивые чувства. Зависть, смирение, тоска. Любила ли я кого-нибудь так же сильно, как Майк любил Дел? Достаточно сильно, чтобы запечатлеть его инициалы на своей коже, а мои инициалы – на его коже? Я завидовала Майку, испытывавшему такую любовь. И тому, что он имел возможность так хорошо узнать Дел. Я осознала, что мне не хватило смелости раскрыть эти слои, не только с Дел, но и с любым другим человеком. Даже с моим мужем... бывшим мужем.

Одно было ясно: я совсем не знала Дел. У нее была своя жизнь, о которой мне ничего не было известно. Жизнь с парнями, которые любили ее, набивали ей тату, путались с нею. И один из них убил ее. Интуиция подсказывала мне, что это был не тот великан, который сидел за столом напротив меня. Он любил Дел, он подарил ей букву «М», но я не думала, что он убил ее или знал, кто это сделал.

– Пожалуй, мне нужно сделать татуировку, Дракон Майк, – обратилась я к нему, испытав внезапный прилив бесшабашной храбрости. Здоровяк улыбнулся.

– Я хочу вытатуировать имя, – сказала я. – Пустынная Роза.

Майк кивнул и наклонился над чистым листком в своем блокноте. Он написал имя стилизованными буквами, довольно похожими на букву «М», вытатуированную на груди Дел.

Хочешь какие-нибудь цветы вокруг татуировки? Может быть, красную розу?

– М-мм... нет. Только имя.

Где ты хочешь ее расположить?

– У меня на груди, на том же месте, где у Дел была буква «М».

Майк кивнул и отвел меня за занавеску. Пока он готовился, я спросила его про звезду:

– Майк, помнишь шерифскую звезду, которую ты подарил Дел?

Майк выглядел озадаченным. Он потянулся за блокнотом, написал ответ и передал мне.

Я не дарил Дел эту звезду.

– Тогда кто же это сделал?

Точно не знаю. Кажется, она говорила, что получила звезду от брата, или, возможно, от его знакомого. Да, думаю, так и есть. От какого-то приятеля ее брата.

– Которого из них?

Наверное, младшего. Того, с кем она была близка. Не припомню его

имя.

– Ник?

Верно, Ник. Какой-то приятель Ника. Разве у него не было приятеля, хорошо знакомого с Дел? Какого-то парня, который был постарше ее? Он жил в коммуне на холме. Это он дал ей звезду.

Глава 15

16 июня 1971 года

Последний день в школе был посвящен занятиям на свежем воздухе: кикбол^[24], конкурс по плеванию арбузными семечками на дальность, «трехногий» бег парами с двумя связанными ногами. Звучала магнитофонная запись концерта, который наш школьный ансамбль репетировал целый год. Все выпускники пятого класса получали диплом, даже Арти Пэрису должны были вручить документ о переводе в среднюю школу.

Футбольное поле представляло собой широкое открытое место за игровой площадкой, где собрались все дети из пятого класса начальной школы. Мы провели утро, занимаясь разными играми, а около одиннадцати директор начал готовить на гриле гамбургеры и хот-доги.

После долгого и суматошного ланча мисс Джонстон объявила, что настало время для «охоты на мусор»^[25]. Каждый из нас получил список вещей для поиска и подсказки о том, где можно найти более надежно припрятанные предметы. Некоторые из них были совсем простыми: «камешек размером с десятицентовую монету» или «лютик». Другие были спрятаны учителями: «Найди стихотворение среди деревьев и запиши его»; «Где-то под навесом для инвентаря спрятана картинка знаменитого человека. Расскажи нам, кто он такой и что он сделал».

Я смотрела на картинку и писала «президент Авраам Линкольн», собираясь рассказать, как он освободил рабов, а потом был застрелен в театре человеком по имени Джон Уилкс Бут, когда Элли приблизилась ко мне со спины, запыхавшись от бега.

– Они поймали Картофельную Девочку и Немого Майка у реки. Пошли скорее! – выдохнула она, схватила меня за руку и потащила за собой.

Учителям мы должны были казаться двумя шаловливыми девочками на «мусорной охоте», радостно бегущими по футбольному полю. Мы бежали быстро, и Элли смеялась; ее светлые волосы разметались по плечам, хорошенькое желтое платье хлопало по чистым коленкам. «Разве не замечательно, что эта странная Кейт наконец обзавелась друзьями? – могли говорить учителя друг другу. – Как хорошо, что она вписалась в коллектив!»

За футбольным полем находилась полоса высокой травы, которая

немного дальше уступала место зарослям камышей, похожих на бамбук. Я слышала, что если знаешь, где искать, то можно найти укромную поляну, где начинается тропа. Эта тропинка ведет через траву, камыши и цветочный луг прямо к реке. Именно туда дети и шастали во время перемены, чтобы сбивать верхушки камышей или даже целоваться (так гласили слухи). Казалось, Элли знала дорогу и без промедления нырнула в небольшой просвет между камышами, таща меня за собой. От сырой травы у меня намокли джинсы, а пальцы Элли впились мне в ладонь, когда она тянула меня на звук текущей воды и насмешливых голосов.

Река Лапчатка на самом деле была скорее похожа на ручей. Пожалуй, единственной рыбой, которая там водилась, были пескари, а во время весеннего половодья можно было пересечь ее, промокнув лишь до колен.

Когда мы вышли на поляну на берегу реки, я увидела полтора десятка детей, стоявших извилистым полукругом, смотревших вниз и распевавших стишки о Картофельной Девочке.

Мы с Элли вошли в круг, она все еще держала меня за руку. Думаю, Дел первым делом заметила это, когда взглянула на меня.

Дел лежала спиной на песке, опираясь на локти. Арти Пэрис стоял у ее ног и держал руки Немого Майка в захвате за спиной. Арти удерживал более высокого паренька, словно долговязую тряпичную куклу.

Раз картошка, два картошка, кончилась она,
Нам гнилая-то картошка больше не нужна!

Дети распевали, выкрикивая каждое слово в лицо Дел. Некоторые мальчишки плевали в нее, а жирный Томми лягнул ее под ребра.

Раз картошка, два картошка, три, да и четыре!
Мы дрянную Дел Гризуолд вымоем в сортире!

Казалось, Дел стало легче, когда она увидела меня.

– Пустынная Роза, – пробормотала она. Ее нижняя губа кровоточила. Думаю, она ушиблась при падении, или кто-то ударил ее. Трудно сказать. Но было ясно, что Дел в беде, и я могла быть ее единственным шансом на спасение. Ее заместительница прибыла на место преступления.

Около десятка детей, собравшихся вокруг, начали швырять в нее камешки, – мелкую гальку, которой они набили карманы. Камни

отскакивали от нее и заставляли ее дергаться, словно от укусов пчел.

Я знаю, что должна была помочь Дел, поднять ее из грязи и прорычать предупреждение в адрес Арчи. Мне следовало поступить так, как поступил бы настоящий заместитель шерифа: прикрыть спину моего начальника и стоять вместе с ним до конца.

В колледже я читала в учебнике по социологии о психологии толпы. Полагаю, это максимально возможное оправдание, которое я смогла придумать для себя. Меня охватило чувство принадлежности к стае, и в следующие несколько сумбурных моментов оно казалось более реальным и волнующим, чем моя дружба с Дел.

Ради всего святого, мне было десять лет. Разве не все в таком возрасте совершают подобные ошибки? Моменты слабости и жестокости, рожденной страхом?

Наверное, так происходит с большинством людей. Но я подозреваю, что большинство людей не тратят остаток своей жизни на переживание таких моментов, играя в игру под названием «если бы только...». *Если бы только я подняла Дел из грязи в тот день, если бы я была храброй и преданной, как она, то Дел могла бы остаться в живых.*

Но этого не случилось.

Раз картошка, два картошка, получай-ка в ухо!
Твой папаша тебе брат, а мамаша шлюха!

Этот стишок я хорошо знала и слышала сотни раз, но никогда сама его не декламировала. В тот день, когда Дел лежала в грязи у моих ног, а Элли держала меня за руку, делая меня частью стаи, я присоединилась к остальным.

Дел продолжала пристально смотреть на меня; ее умоляющее лицо исказилось кривой улыбкой, как у резной тыквы на Хэллоуин, обнажавшей сколотый зуб. Потом, лежа в грязи и забрасываемая камнями, она начала смеяться. Она смеялась безудержно, и ее смех лишь еще больше сердил и раззадоривал толпу, собравшуюся вокруг нее. Я была в бешенстве.

– Заткнись! – завопила я. – Просто заткни свою пасть!

В нее летели все более крупные камни. Она дергалась от каждого попадания, но даже не пыталась уклониться. Она с нервным смехом каталась туда-сюда в грязи. Элли наклонилась и подобрала камень, и я последовала ее примеру. Камень яйцевидной формы, который я держала,

был гладким и темным. Он удобно лежал в моей ладони.

– У меня кое-что есть для тебя, Дел, – пропел Арти и презрительно отпихнул от себя Немого Майка. Дети перестали швыряться камнями и стали ждать, что будет дальше. В молчании мы следили, как Арти подошел к краю реки, где подобрал нечто похожее на большой коричневый камень. Он достал перочинный нож и воткнул его в камень, – который, как я быстро догадалась, был картофелиной, – отрезал кусок с краю и поднес его к Дел.

– Открой рот пошире, Картофельная Девочка!

Дел крепко сжала зубы, но в конце концов Арти заставил ее приоткрыть рот и засунул туда кусок картофелины.

– Поешь еще, Делорес, – сказал он и оседлал ее. Он запихал ей в рот еще один кусок сырой картошки, и она захрипела, начиная задыхаться.

– Эй, Немой Майк, ты знаешь, что у твоей жены есть секрет? – спросил Арти, когда отшвырнул остаток картофелины и вытер пальцы о штаны. Он сохранил позицию, пригвоздив Дел к земле своим весом. Майк стоял на коленях в грязи рядом с ним; он оставался в этой позе с тех пор, как Арти отпустил его. Дел изогнула шею и выплюнула куски сырой картошки. Потом она снова зашлась безумным смехом с широкой улыбкой на лице.

– Почему ты не покажешь нам свою татуировку, Дел? – спросил Арти.

Улыбка исчезла с лица Дел, и она замолчала. Она снова устремила взгляд на меня, но теперь ее глаза горели.

– Предателям стреляют в спину, – прошипела она.

– Что? – спросил Арти. – Какого черта это значит? И кто сказал, что тебе позволено говорить, Картофельная Девочка?

Дел начала сопротивляться и попыталась свалить Арти, изгибаясь и брыкаясь, но он держал ее крепко. Я видела, что она носила серебристую звезду, приколотую к ее груди, но для защиты явно требовалось нечто большее. Вот тебе и талисман.

– Кто хочет увидеть татуировку Картофельной Девочки? – поинтересовался Арти. – Четвертак за просмотр. Подходите, не стесняйтесь. Где же у тебя татуировка, Делорес? Может, на заднице?

С этими словами он приподнял ее, перекинул на живот и рывком спустил с нее штаны. На выцветших цветных трусах Дел лопнула резинка, и они повисли, как у клоуна. Арти сдернул их, обнажив ее зад.

– Здесь ничего нет, – проревел он.

Но там кое-что было: на обеих ягодицах расплылись желто-коричневые синяки размером примерно с ладонь. Элли сдавленно ахнула и

отпустила мою руку.

– Боже, девочка, кто тебя побил? – спросил Арти.

Видеть Дел в таком состоянии было слишком для Немого Майка. Он был тощим, но высоким, и когда он набросился на Арти, никто этого не ожидал.

Майк и Арти катались на берегу реки, разбрасывая песок, сопя и кряхтя, как будто никто из них не умел говорить. Арти без труда одержал верх над Майком и принялся методично избивать его. Это была худшая драка, которую я когда-либо видела, – хуже любых потасовок в психиатрической клинике, свидетельницей которых я была впоследствии, хуже боксерских матчей, на которые мой будущий муж таскал меня во время ухаживания. В тот день я видела, как Майку сломали нос и выдернули левую руку из сустава, так что она висела, как перебитое крыло. Но Майк продолжал сражаться, несомненно, воодушевленный своей любовью к Картофельной Девочке и желанием публично отстоять ее честь. Он был слишком занят схваткой и не заметил, как Дел поднялась с места, где она лежала, и попятилась, сначала медленно, но потом повернулась и побежала. Другие дети, увлеченные дракой и кричавшие: «Надери ему задницу, Арти!» и «Мочи немого Майка!», тоже не заметили ухода Дел. Она побежала не к футбольному полю и не в ласковые объятия учителей, а вдоль реки, в сторону города. Не задумываясь, я бросила следом, держа в руке камень. В пылу мальчишеской драки никто не обратил на нас внимания. Мы продолжали бежать.

Дел всегда бегала быстрее меня, и хотя я старалась, но никак не могла сократить дистанцию. По правде говоря, я не знала, что я буду делать, если догону ее. Камень в моей руке свидетельствовал о том, что я погналась за ней не для того, чтобы извиниться.

Никто не кричал мне: «Догони меня, если сможешь!» Слышался только звук наших шагов, молотивших по грязи и камням, да стук сердца, оглушительно звеневший в ушах. Я следовала за ней около мили до моста на Рейлроуд-стрит, а потом увидела, как она повернула на луг мистера Делуки и побежала еще быстрее, в сторону своего дома.

Здесь я в последний раз увидела живую Дел: она бежала через луг, желтая ковбойская рубашка развевалась у нее за спиной, и в каком-то смысле она уже тогда была призраком.

Глава 16

17 ноября 2002 года

Вскоре после шести вечера я остановилась у платного телефона на шоссе, чтобы позвонить домой. Имя, вытатуированное на моей забинтованной груди, горело как сотня пчелиных укусов. Я спешила вернуться в Новый Ханаан, надеясь опередить снегопад, о котором предупреждали ведущие по радио. Они сообщали о снежном буране, который начался в южном Вермонте и продвигался на север. Ночь обещала большое ненастье. Прогнозы напомнили мне слова Элли о том, что люди винят Картофельную Девочку даже в плохой погоде. Может быть, на нас надвигался снежный шторм по имени Дел?

– Привет, Рейвен. Звоню просто для проверки. Я еду домой.

– Кейт! Хорошо, что ты позвонила. У нас был несчастный случай.

– Мама?

– Нет-нет, не Джин. Она проснулась вскоре после твоего отъезда и весь день рисовала в своей студии. Больше никаких косметических ремонтов. Она ведет себя очень спокойно. Это Ник. Он разбил свой грузовичок во второй половине дня, почти сразу же после того, как ты уехала. Прямо у водопада.

Я вспомнила голоса в полицейском сканере Джима.

– Господи, он в порядке? – Я затаила дыхание, опасаясь худшего.

– Это был скверный инцидент, но, думаю, с ним все будет нормально. Он сломал лодыжку. Его собираются отпустить из больницы. Он звонил каждые двадцать минут и спрашивал, не вернулась ли ты. Эти постоянные звонки доводили меня до безумия. Он надеялся, что ты заберешь его. Говорил, что ему *нужно* встретиться с тобой. – Ее голос при этих словах стал ребячески язвительным.

– Ладно, если ты еще какое-то время сможешь побыть с моей матерью, я заеду в больницу и заберу его.

– Хорошо, Кейт. Я все еще дожидаюсь Опал. Она уехала на велосипеде как раз перед тем, как я пришла посидеть с Джин. Собиралась встретиться со мной здесь и поужинать, я сделала рататуй. Мы оставим немного для тебя и Ника.

Медсестра из отделения скорой помощи обсудила со мной состояние Ника. Она сообщила, что не исключает сотрясения мозга, и выдала мне

список симптомов, которые могут об этом свидетельствовать. Когда она узнала, что я профессиональная медсестра, ей стало заметно легче.

– Тогда вы знаете, что он нуждается в ночном наблюдении.

– Он может остаться со мной и моей матерью. Мы позаботимся о нем.

Она отвела меня в палату травматологии № 3, где Ник лежал на каталке. Его левая лодыжка была загипсована, порезанное лицо распухло. Ему сделали семь стежков над левым глазом и еще два на мочке левого уха. Увидев меня, он улыбнулся:

– Привет тебе, Пустынная Роза. Я выгляжу хуже, чем есть на самом деле. Но чувствую я себя неплохо.

– Надо полагать, с учетом обезболивающих, которыми тебя накачали. Что случилось, Никки?

– Вот что: заведи меня отсюда, а в машине мы поговорим. Моя берлога недалеко отсюда, если ехать по переулкам.

– Ну, нет. – Я покачала головой. – Я отвезу тебя в дом матери. Тебе еще нельзя оставаться одному. Утром мы заглянем к тебе домой и заберем кое-какие вещи. Ты останешься с нами столько, сколько понадобится.

– Что ж, сестра Кейт, полагаю, я в хороших руках. Я бы поскорее куда-нибудь врезался, если бы знал, что в результате окажусь под одной крышей с тобой.

Он улыбался, пока каталку, на которой он лежал, везли в коридор.

Медсестра вернулась и дала Нику на подпись бланк о выписке из больницы. Его пистолет остался на хранении у одного из полицейских, дежуривших в больнице, и она объяснила нам, как забрать оружие. Санитар покатил Ника к автомобилю, а я несла его костыли и обезболивающие средства. Я также позаботилась о пистолете и сказала ему, что он останется у меня вместе с лекарствами.

– Насколько я помню, ты чертовски хороший стрелок, – сказал он. – Я могу оказаться в опасности.

Я запихнула пистолет в карман парки после того, как Ник показал мне, что он стоит на предохранителе.

Ник умудрился забраться на переднее сиденье и пристегнуть ремень безопасности. Когда мы отъехали, он первым делом попросил у меня закурить.

– У меня нет сигарет. Мы можем остановиться и купить по дороге.

– Пожалуй, тогда и бутылку чего-нибудь покрепче. Мне не мешает выпить.

– Только не с обезболивающими, Ник. Никакого алкоголя, ты и так под кайфом. Ну как, ты расскажешь мне, что случилось?

Он немного помолчал.

– Ну? – нетерпеливо поторопила я.

– Хорошо, я расскажу. Наверное, ты единственная, кто может поверить мне, судя по той мутной хренотени, через которую тебе пришлось пройти в последнее время. Я сказал копам, что вильнул в сторону, когда пытался объехать собаку на дороге, но на самом деле все было не так, Кейт. Сегодня днем я уехал от тебя к себе домой, верно? И вот я размышлял о разных вещах и вроде как сильно задумался. В основном я думал о тебе. И о прошлой ночи. – Он потянулся, положил руку мне на бедро и легко сжал. Потом он медленно провел пальцами вверх по ноге, пока я не прихлопнула его руку своей ладонью и не прекратила эти поползновения.

– Что случилось потом? – спросила я.

Он убрал руку и через ветровое стекло уставился в темную ночь.

– Потом я доехал до поворота у реки. В том месте, где водопад, помнишь?

Я кивнула, думая об открытке со старым водяным колесом, которую Элли держала в руках сегодня днем. На фотографии было изображено то самое место, о котором говорил Ник.

– И будь я проклят, если на дорогу не выбежала маленькая девочка. Она бежала прямо передо мной, Кейт. Быстро, как полоумный койот. Я резко вывернул руль вправо. Чисто инстинктивное движение. В следующий момент автомобиль съехал с набережной, и я куда-то покатился. Думаю, я ненадолго вырубился, или что-то в этом роде. Когда я пришел в себя, грузовичок стоял посреди реки рядом с водопадом. Слава богу, это не настоящая река; вода только залила колеса. Ветровое стекло разлетелось вдребезги, повсюду кровь и стекло. Я вытер кровь с глаз, посмотрел в боковое окошко и увидел ее. Она просто стояла наверху, на берегу, и смеялась. Это была Дел. Моя гребаная младшая сестра. Я снова вырубился, а в следующий момент Джим Хаскуэй и пара ребят из пожарной команды уже вытягивали меня наружу и привязывали к носилкам.

Я ничего не сказала, только крепче сжала руль и посмотрела на темную дорогу впереди. Пошел снег.

– Я знаю, что ты думаешь, – продолжал Ник. – Ты думаешь, что мне померещилось. Что у меня были галлюцинации. Но, черт побери, Кейт, это Дел стояла там и смотрела на меня точно так же, как ты сейчас сидишь рядом со мной. Это точно была Дел.

По правде говоря, я верила ему, но посчитала более удобным для себя оставаться в хорошо заученной роли скептика. Это делало происходящее немного менее устрашающим.

– И ты ничего не пил?

– Боже мой, Кейт! Я только что уехал от тебя. Я был трезв, как стеклышко. В моем желудке болтался только сэндвич с тунцом и стакан молока, которым ты меня угостила.

Снег повалил сильнее, и теперь езда напоминала управление космическим кораблем, летящим между звезд на сверхсветовой скорости. Я замедлила ход, опасаясь потерять из виду дорогу.

– Я хотела тебя спросить еще кое о чем, – сказала я.

– Валяй.

– Тебе известно, кто отец Опал?

Я оторвала взгляд от заснеженного пейзажа перед собой и на несколько секунд сосредоточилась на Нике. Он задвигался так, словно пытался устроиться поудобнее, но без особого успеха.

– Да. Рейвен сказала мне. И решила сделать это на папиных похоронах. Думаю, она пришла в похоронную контору только ради того, чтобы лично убедиться, что его больше нет. Черт, вполне возможно, что половина людей собралась в том зале по той же самой причине. Мой отец не был святым. В свое время он причинил людям много зла, включая и нас с Дел. Когда он напивался, то обращался с нами хуже, чем с бродячими собаками. Иногда по ночам я слышал, как он отпраплялся в комнату Дел. Я знал, что он там делает. Но Дел никогда не говорила ни слова, и я тоже молчал. Поэтому когда Рейвен сказала мне, что он с ней сотворил, я почти не удивился.

Не знаю, чего Рейвен ожидала от меня, но как бы то ни было, я ничем не мог ее утешить. Я не мог извиниться за отца или объяснить, почему он был таким, каким он был. Потом, когда она сообщила мне, что беременна и хочет сохранить ребенка, я едва не обосрался. Я предложил помочь, дать ей столько денег, сколько смогу, но она отказалась. Пожалуй, она не хотела иметь ничего, что связывало бы невинного младенца с нашей полоумной семейкой. Это я мог понять. Мне просто хотелось что-то сделать для нее.

Остальную дорогу до дома мы с Ником молчали. Я оставила автомобиль на холостом ходу, когда зашла в «Хаскис» купить пачку сигарет. Для меня было облегчением увидеть за стойкой девочку-подростка, а не Джима. Свет в антикварной лавке погас: Элли тоже ушла домой.

Когда мы доехали до подножия холма Буллраш, я бросила взгляд на искореженный почтовый ящик и качающуюся вывеску у дома Гризуолдов и заметила во дворе какое-то движение. Было темно, шел густой снег, но я была уверена, что краешком глаза увидела светловолосого ребенка, исчезнувшего за домом.

– Ты видел это? – спросила я и ударила по тормозам. Автомобиль занесло примерно на два фута.

– Что? – Ник проследил за моим взглядом до развалин своего старого дома.

Дел. Это была Дел.

– Кажется, ничего особенного. Должно быть, какое-то животное. – Я решила, что Ник достаточно возбужден и без моих новых откровений. В конце концов, возможно, это было все-таки животное, и мое зрение от снегопада просто давало сбой. Метель размывала очертания вещей, придавая им эфирные, призрачные свойства. Метель по имени Дел.

Я нажала на газ и поползла вверх по склону холма; покрышки арендованного автомобиля вращались и проскальзывали в снегу.

Когда мы добрались до дома моей матери, Рейвен была вне себя от беспокойства. Рядом с ней на кухне был Гэбриэл.

– Опал пропала, – сказала она. – Ее нигде нет. Я обзвонила всех ее подруг, но ее никто не видел. Ее нет уже больше четырех часов, и она не может разъезжать на велосипеде в такую погоду. Что-то случилось.

Ник неуклюже устроился за столом и прислонил костыли к стулу.

Как мне не хотелось сказать Рейвен, чтобы она успокоилась и что Опал в любую минуту может вернуться живой и здоровой, я остро чувствовала, что это неправда.

– Ты звонила в полицию? – спросила я.

– Разумеется, – ответила Рейвен. – Сыщики сказали, что пока не о чем беспокоиться, но они так или иначе собирались заехать примерно через час и взглянуть на нож, который я нашла.

– Нож?

– Я нашла его в запертом ящике на кухне, когда стала готовить ужин. Этот нож не принадлежит твоей матери. Раньше я никогда не видела его.

Рейвен протянула запечатанный пластиковый пакетик с маленьким фруктовым ножом внутри. Я узнала нож, которым моя мать резала клубнику в первое утро после моего возвращения домой. Утро после убийства. Мои мысли переключились на то, какой растрепанной выглядела моя мать тогда, с листьями и грязью, налипшей на повязки, покрытые чем-то похожим на засохшую кровь. Могла ли мать отправиться в лес и найти там нож?

Еще одна, гораздо более пугающая мысль всплыла на поверхность, – мысль, которую я уже несколько дней загоняла туда, откуда она взялась. Что, если мама воспользовалась ножом? Возможно ли, что эта больная,

хрупкая пожилая женщина была убийцей Тори Миллер? Большую часть времени она явно находилась не в своем уме... но убийство? В этом я сомневалась.

Но если Дел каким-то образом пробралась в ее голову...

– Под рукояткой застрял клочок светлых волос, – сказала Рейвен. – Если посмотришь внимательно, то увидишь.

Я взяла пакетик и убедилась, что Рейвен права: там была тонкая прядь, всего лишь несколько светлых, почти выцветших волосков.

– Полагаю, ты не знаешь, откуда взялся этот нож? – спросила Рейвен, и я покачала головой.

– Он был здесь с моего приезда, – объяснила я. – Мы пользовались им, когда делали оладьи с клубникой в первое утро, когда я приехала сюда.

Рейвен, прищурившись, посмотрела на меня, забрала нож и аккуратно уложила его в свою сумочку.

– Мы собираемся объехать вокруг на «Шевроле», – сказал Гэбриэл. – Посмотрим, может, отыщем следы Опал.

– Хотите, чтобы я поехала с вами? – спросила я.

– Нет, – ответил Гэбриэл. – Оставайся здесь и присматривай за матерью. Мы дадим тебе знать, если что-нибудь найдем.

– Будьте осторожнее, – предупредила я. – На дороге очень скользко.

– Пойду, прогрею машину, – сказал Гэбриэл и покинул нас.

Рейвен торопливо прошла в переднюю за своим пальто и сапогами. Я последовала за ней.

– Рататуй стоит на плите; твоя мать отказалась от еды. Она работала над картиной примерно до половины седьмого, а потом пошла в свою комнату и легла там. Она сказала, что картина закончена. И еще одно, Кейт. – Рейвен застегивала верхнюю пуговицу пальто. – Где твоя мать нашла этот старый значок?

– Значок?

– Да, она приколотла к своей блузке ржавую шерифскую звезду. Похоже на детскую игрушку. Я подумала, может быть, это какая-то из твоих старых вещей.

Я тупо уставилась на нее, словно она говорила на неизвестном мне языке. Мне хотелось знать, слышала ли Рейвен о такой мелкой подробности, как пропавшая звезда в нерешенном деле об убийстве Дел Гризуолд. Если слышала, то, наверное, полицейские бы уже поджидали меня с наручниками и ножными кандалами.

– Я беспокоилась, что она может пораниться, – объяснила Рейвен. – У этой звезды очень острые лучи. Наверное, тебе нужно убрать ее подальше.

– Да, – согласилась я. – Я спрячу ее от матери.

И как можно скорее. Особенно потому, что полицейские уже едут сюда.

После ухода Рейвен я вернулась на кухню, поспешно наложила рататуй в тарелку Ника и сказала ему, что я собираюсь переодеться. Мне нужно было немного побыть наедине со своими мыслями.

Опал исчезла. Я знала, что убийца захватил ее. Ворох разрозненных фрагментов головоломки кружился в моей голове, но некоторые из них постепенно начали занимать свои места. Я понимала, что следующим шагом будет разговор с матерью. Но сначала мне нужно было взглянуть на ее законченную картину.

Мысль о том, чтобы вернуться одной в студию, пугала меня, но я не собиралась тащить Ника с собой. Я должна была сделать это сама. Кроме того, напомнила я себе, это всего лишь картина.

– Разве ты не хочешь поесть? – спросил Ник, когда я поставила перед ним тарелку.

– Нет, я поела в Барлингтоне, – солгала я.

– Что ты там вообще делала? Рейвен сказала, что ты уехала на встречу со старым знакомым. Это был Майк? Ты нашла его?

– Нет. Я зашла в салон, но его там не было. – Вторая ложь далась легче, чем первая. Это казалось проще и безопаснее, чем рассказывать ему все, о чем я узнала, и объяснять то, что я начинала подозревать.

– Скоро буду. Я только переоденусь.

– Во что-нибудь более удобное? – поинтересовался он с лукавой улыбкой.

Я взъерошила его волосы, и он прильнул ко мне, прижавшись головой к моему животу. Потом он поднял мне рубашку и стал целовать меня, сначала легко, а потом проводя языком вдоль верхнего края джинсов. Я поежилась и отодвинулась.

– Кажется, медикаменты ударили тебе в голову, – шутливо заметила я. – Ешь давай.

Он попытался снова привлечь меня к себе, но я игривой походкой отошла в сторону и пообещала, что скоро вернусь.

Я принесла в студию зажженную свечу и закрыла за собой дверь. Моя мать накрыла картину на мольберте старой белой простыней.

Я подошла ближе, держа свечу перед собой дрожащими руками. Когда я потянула простыню, то мне это напомнило, как дети снимают костюм для Хэллоуина. Меня страшила мысль о том, что если я сниму простыню, то увижу Дел во плоти. Я смотрела на ткань и была готова поклясться, что

видела, как она шевелится, словно от дуновения ветерка, которого я не чувствовала.

Это всего лишь картина. Всего лишь картина.

Я подалась вперед, схватила простыню и откинула ее.

Языки пламени были почти трехмерными, с гипнотическими переливами красных, желтых, оранжевых, голубых и пурпурных оттенков. Сумрачная фигура в углу превратилась в полноценного человека, который, казалось, чувствовал себя как дома в бушующем пламени. Словно она родилась в нем. Девушка, нарисованная моей матерью в углу картины, была точным подобием Дел.

На ней была желтая ковбойская рубашка и синие вельветовые штаны с толстым кожаным поясом, – в этой одежде она была в день убийства. Ее серо-голубые глаза смотрели на меня, а на лице играла полу-улыбка, в то время как языки пламени плясали вокруг нее и лизали ее ноги, словно голодные псы. Шерифская звезда была приколотая к ее груди прямо над татуировкой с буквой «М».

«М» – значит «Майк». Моя собственная татуировка вспыхнула в ответ. Я почти слышала, как Дел произносит мое прозвище. *Пустынная Роза*. Красивое имя для красивого цвета. *Привет, Пустынная Роза*.

– Привет, Дел, – обратилась я к картине, подумав о том, что если я услышу собственные слова, то страх уменьшится.

Пламя моей свечи ярко вспыхнуло и осветило картину. Лицо Дел сияло, окруженное разноцветным, бурлящим морем огня, нарисованным моей матерью. Потом я услышала звук, похожий на тихий смех. Он исходил не от самой картины, но отовсюду вокруг меня: от стен, от окон, из-под кровати. Огонек свечи уменьшился, мигнул и погас, оставив меня в полной темноте.

Я поняла, что теперь не одна.

Глава 17

17 ноября 2002 года

С годами я все больше думала о Пэтси Маринелли и вспоминала ее слова, сказанные в тот вечер, когда я поведала ей о Дел. *Мертвые могут винить нас.* Но большей частью я думала о том, что в конце концов стало с огромной женщиной, которую мы все называли тогда Крошкой.

Когда это произошло, меня там не было, но, когда я заступила на смену, то увидела, как увозят ее тело. Медсестры из предыдущей смены рассказали мне свою версию произошедшего, а когда я прочитала журнал записей, то подробностей стало больше.

После обеда Пэтси обошла больничные палаты, прощаясь с пациентами больницы. Одна из медсестер ради забавы спросила, куда она собирается. *Мой муж зовет меня,* – сказала Пэтси. – *Я скоро уйду.* Потом она ушла в свою комнату и закрыла за собой дверь.

«Бедная Крошка, – говорили сестры друг другу. – Теперь она забыла, что ее муж давно умер».

Во время обхода в десять вечера они нашли Пэтси Маринелли в ее постели с посиневшим лицом и широко распахнутыми глазами. Она подавилась собственным языком и умерла от удушья.

Мертвые могут винить нас.

Я застыла на месте, ожидая, когда мое зрение приспособится к темноте. От окна исходило слабое свечение, но если не считать этого маленького квадрата, меня окружала крошечная тьма. Воздух в комнате был прохладным и становился холоднее. В нем веяло сыростью. Пол под мной слегка прогибался, как будто я шла по земле. Казалось, я вернулась в овощной погреб. Меня окружал запах Дел: сырость, земля и гниющий картофель. Он забивался в ноздри и лез в горло, пока мне не стало казаться, что я действительно наглоталась земли, перекрывшей дыхание.

Я быстро зашаркала туда, где должна была находиться дверь, но мои руки нащупали лишь стену. Я ощупью продвинулась на пять шагов влево, потом вправо. Стена напоминала холодный бетон, а не гладко строганные сосновые доски, которые, как я знала, должны были там находиться. Я вспомнила свой первый визит в овощной погреб Гризуолдов; когда Дел закрыла дверь, я была уверена, что она заперла меня внутри. Я ощутила прилив такой же слепой паники.

Когда моя рука наконец нашарила латунную дверную ручку, она

оказалась такой холодной, что обожгла мне ладонь. Я опустила рукав рубашки и кое-как ухватилась за ручку. Я повернула ее налево и потянула, но дверь не открылась, как будто она была заперта снаружи. Однако я знала, что в этой двери нет замка.

Кто-то держит ее с другой стороны? Моя мать, решившая отомстить за то, что я каждую ночь запираю ее комнату, или, может, Ник, который пытается доказать, что призрак его сестры существует на самом деле? Но этот смех...

Я стучала в дверь, а мой разум изо всех сил пытался найти правдоподобное объяснение происходящему. Но все, что я могла придумать, – лишь безумные оправдания.

– Никки! – крикнула я. – Мама! Откройте дверь! Выпустите меня! Боже мой, откройте дверь!

Я приложила ухо к двери в надежде услышать, как кто-нибудь идет на помощь, но слышала только смех Дел, который раздавался отовсюду. Это был шутовской, издевательский смех. Смех из разряда «Я иду за тобой». Тот смех, который я слышала, когда Дел каталась по земле в последний день школьных занятий.

Мертвые могут винить нас.

Я потрясла дверную ручку, потом рухнула и прислонилась к холодному дереву. Теперь я тихо умоляла.

– Пожалуйста, – прошептала я. – Пожалуйста, выпусти меня.

Я больше не искала оправданий и не выдумывала правдоподобные сценарии. Дел заполучила меня. Она вернулась, как и предупреждал Ник. Как и настаивала Опал с самого начала. Я прислонилась к заклиненной двери, испытывая странно знакомое чувство, что все дальнейшие события будут зависеть только от Дел. Она устанавливала правила. Не было смысла противиться неизбежному. Я опустила плечи.

– Ну ладно, Дел, – сказала я. – Я в твоём распоряжении. Что теперь?

Смех резко оборвался, словно повернули рубильник, но густой запах земли и гнили только усилился.

Вдруг дверь с огромной силой распахнулась внутрь, отшвырнув меня на пол. Я проехала по полу, ударилась о ножки мольберта, и картина рухнула на меня. Я брезгливо, почти отчаянно отпихнула ее в сторону. В помещение хлынул свет. Рядом со мной лежала картина с изображением Дел, и ее взгляд по-прежнему был устремлен на меня. Я задом отползла от картины и с запозданием осознала, что нахожусь в тени того, кто открыл (или что открыло) дверь.

Мне понадобилась вся сила воли, чтобы повернуть голову и

посмотреть в дверной проем.

Я не увидела призрак Дел, парящий надо мной. В дверях с ухмылкой стояла моя мать. Она была одета в домашнее платье из набивного ситца и резиновые галоши. Ее руки были плотно забинтованы и напоминали две ярко-белые боксерские перчатки. На ее груди красовалась старая шерифская звезда Дел.

Я выпрямилась, повернувшись к ней лицом, но отступила на шаг, когда осознала, что запах гнилой картошки теперь исходит от нее.

– Я тебя знаю! – выкрикнула моя мать голосом Дел. Она покачивалась с пятки на носок и обратно. – Ты еще ничего не видела, заместитель шерифа. Ты еще ничего не видела.

Она повернулась, уверенным шагом подошла к входной двери и распахнула ее. Я вступила в гостиную, держась на безопасном расстоянии. В открытую дверь залетали порывы клубящегося снега, ее маленькая личная буря. Она вышла во тьму.

– Ма! Мама, куда ты идешь? Вернись обратно, ты замерзнешь до смерти!

– Догони меня, если сможешь, Пустынная Роза. Догони, если сможешь!

– Подожди, мама!

Я бросилась к двери и натянула сапоги. Потом я сорвала с вешалки парку и сняла фонарик с крючка на стене.

– Что происходит, Кейт?

Ник приплелся с кухни и встал, неуклюже балансируя на здоровой ноге и двух костылях.

– Моя мать только что ушла. Только я не думаю, что это она. Это Дел.

– Твоя мама – это Дел? – Ник прищурился и окинул меня взглядом: теперь на лице истинно верующего было написано сомнение.

У меня не было времени на объяснения.

– Оставайся здесь, ладно? И запри дверь. Если она вернется одна, не впускай ее. Подожди меня.

– Не впускать твою маму?

– Это *не она*, Никки.

Я застегнула молнию на парке, вышла на улицу и включила фонарик.

– Запри за мной дверь.

Снежинки кололи мое лицо. Я обвела лучом фасад дома и линию деревьев, но не заметила признаков присутствия моей матери. Остались лишь ее следы, ведущие именно туда, куда я и думала.

Я нащупала пистолет Ника в кармане парки и вознесла молитву о том,

чтобы мне не пришлось использовать его. Тем не менее наличие оружия успокаивало меня. Смогу ли я застрелить собственную мать, если буду вынуждена это сделать? Будет ли это считаться убийством, если на самом деле я выстрелю в призрак давно умершей девочки? И как можно убить того, кто уже мертв?

Я двинулась по дорожке, и когда достигла валуна, то повернула направо и снова пошла по старой тропе, уходившей в лес. Здесь, среди деревьев, темнота казалась еще более глубокой. Я то и дело поскользнулась, а снежная ночь как будто впитывала свет фонарика. Зона видимости не превышала двух футов.

– Мама? – позвала я. Но нет, я же гонюсь не за ней, верно? – Дел? Подожди меня! Подожди, Дел!

Мои ноги увязали в снегу, и я больше скользила, чем бежала. Я упала один раз, потом второй. На третий раз фонарик вылетел у меня из пальцев, и мне пришлось лезть на четвереньках в колючий кустарник, чтобы найти его. Когда я поднялась на ноги, ветер усилился и швырнул мне в лицо легкую горсть снежной крупы. Деревья застонали. Я удерживала взгляд на следах передо мной, подсвеченных лучом фонарика.

Она ведет меня к смерти? Неужели Дел ждала все эти годы, обдумывая и планируя свою месть? Были ли Ник и Опал правы с самого начала? Была ли Дел убийцей Тори Миллер? Дел в образе моей безумной, накачанной психотропными препаратами матери? Моей матери, руки которой были покрыты окровавленными, покрытыми листьями повязками и которая наутро после убийства орудовала фруктовым ножом с острым загнутым лезвием.

Теперь мы были близко друг от друга. Очень близко. Я торопливо шла по лесу, удерживая свет на следах передо мной и уверенная в том, что без них потеряю дорогу. Снег валил все гуще, и ветер нес его прямо мне в лицо. Мне приходилось останавливаться и стряхивать его. Он замерзал у меня на ресницах, размывая и без того смутный вид впереди.

Следы моей матери поворачивали направо у развилки и тянулись по прямой к старой охотничьей хижине. Но, присмотревшись к заснеженному лесному ложу, я заметила, что к ее следам присоединились еще два ряда следов, ведущих от поля Гризуолдов: одни маленькие, другие очень большие. Они быстро заполнялись снегом и пересекались друг с другом, то и дело переходя от отдельных отпечатков в следы волочения.

– Поспеши, Пустынная Роза! – донесся из темноты голос моей матери, приглушенный падающим снегом. – Осталось мало времени!

Я посмотрела на следы в снегу и вдруг поняла.

Дел вела меня в хижину не для того, чтобы отомстить.

Она взяла меня с собой, чтобы спасти Опал.

Впереди я различала тень хижины. Она опасно накренилась. Я остановилась и провела перед ней лучом фонарика. Внутри сиял неяркий свет, а окна и открытая дверь образовывали очертания пугающе искаженного лица. Я не видела движения, но слышала доносившиеся изнутри голоса. Потом раздался сдавленный крик.

Я рванулась к открытой двери – или это был рот? – и вошла внутрь.

Моя мать сидела у пузатой железной плиты и смотрела на чердак, где старая масляная лампа свисала с крюка на потолке. На полу чердака лежала Опал; ее руки были связаны толстым проводом, а другой отрезок провода был петлей пропущен вокруг ее шеи. В ее рот был засунут носовой платок. Глаза выпучились от ужаса. А сверху, оседлав ее и держа в руках свободные концы провода, восседал Зак.

Глава 18

17 ноября 2002 года

– Смотри-ка, у нас появилась компания! – сказал Зак и отвернулся от Опал, чтобы посмотреть на нас, но по-прежнему сжимая в руках концы провода, словно бойскаут, готовый показать свое мастерство в вязании узлов.

– Джин, Джин, Джин. Что *ты* здесь делаешь в такую погоду? – Он ослабил хватку и ослабил натянутый провод. – Кейт, тебе должно быть стыдно, что твоя мать бежит по ночам в одной ночной рубашке. Бедняжка может простудиться и умереть.

Но она не моя мать. Она Дел.

Мало-помалу я собирала цельную картину, нанизывая путеводные сигналы, словно кусочки дерева в одном из ожерелий Ленивого Лося. Вроде того, которое я ukrала и передала Дел. Мой единственный подарок для нее.

Приятель Ника подарил Дел звезду. Кто-то особенный.

Зак сокрушенно смотрел на нас и качал головой, словно разочарованная, но не слишком удивленная мамаша. Опал воспользовалась его секундной невнимательностью: она яростно задргала ногами и изогнулась всем телом, пытаясь столкнуть его. На мгновение я подумала, что она сумеет освободиться, скатится через край и упадет на восемь или десять футов вниз, на пол первого этажа. «Мы забыли про матрас», – ошалело подумала я. Но Зак едва двинулся с места. Он просто сместился и уперся коленом в грудь Опал, тут же утихомирив ее. Она испустила тихое «у-уфф!», словно от удара.

Все ее тренировки полетов и падений, прыжки с сеновала, воздушные трюки на велосипеде с пандусов, которые она строила; ее одержимость воздушной акробатикой, бросавшей вызов силе тяготения; женщины, которые ходили по крыльям бипланов и занимались стрельбой из лука в небесах. А теперь Опал оказалась пригвожденной к полу, и ее трюки уже не могли ей помочь. Никто не мог спасти ее, кроме меня.

Я нащупала пистолет в кармане, нашла предохранитель и спустила его.

– Давай полегче, – сказала я.

Холодный металл пистолета жег мне ладонь. Я взялась за рукоять и положила палец на спусковой крючок. Заместитель шерифа Пустынная

Роза вернулась в город.

– Скажи мне одну вещь, Зак, – попросила я. – Почему Опал?

Я полагала, что если заставлю его говорить, то он, возможно, ослабит бдительность, и я смогу сделать свой ход, хотя и не была уверена, в чем он будет заключаться.

Зак одарил меня сальной улыбкой и промолчал. Когда я решила, что он не собирается отвечать, он вдруг заговорил.

– Маленькая мисс-легкие-пальчики позаимствовала не ту игрушку.

Ага, теперь все совпало. Это был последний недостающий фрагмент. Он не имел ничего общего с родством между Дел и Опал. Все дело было в привычке Опал тайком брать чужие вещи.

– Звезда Дел, – предположила я.

– Динь-дон, эта леди заслужила приз! – воскликнул Зак, который казался искренне обрадованным. – Опал нашла ее в ящике моего стола в тот день, когда ждала меня с печеньями. Она не только взяла звезду, но и приколотла ее к материнской куртке, в которой потом разгуливала повсюду! Маленькая сучка играла в свои игры и дразнила меня. Прямо как новая Дел.

– Поэтому ты решил убить ее и вернуть себе звезду, пока никто не догадался, – сказала я, завершая хорошо знакомую историю. – Но Тори надела ту куртку, и ты по ошибке угробил ее. Зато, по крайней мере, ты получил звезду.

А бедная Опал вернулась в лес поискать звезду, не понимая, что это ключевой фрагмент головоломки. Она просто хотела вернуть ее в ящик твоего стола, пока ты не обнаружил пропажу.

– Они правда похожи, тебе не кажется? – Зак вздохнул. – А еще эта проклятая куртка; признаю, она ввела меня в заблуждение. Но теперь маленький кусочек Тори составляет компанию букве «М». Я все эти годы хранил этот кусочек Дел у самого сердца.

– В Колесе Жизни, – сказала я, испытав приступ тошноты при мысли о крошечном кусочке кожи, спрятанном в серебряном диске самим Богом Смерти.

Я помнила голодных духов – существ с огромными глазами и длинными шеями в нижнем правом квадранте Колеса Жизни. Что может сделать вас более голодным, чем жизненно важный кусочек вашего собственного тела, которым завладел ваш убийца? Потом тот же самый убийца стал угрозой для жизни вашей сестры, за которой вы наблюдали более двенадцати лет. Да, Дел проголодалась. Достаточно сильно, чтобы найти дорогу обратно.

Я посмотрела на свою мать. Ее руки в белых повязках были опущены, как боксерские перчатки, звезда Дел блестела в свете лампы. Талисман, который, как я теперь понимала, помог вернуть ее сюда и удерживал в теле моей матери. Оно было якорем, связывавшим ее с прежней жизнью, с материальным миром.

Все возрастающие дозы лекарств, которые мы давали матери, оказывали свое действие. Она действительно успокаивалась. Чем дальше она отступала, тем больше места освобождала для Дел; лекарства оставляли на ее теле ярко-красный мигающий знак: «Свободно».

– Как ты заставил мою мать послужить прикрытием для тебя? – спросила я. – Она сказала полицейским, что была с тобой в тот день, когда убили Дел. Ясно, что она не знала всей правды.

Зак с улыбкой посмотрел на мою мать.

– Я сказал ей, что был с Ником. Она достаточно много знала о наших отношениях и понимала, почему мне приходится лгать.

В этот момент, словно по сигналу, дверь распахнулась, и в дом ворвался порыв ледяного ветра, за которым последовал Ник, ковылявший на костылях. Он обвел сцену действия взглядом, затуманенным от угнетающего действия обезболивающих, и спросил:

– Что здесь творится? Зак? Кейт? Может, кто-нибудь объяснит мне, что за чертовщина здесь происходит?

– Привет, любовничек, – окликнул его Зак с чердака. – Мы как раз говорили о тебе.

– Профессор только что рассказал нам, как он использовал твою связь с ним, чтобы убедить мою мать и обеспечить себе алиби, – объяснила я.

– Алиби? – переспросил Ник.

– Он также сообщил нам, что хранит кусочек кожи Дел в своем «Колесе Жизни», – сказала я. – Буква «М» все это время висела у него на шее. Теперь у него есть и кусочек тела Тори.

Ник прищурился и посмотрел на Зака:

– Ты. Это ты убил Дел? Но ты и я, мы... Я думал... О, Господи... – Его голос сменился тихим шипением, словно остатки воздуха выходили из сдутой камеры.

– Бедный Ник. Ты был частью упаковки: красной ленточкой наверху. А твоя сестра была коробкой вишенки.

Он крепче ухватился за концы провода и посмотрел на Опал сверху вниз, как, должно быть, раньше смотрел на Дел. Возможно, сейчас он видел Дел.

– Она была слишком хороша для вас, – сказал Зак. – Я собирался

вытащить ее из убогой и мелочной жизни, где она день за днем копалась в захолустных полях, ломала ногти и резала пальцы, слушала поганые школьные вирши о Картофельной Девочке и ложилась спать лишь для того, чтобы проснуться и обнаружить рядом своего папашу со спущенными штанами. Я хотел спасти ее. Но она все испортила.

– Понимаю, Зак, – сказала я. – Ты любил ее. В ней было что-то особенное, поэтому ты подарил ей звезду. Но потом у нее появилась эта татуировка... – Я пожала плечами. – У тебя действительно не было выбора. Но, Зак, это же была *Дел*. Тебе не нужно наказывать Опал. Брось веревку и отпусти ее.

– Боюсь, я не могу этого сделать, – сказал он. – Маленькая сучка присоединится к своей сестре.

Глаза Опал широко распахнулись, когда ей наконец открылась правда. Но у нее не оставалось времени осмыслить происходящее.

– Нет! – крикнул Ник и заковылял к лестнице так быстро, как только мог.

Зак дернул концы провода и оторвал голову Опал от пола. Она брыкалась и извивалась в отчаянной борьбе за глоток воздуха, и я получила ужасающее представление о том, какими были последние моменты жизни *Дел*.

Я выхватила пистолет из кармана и тщательно прицелилась, – именно так, как Ник учил меня много лет назад.

Нажать на спусковой крючок оказалось просто и естественно. Я ни секунды не сомневалась в своей правоте, потому что собиралась сделать единственную вещь, к которой стремилась всю свою жизнь.

Я наконец-то могла спасти девочку.

Я поднялась на чердак неторопливо, как в замедленной съемке, вспоминая то время, когда делала это ребенком, торопясь вслед за *Дел* и *Ником*. Мне казалось, что я до сих пор ощущаю запах сигаретного дыма и слышу стук ножа, попадающего в мишень на стене. *Дел* воспользовалась этим ножом, чтобы надрезать кожу на наших пальцах и смешать нашу кровь, чтобы мы оставались связанными не только при жизни, но и после смерти. Мы были кровными сестрами.

Я обошла вокруг Зака, опустилась на колени и сняла обвисший провод с шеи Опал, потом развязала ее руки и ноги. Когда я вытащила из ее рта скомканный носовой платок, она несколько раз сдавленно вздохнула.

– Все в порядке, – обратилась я к ней. – С тобой все будет хорошо. Через минуту я вытащу тебя отсюда.

Потом я повернулась к Заку, чье тело изогнулось на полу и отдаленно напоминало вопросительный знак. Мне не нужно было проверять пульс, чтобы убедиться, что он мертв, но мои пальцы все равно нащупали сонную артерию и обнаружили лишь холодную, влажную кожу. Вытекло удивительно мало крови, и отверстие в его груди казалось таким маленьким, что напомнило мне о горлице, которую давным-давно подстрелила Дел, и о том, как она раздвинула перья и накрыла пальцем входную рану.

«Этот человек был любовником моей матери», – подумала я. Он заставлял ее смеяться, – тогда, в типичной. Когда мы верили в утопию, созданную своими руками.

Я взялась за подвеску с Колесом Жизни и аккуратно сняла ее через голову с шеи мертвого профессора. Она оказалась удивительно легкой, принимая во внимание ее размер и содержимое. Бог Смерти гримасничал, но голодные духи, казалось, испустили общий вздох облегчения.

Я помогла Опал спуститься по лестнице, держа Колесо Жизни в правой руке. Внизу я усадила дрожащую девочку на одну из коек, покрытых побитыми молью покрывалами, и поднесла подвеску моей матери, которая с улыбкой приняла ее и прижала к груди, как раз над сердцем.

Мне хотелось о многом спросить и многое сказать, но Дел заговорила первой.

– Думаю, теперь мы квиты, – произнес ее голос. В дыхании матери я уловила запах сырой плесени и гниющей картошки. – Ты остаешься моим заместителем.

– Всегда, – пообещала я. – Жизнью клянусь.

В доказательство своих слов я расстегнула блузку и сорвала бинты. Он был там: мой собственный секрет, вытатуированный черными чернилами, красный и припухший по краям, прямо у меня над сердцем.

Моя мать улыбнулась и закрыла глаза, когда Дел в последний раз прошептала мое имя:

– Пустынная Роза...

Колесо Жизни выскользнуло из пальцев моей матери и с глухим стуком упало на старый сосновый пол.

Странно-безмятежное выражение на лице матери сменилось знакомой растерянностью.

– Кузнечик? – спросила она, широко раскрыв глаза.

Мама пришла в себя. Дел покинула ее.

Часть 3

Глава 19

24 ноября 2002 года

Опал потянула за высокий воротник свитера, который она надевала для того, чтобы скрыть свое разноцветное ожерелье из синяков – настоящую коллекцию из багровых, желтых и коричневых пятен. После того вечера в хижине она иногда испытывала приступы паники и начинала дышать, как астматик. Психотерапевт научил ее простому трюку. Нужно было медленно считать про себя до четырех: вдох, 1, 2, 3, 4; выдох, 1, 2, 3, 4.

Этим она и занималась, сидя за столом в кофейне аэропорта напротив Кейт. Она потихоньку откусывала кусочки вишневого пирога со своей тарелки; ягоды казались странно вялыми и бледными в ярко-красном сиропе. Посадка на самолет у Кейт начиналась через двадцать минут, а Опал хотелось еще о многом сказать и задать много вопросов, на которые, как она думала, у Кейт обязательно найдутся ответы. Рейвен и Ник ушли вниз поискать сувенирную лавку и купить Кейт бутылочку кленового сиропа на память о доме.

– Мне всегда хотелось иметь сестру, – сказала Опал.

– Дел тоже этого хотела, – ответила Кейт.

Сестра Дел. Опал понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к этой мысли, хотя в глубине души она поняла, что это правда, как только услышала слова Зака. *Эта маленькая сучка присоединится к своей сестре...*

Опал вернулась к дыхательным упражнениям, отщипывая по кусочку слишком сладкого вишневого пирога. Она убрала со стола правую руку, пошарила в кармане куртки и нащупала свой последний трофей: бутылочку шампуня с маслом чайного дерева. Кейт даже не заметит пропажу, а если заметит, то решит, что просто забыла шампунь в душе большого амбара.

Пора кончать с привычкой одалживать вещи без спроса. Опал знала, что *должна* это прекратить. Только подумать, к какой беде это привело. Если бы она не стащила звезду из сигарной коробки в ящике письменного стола Зака в тот день, когда принесла печенье, Тори осталась бы в живых.

Снова подступило удушье. Тугой провод врезался в шею. Она оттянула воротник свитера и потеряла ноющие синяки. *Вдох, 1, 2, 3, 4; выдох, 1, 2, 3, 4.*

Опал думала о том, что они узнали только сегодня утром: в ожерелье

Зака был и третий кусочек кожи, и полицейские исследовали случаи неразгаданных убийств молодых девушек в районе Торонто. Ей до сих пор казалось невероятным, что любимый дядя Зак был способен на подобные зверства. Она не могла представить хладнокровный расчет, планирование и предусмотрительность, жестокое мастерство не оставлять за собой никаких улик.

Когда Кейт впервые рассказала ей о звезде Дел, она была уверена, что здесь есть какая-то ошибка. Она села на велосипед и поехала в колледж, чтобы спросить Зака, откуда он взял эту звезду, не сомневаясь в том, что найдется разумное объяснение. И он казался искренне удивленным, когда Опал сообщила ему, что звезда, которую она нашла в его ящике, могла принадлежать Дел. В сущности, он предложил сразу же обратиться в полицию. По дороге он обещал рассказать увлекательную историю о происхождении звезды. Они положили ее велосипед в багажник его «Субару», и он, бледный и сосредоточенный, поехал не в отделение полиции, а к старой ферме Гризуолдов, где повел автомобиль через заснеженное поле и остановился где-то в лесу. К тому времени, когда она поняла, что попала в беду, было уже слишком поздно.

Вдох, 1, 2, 3, 4; выдох, 1, 2, 3, 4.

– Я до сих пор не понимаю, как звезда оказалась у твоей матери... то есть у Дел, – сказала Опал.

– Она нашла ее в моей комнате. Зак взял ее у Тори и подбросил в мою сумочку. Я не знаю, было ли это частью некой психопатической игры, или он надеялся, что полицейские найдут звезду у меня. После всех усилий, которые он приложил для возвращения звезды, можно было бы подумать, что он захочет сохранить ее у себя. Но возможно, какая-то крошечная рациональная часть его мозга понимала, что держать при себе такую улику опасно. Полагаю, тогда же он забрал мой швейцарский нож.

– Тогда он... что? Пытался подставить тебя, или что?

– Да, – ответила Кейт. – На самом деле это был идеальный план: я появляюсь в городе как раз в нужный момент, и все знают о моей связи с Дел. Я была наиболее вероятной из подозреваемых. Он приложил массу усилий, чтобы подставить меня, и даже оставил нож, которым он... ранил Тори... на кухонном столе моей матери. На следующее утро я увидела, как мама орудует этим ножом. Господи, он даже заставил меня подозревать ее! В тот вечер, когда была убита Тори, она уходила в лес. Не думаю, что мы когда-либо узнаем, что она там видела или не видела. Мне кажется, что это Дел вселялась в тело моей матери, чтобы попытаться спасти тебя.

– Призрак, который я видела, когда вернулась за курткой, на самом

деле был твоей мамой? – спросила Опал.

Кейт кивнула:

– Думаю, так оно и было.

– А как насчет того вечера, когда мы с тобой встретились в лесу? – спросила Опал.

– Забавно, – сказала Кейт. – Я попыталась избавиться от той самой вещи, которую ты искала. Я закопала звезду в старом овощном погребе Гризуолдов. Следующей ночью Ник убедил меня выкопать ее; потом я спрятала звезду под подушкой, а моя мать нашла ее. Думаю, эта находка наделила Дел силой и помогла ей вернуться в наш мир.

Опал глубоко вздохнула.

– Я так ошибалась насчет нее, – тихо признала она.

– Мы все ошибались, – добавила Кейт. – И это очень грустно. После смерти она осталась такой же непонятой, как и при жизни.

– Каждый раз, когда я видела ее, она наблюдала за мной, верно? Проверяла, куда я направляюсь, пыталась предупредить меня?

– Да, – ответила Кейт, глядя на остатки кофе и вращая чашку в руках. – Правда, Опал, я так думаю.

Рейвен и Ник подошли к столику с сумкой, полной кленового сиропа, сладостей с кленовым сиропом, футболкой с картинкой лося и экземпляром журнала «Жизнь Вермонта».

– Это поможет тебе продержаться, пока ты не вернешься сюда на Рождество, – сказала Рейвен.

– Теперь я чувствую себя настоящей туристкой, – призналась Кейт, принимая подарки. Она взглянула на счет, оставила деньги на столе и начала собирать вещи.

– Не могу поверить, что уезжаю, – сказала она. – Что сегодня вечером я буду ужинать в собственной кухне. Боже, как я соскучилась по микроволновке... и моей посудомоечной машине! Но это как-то странно, после всего...

– Кейт, – сказала Рейвен. – Не беспокойся о своей матери. Мэг говорит, что «Спрюз Вью» – лучший санаторий для престарелых. И мы будем регулярно навещать ее, правда, Опал?

Опал энергично закивала. Сегодня утром они оставили Джин за чаем в маленькой столовой с белоснежными салфетками. Она попробовала джем из баночки на столе, подмигнула Кейт и сказала:

– Клубничный джем, Кузнечик. Наш любимый. Мы с Мими в этом году закрыли много банок консервов. Хороший был урожай.

– Ну конечно, мама, – сказала Кейт. – Один из лучших.

После объятий, поцелуев и обещаний позвонить они посмотрели, как Кейт прошла через рамку металлодетектора и спустилась по пандусу к самолету. Наблюдая за ней, Опал прикоснулась к бутылочке шампуня в своем кармане. Когда она обернулась, то увидела слезы на глазах у Ника, что выглядело немного странно, но с другой стороны, за последние дни ей приходилось видеть и более странные вещи.

– Она вернется на Рождество, – обратилась Опал к мужчине, который, как она недавно узнала, оказался ее братом. Он слабо улыбнулся, словно маленький мальчик, которому пообещали сладкий десерт, если он съест порцию шпината.

– Мы можем подняться на обзорную башню? – спросила она.

– Если хочешь, – отозвалась Рейвен.

– Я подожду здесь, – сказал Ник и опустил на стул.

Опал вышла в холл, покрытый серым ковролином, миновала плавный поворот и поднялась по спиральной металлической лестнице на вершину башни, которая была ее любимой частью аэропорта. Помещение размером с маленькую спальню и огромными окнами от пола до потолка вместо стен. Ряды уродливых оранжевых стульев были обращены к каждому окну, а из динамика на потолке транслировались все радиоконтакты с диспетчерской вышкой. Опал и Рейвен были единственными посетительницами.

Опал подошла к западному окну и заметила небольшой DC-9, который доставит Кейт в Бостон, где она пересядет на магистральный авиалайнер до Сиэтла. Она смотрела, как последние пассажиры поднимаются по металлическому посадочному трапу. Через несколько минут трап убрали, люк закрылся, и самолет начал выруливать на взлетную полосу. Из динамика раздались шуршащие звуки переговоров пилота с диспетчером на вышке.

– Пойдем, милая, – сказала Рейвен. Она направилась к лестнице и начала спускаться; стук ее каблуков эхом отдавался в комнате. – Нас ждет Ник.

– Уже иду, – крикнула Опал ей вслед. Но что-то на взлетной дорожке привлекло ее внимание как раз в тот момент, когда самолет Кейт пошел на подъем. Луч света отразился от крыла, как будто кто-то послал сигнал ручным зеркальцем. Свет ударил ей в лицо, отразился от оконного стекла за ее спиной и исчез. Самолет оторвался от земли и наклонился влево, равномерно набирая высоту.

Там, на крыле, была Дел – ее сестра – серебряная звезда, сверкающая в солнечном сиянии, раскинувшая руки и исполнявшая бесшабашный танец,

бросавший дерзкий вызов силе тяготения. Ее ковбойская рубашка развевалась за спиной, а волосы разлетелись вокруг лица, когда она направляла большую белую птицу в облака: величайшая воздушная акробатка всех времен. И даже через толстое стекло обзорной башни Опал слышала ее смех, доносившийся с ветром, и лукавую поддѐвку: *Догони меня, если сможешь.*

---

notes

Примечания

«Amnesty International» (известная также как Amnesty, AI, Международная амнистия, МА, «Эмнести») – международная неправительственная организация, основанная в Великобритании в 1961 году, которая ставит своей целью «предпринимать исследования и действия, направленные на предупреждение и прекращение нарушений прав на физическую и психологическую неприкосновенность, на свободу совести и самовыражения, на свободу от дискриминации в контексте своей работы по продвижению прав человека». (Прим. ред.)

Тетербол – детская игра с перебрасыванием мяча, привязанного к столбу. *(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)*

«Спитфайр» (Spitfire) – название британского истребителя времен Второй мировой войны.

Часть шутового американского рифмованного обмена прощальными фразами: «До свиданья, крокодил!» – «Увидимся, аллигатор!».

Лон Чейни-младший (1906–1973) – американский актер, наиболее известный ролями монстров в классических фильмах ужасов. В частности, снимался в фильмах «Сын Дракулы» и «Франкенштейн». Бела Лугоши (1882–1956) – американский актер венгерского происхождения, наиболее известный исполнением роли Дракулы в одноименном фильме. Интересно, что эта роль была предназначена для Лона Чейни-старшего, но он умер до начала съемок.

Чарльз Огастес Линдберг (1902–1974) – американский летчик, ставший первым, кто перелетел Атлантический океан в одиночку. (*Прим. ред.*)

Уайетт Эрп (1848–1929) – охотник, шериф, картежник, спекулянт, мелкий политик и человек большой души, один из любимых персонажей американского Дикого Запада.

Уильям Генри Маккарти – американский преступник второй половины XIX века, известен под прозвищем Билли Кид. Также был известен под псевдонимами Генри Антрим и Уильям Гаррисон Бонни. *(Прим. ред.)*

Джулия Чайлд (1912–2004) – американский шеф-повар французской кухни и популярная телеведущая.

Аллегорический роман-притча Германа Гессе. *(Прим. ред.)*

Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 7. *(Прим. ред.)*

Игра слов. Дое – самка оленя и имя женщины.

Амблиопия (синдром «тупого», «ленивого» глаза) характеризуется бездействием, неучастием одного из глаз в процессе зрения.

Мотрин – лекарственный аналог ибупрофена.

Джон Дир (1804–1886) – американский кузнец и промышленник, изобретатель стального плуга, основатель компании «Deere & Company» – крупнейшей конструкторской сельскохозяйственной фирмы в мире. (Прим. ред.)

Персонаж, ставший призраком; герой одноименного фильма Брэда Силберлинга (США). *(Прим. ред.)*

Нэнси Дрю – литературный и киноперсонаж, девушка-детектив, известная во многих странах мира. Была создана Эдвардом Стратемаэром, основателем книжного издательства «Синдикат Стратемаэра». *(Прим. ред.)*

Один из эпизодов мультсериала «Том и Джерри в детстве».

New Hope – новая надежда (*англ.*).

Цитата из рождественской песни 1857 года.

Первая половина фамилии переводится как «землеройка».

Анжела Лэнсбери (р. 1925) – американская актриса. Здесь речь идет о ее главной роли в английском сериале «Она написала убийство».

Халк – супергерой комиксов в изданиях «Marvel Comics». *(Прим. ред.)*

Игра в мяч, упрощенная разновидность бейсбола.

Детская игра, участники которой за короткий срок должны найти и собрать определенные предметы.